

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

КРИМИНАЛИСТИКА: НАУКА, ПРАКТИКА, ОПЫТ

**Всероссийская научно-практическая конференция
(29 сентября 2023 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2023

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2023
ISBN 978-5-9694-1409-9

УДК 343.9
ББК 67.52
К82

Рецензенты:

начальник отдела организационно-аналитической работы
в сфере государственной защиты Управления по обеспечению
безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России
кандидат юридических наук **С. В. Эсаулов**; врио начальника Отдела
МВД России по району Солнцево г. Москвы **С. И. Соложенцев**

Составитель *И. В. Тишутина*

Криминалистика: наука, практика, опыт : Всероссийская
научно-практическая конференция, 29 сентября 2023 г. : сборник
научных трудов / [сост. И. В. Тишутина]. – М. : Московский универ-
ситет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 258 с. – 1 электронный
оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ;
RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком
диске.

ISBN 978-5-9694-1409-9

В сборник включены научные статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Криминалистика: наука, практика, опыт», посвященной 90-летию со дня рождения профессора В. П. Лаврова. Издание отражает дискуссионные проблемы криминалистической теории и практики.

Сборник адресован преподавателям, адъюнктам, соискателям образовательных организаций МВД России, а также будет полезен для практических работников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Титова В. П.*
Компьютерная верстка *Абилова Ф. А.*

Подписано к изданию 25.07.2023
Объем издания: 2,27 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1409-9

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Волынский А. Ф.

Профессор В. П. Лавров – соратник и друг 9

Аминев Ф. Г.

О проблемах использования специальных знаний как составной части
методики расследования преступлений по горячим следам 13

Васильева М. А.

Незапоздалое признание. Светлой памяти профессора В. П. Лаврова..... 18

Владимиров В. Ю., Алиев М. М.

Криминалистическая одорология
в расследовании преступлений по горячим следам..... 23

Гаврилин Ю. В.

Роль научного наследия профессора В. П. Лаврова
в развитии криминалистических знаний..... 28

Гармаев Ю. П.

Предмет теории преодоления противодействия расследованию:
развитие идей профессора В. П. Лаврова 33

Головин А. Ю., Головина Е. В.

Понятие противодействия расследованию преступлений
в концепции профессора В. П. Лаврова 38

Давыдов В. О.

Субъект преступной деятельности экстремистской направленности:
социально-психологическая и личностно-функциональная характеристика 43

Дронова О. Б.

Особенности становления трасологических учетов,
ведущихся в экспертно-криминалистическом
подразделении МВД России 49

Зеленский В. Д.

К вопросу о структуре организации расследования преступлений 54

Кардашевская М. В.

Криминалистическая теория временных связей и отношений,
перспективы ее развития в современном мире 59

Каминский А. М.

Рефлексия в процессе конструирования и эксплуатации систем
искусственного интеллекта в криминалистическом обеспечении деятельности
по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений 62

Комаров И. М.

К вопросу о классификации криминалистических методов познания 67

Кручинина Н. В.

Научные исследования профессора В. П. Лаврова как основа
для развития учения о пространственно-временных факторах..... 73

Кучин О. С.

Влияние тотальной цифровизации общества
на состояние безопасности страны..... 76

Можяева И. П.

Концептуальные идеи профессора В. П. Лаврова
и их роль в развитии криминалистического учения
об организации расследования преступлений..... 83

Прорвич В. А.

Информационно-методическое обеспечение для расследования
нераскрытых преступлений прошлых лет в сфере цифровых прав..... 89

Смахтин Е. В.

Владимир Петрович Лавров: ученый, наставник и педагог 96

Тишутина И. В.

Научный вклад профессора В. П. Лаврова в становление
и развитие частной криминалистической теории преодоления
противодействия расследованию..... 101

Ткачук Т. А., Михайлов А. Е.

Некоторые тактические аспекты борьбы
с «фейковыми новостями» в современных условиях 106

Шаталов А. С.

Научное наследие профессора В. П. Лаврова
как повод для воспоминаний и размышлений 111

Халиков А. Н.

Развитие теоретических проблем криминалистики
в трудах профессора В. П. Лаврова 115

Хрусталеv В. Н.

Целесообразность и специфика преподавания криминалистики
будущим специалистам-криминалистам и судебным экспертам..... 120

Архипова И. А.

Особенности личности преступника по делам о незаконной охоте 128

Данильян Э. С.

О планировании расследования по нераскрытому преступлению 132

Костенко К. А.

О приоритетных направлениях развития криминалистической деятельности
в современных условиях информатизации и цифровой трансформации..... 135

Латин В. О.

Лавров Владимир Петрович – выдающийся ученый-криминалист
и заботливый наставник..... 141

Осяк В. В.

Некоторые аспекты криминалистического обеспечения
нераскрытых преступлений прошлых лет 148

Пилякин М. И.

Понятие крупнокалиберного огнестрельного оружия
в отечественном правовом поле..... 152

Попов В. А., Рудакин А. А.

К вопросу о тактике проверки заявлений
по делам о киберпреступлениях 155

Сафонов Г. И.

Особенности современной розыскной деятельности следователя
при использовании информационно-телекоммуникационных технологий 162

Светличный А. А.

К вопросу о недопустимости использования понятий
«частная криминалистическая теория» и «криминалистическое учение»
в качестве синонимов в теории и практике криминалистики 165

Серова Е. Б.

Некоторые особенности заключительного этапа
расследования убийств прошлых лет 169

Берестенко Е. Д., Ростовцев А. В.

Особенности ольфакторного метода исследования
в раскрытии и расследовании преступлений..... 175

Воронцов Д. О.

Проблемы преодоления противодействия расследованию экономической преступности в условиях развития оборота криптовалюты 179

Данилкина В. М.

Криминалистическое значение системы видеофиксации «Безопасный город» при раскрытии и расследовании преступлений по горячим следам..... 184

Меркулова М. В.

О некоторых способах дистанционного мошенничества 188

Мозговая Д. А.

Противодействие получению образцов для сравнительного исследования 193

Неупокоева И. А., Клопертанец М. А.

Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений 196

Николаева А. Н.

Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей..... 200

Новикова Л. В.

Осмотр места происшествия: значение фиксации хода и результатов его проведения 206

Посельская Л. Н.

Основные направления деятельности на первоначальном этапе расследования преступлений по горячим следам 210

Рахматуллин Р. Р.

Научная категория «раскрытие преступлений» и роль В. П. Лаврова в разработке современных представлений..... 216

Рубцов В. Г.

Использование информационных и телекоммуникационных технологий для криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений с участием представителей этнических диаспор 220

Скороделова Е. И.

Цифровой след в криминалистике: преодоление противодействия расследованию преступлений 226

Шеховцова Л. С.

Разыскная деятельность следователя при проверке сообщения
о совершенном преступлении 231

Шуваева М. С.

К вопросу организации раскрытия
и расследования преступлений по горячим следам..... 234

Щербич Л. А.

Теория противодействия расследованию: новые подходы..... 239

Дрога А. А., Душенко М. М.

Особенности применения тактических комбинаций
при допросе в целях преодоления противодействия расследованию 243

Болдырева Е. А.

Использование криминалистических учетов
как важный элемент криминалистического обеспечения
раскрытия и расследования преступлений 247

Казакова А. Н.

К вопросу о своевременности обнаружения цифровых следов как способе
преодоления противодействия расследованию преступлений..... 250

Максимова В. П.

Тактические аспекты использования результатов экспертиз и исследований
в ходе расследования нераскрытых преступлений прошлых лет 254

Волынский А. Ф.¹,
*профессор кафедры криминалистики
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, профессор*

ПРОФЕССОР В. П. ЛАВРОВ – СОРАТНИК И ДРУГ

Владимир Петрович Лавров – один из выдающихся представителей славной когорты ученых-криминалистов советской (российской) школы; Педагог и Человек, всю свою жизнь посвятивший науке, призванной оптимизировать деятельность государственных правоохранительных и правоприменительных органов по обеспечению безопасности общества, государства и человека.

Поморский паренек, с отличием закончив в 1949 г. среднюю школу, приехал в Москву и поступил в университет имени его знаменитого земляка М. В. Ломоносова. Получив через пять лет диплом с отличием юриста-правоведа, он принимает предложение по трудоустройству – следователем милиции. Это, по его выражению, было время «прагматизации университетских знаний», что он считал принципиально важно для становления ученого-криминалиста. Позже он утверждал, чтобы претендовать на ученую степень в области криминалистики, необходимо, как минимум, иметь двух-трехлетний опыт практической деятельности после получения высшего образования. Сам профессор Владимир Петрович Лавров поступил в адъюнктуру Высшей школы МВД СССР по кафедре криминалистики, приобретя почти пятилетний стаж следственной работы. Это имело решающее значение в формировании его убеждений, как ученого: «что делать и как делать».

В этой же Высшей школе МВД СССР с 1961 г. посчастливилось учиться и мне, причем в группе специально созданного отделения по подготовке экспертов-криминалистов. При этом организация учебного процесса по специальности была возложена на кафедру криминалистики, которую в то время возглавлял уже хорошо известный ученый-криминалист Р. С. Белкин. В формировании нового учебного курса и в организации учебного процесса в этой группе он задействовал ведущих ученых кафедры (И. М. Лузгина, Г. А. Самойлова, А. Ю. Пересункина), а вместе с ними и адъюнктов (В. П. Лаврова, В. П. Бахина, Н. И. Порубова), которые проводили в основном семинарские и практические занятия. В. П. Лаврову, кроме того, было поручено организовать в группе научный кружок слушателей, руководителем которого, по неведомым мне причинам, он назначил меня.

Так начиналось наше творческое содружество, а вместе с тем личные неизменно доброжелательные отношения. При этом Владимир Петрович публично, в аудитории, ко всем слушателям обращался «на Вы», демонстрируя, как мне тогда казалось, показную строгость. Однако, наблюдая за его общением с другими собеседниками, я убедился, что это присущая ему привычка или черта характера. Позже при обсуждении научных проблем он, как правило, выступал

¹ © Волынский А. Ф., 2023.

с позиции труднопреодолимой убежденности в правоте его мнения, причем зачастую следует признать, довольно убедительно аргументированного. А еще, что мне представляется важно отметить, и публично (читая лекции, выступая на конференциях или семинарах), и в личных беседах Владимир Петрович постоянно подчеркнуто уважительно отзывался о ветеранах криминалистической науки, о творческих успехах его современников. С каким-то особенным пиететом и любовью он рассказывал о своей малой родине – о Поморском крае и о своих земляках, с которыми он поддерживал постоянную связь.

В 1980 г. Владимир Петрович успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Общие положения организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет». Эта тема во многом определила проблематику его дальнейших научных исследований, основу которой составляют, судя по опубликованным им работам, проблемы общей методики расследования преступлений и методики расследования отдельных видов преступлений, причем в диапазоне от горячих следов, до прошлых лет.

После окончания Высшей школы в 1964 г. я более пяти лет работал в экспертно-криминалистических подразделениях, и иногда «издалека» и «по случаю» общался с Владимиром Петровичем. Но в 1969 г. в Высшей школе (тогда уже МООП РСФСР, а не МВД) при кафедре оперативно-разыскной деятельности была создана проблемная лаборатория, в которой я был назначен научным сотрудником. К тому времени, завершая работу над кандидатской диссертацией по криминалистике, я вновь оказался в постоянном творческом контакте с Владимиром Петровичем. Он выступал рецензентом при обсуждении моей работы на заседании кафедры. Тогда, замечу, мне пришлось пережить поучительные уроки его доброжелательной строгости.

После защиты диссертации (1971 г.) я был переведен на работу в Штаб Министерства и наши контакты с Владимиром Петровичем вновь стали ситуативными. Только в 1989 г. мы оказались в постоянном личном контакте. Он, до того руководивший кафедрой криминалистики юридического института МВД СССР, был назначен заместителем начальника этого института, а мне предложил возглавить эту кафедру.

Пройдя после окончания учебы в Высшей школе довольно сложный и во многом поучительный путь от эксперта-криминалиста до заместителя начальника экспертно-криминалистического управления МВД СССР, я хорошо представлял проблемы этой службы и возможности их решения, начиная с профессиональной криминалистической подготовки сотрудников правоохранительных органов, поэтому, не сомневаясь, принял его предложение.

Вскоре на эту же кафедру на должность профессора мной была приглашена Е. Р. Россинская (дочь Р. С. Белкина), которую я хорошо знал по работе в ЦНИКЛ МВД СССР как человека, несомненно способного, инициативного и деятельного. А некоторое время спустя, на пенсию оформился Владимир Петрович. Он тоже оказался на этой же кафедре, и тоже на должности профессора. Так вместе на одной кафедре оказались два, несомненно, талантливых, по-сво-

ему и в меру амбициозных человека, но с разным опытом научной и практической деятельности. Каждый из них имел свой особый предмет научного интереса. Владимир Петрович представлял его в традиционном понимании предмета криминалистики как науки о раскрытии и расследовании преступлений. Е. Р. Россинская акцентировала внимание на проблемах судебной экспертизы.

Владимир Петрович критически воспринимал и комментировал «искусственно организованную и механически осуществленную» дифференциацию криминалистических знаний, противоречащую, по его мнению, самой природе криминалистики как синтезированной науки. Елена Рафаиловна рассматривала отпочкование судебной экспертизы от криминалистики в аспекте общих закономерностей развития науки и как способ самоутверждения судебной экспертизы в качестве самостоятельной науки. При этом, судя по всему, не придавалось должное значение особенностям дифференциации знаний прикладных наук, к числу которых относится криминалистика.

В конечном счете судебная экспертиза обособилась не только от криминалистики, но и от реалий криминалистической практики, в ее изначальном и широком понимании, т. е. от практики раскрытия и расследования преступлений, а обособившись, она тем не менее стала претендовать на доминирующее положение в общей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, что не мог не заметить Владимир Петрович и о чем в дальнейшем писала сама Елена Рафаиловна, представляя экспертологию как науку о разработке «единых подходов к получению доказательств с использованием специальных знаний».

Прогностические замечания Владимира Петровича по этому поводу становились все более жесткими, а в чем-то и неожиданными для Елены Рафаиловны. Отвечая взаимностью, она упрекала его в догматизме, мне пришлось в личных беседах убеждать их прекратить «словесное пикирование», явно угрожающее нормальной деятельности кафедры.

Возникали иногда и у меня с Владимиром Петровичем научные дискуссии, как правило, по вопросам общей теории криминалистики. Например, с позиций моего диссертационного исследования проблем криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений я обозначил возможные подходы к понятию и содержанию криминалистической деятельности. Владимир Петрович, ссылаясь на мнение Р. С. Белкина, утверждал, что при раскрытии и расследовании преступлений нет и быть не может никакой иной деятельности, кроме процессуальной, оперативно-разыскной и административной. Позже он все-таки изменил свое мнение по этому вопросу и даже опубликовал статью с поддержкой моих взглядов. Вообще в дискуссиях с Владимиром Петровичем по проблемам криминалистической теории, как правило, он оставался при своем мнении, переубедить его «сходу» было практически невозможно. Но он быстро ориентировался и легко воспринимал иные взгляды по предмету дискуссии, если они подкреплялись фактами. Выступая рецензентом по диссертации одного моего ученика, Владимир Петрович с присущей ему проницательностью и ответственностью, кроме серьезных замечаний и пожеланий по существу, привел ряд примеров неудачной редакции.

Прочитав рецензию, я поблагодарил его за проделанную работу и, вспомнив название его докторской диссертации, спросил, к вопросу о редакции: «Можно ли расследовать преступление, если оно не раскрыто?». Он попытался рассуждать о понятии и соотношении этих категорий, а потом вдруг улыбнулся и сказал то, с чем я безоговорочно согласился, «в нашей науке важно не только как написано, но и как прочитано». В конечном итоге мы согласились, что, рецензируя труды молодых соискателей ученых степеней, конечно, необходимо обращать внимание на редакционно неудачно изложенные положения, но для того, чтобы оказать им помощь, преподать определенный урок, но не для публичного упрека в безграмотности. Объемны и содержательны результаты научного труда Владимира Петровича. Им опубликовано более трехсот научных работ. Он является автором и соавтором более двух десятков учебников, около трех десятков учебных пособий и курсов лекций. Акцентируя основное внимание на проблемах криминалистической методики, он не оставлял без внимания и остальные разделы криминалистики. В списке его публикаций значатся работы по организации и тактике производства практически всех следственных действий, по версиям и планированию расследования, по использованию специальных знаний.

Отдельной строкой следует обозначить серию его публикаций, посвященных проблемам выявления и преодоления противодействия расследованию, в том числе учебник и учебные пособия. Обращают на себя внимание публикации по расследованию организованной преступной деятельности; по розыскной деятельности следователя и его взаимодействию с оперативными работниками; обеспечению тайны следствия и безопасности участников уголовного процесса.

Не формальное отношение Владимира Петровича прослеживается и к учебному процессу, к воспитательной работе педагога. В ряде публикаций он делится как своими соображениями по работе научного кружка слушателей, так и по совершенствованию системы ВУЗовской подготовки кадров для органов внутренних дел. В частности, он уже будучи заместителем начальника Юридического института МВД России в начале 90-х гг. прошлого века, не только поддержал предложение кафедры криминалистики о смешанной (очно-заочной форме обучения – 2 + 3), но и активно способствовал ее внедрению. Кстати, форма, которой в настоящее время по многим соображениям можно было бы отдать предпочтение. Но наступило время «болонских перемен».

Под научным руководством и при консультативной помощи Владимира Петровича более пятидесяти человек успешно защитили диссертации.

Трудно себе представить, что все это мог сделать один человек, к тому же выполнявший учебную нагрузку профессора. Трудно, если не знать этого человека, не учитывать его безграничную преданность любимому им делу – науке, его от природы данной беспримерной трудоспособности и безупречной ответственности за все, что он делал. Даже в мелочах он оставался самим собой, не допуская компромисса с совестью и убежденностью как Ученого, Педагога и Человека. Владимир Петрович, к сожалению, ушел из жизни, однако оставил не только добрую память о себе, но и огромное научное наследство, явив всей своей жизнью пример беззаветного служения отечественной криминалистике и отечеству.

*Аминев Ф. Г.¹,
профессор кафедры криминалистики
Института права Уфимского университета
науки и технологий,
доктор юридических наук, профессор*

О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Анализируя характеристику состояния преступности в 2022 г., представленную в официальной отчетности, можно заметить, что из 1 966 795 преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации в январе – декабре 2022 г., нераскрытыми остались 931 299 преступлений, или 47,4 % от общего количества зарегистрированных преступлений. За этот период раскрыто 47 тыс. преступлений прошлых лет [1]. Таким образом, около 800–900 тыс. преступлений ежегодно так и остаются нераскрытыми в последующие годы, а преступники – избежавшими реализации принципа неотвратимости наказания.

Многолетние исследования следственной и экспертно-криминалистической практики свидетельствуют о том, что установление максимальной доказательственной и ориентирующей информации о событии преступления, а также о лице, его совершившем, в подавляющем большинстве случаев гарантируется только при качественном проведении расследования преступлений по горячим следам. И эта деятельность органов предварительного следствия и дознания должна быть организована, по данным В. П. Лаврова и А. Ф. Волынского, «в кратчайшие сроки с момента совершения и обнаружения преступления ... таким сроком считаются трое суток, а в условиях непрерывной работы по раскрытию преступления по горячим следам – до 10 дней» [2, с. 857].

К сожалению, в организации расследования преступлений по горячим следам имеет место много проблем, из которых наиболее острой является проблема использования специальных знаний. При этом известно, что использование специальных знаний является одним из основных структурных элементов частной методики расследования преступлений (наряду с криминалистической характеристикой отдельного вида преступления; обстоятельствами, подлежащими установлению; типовыми следственными ситуациями; особенностями профилактики преступлений в ходе их расследования и др.).

В век внедрения инновационных технологий в судопроизводство и, в частности, глубоких научно-технических разработок в технико-криминалистическое обеспечение, необходимо решение следующих проблем использования специальных знаний:

1. Необходимо повысить качество осмотров мест происшествий с участием специалистов различных отраслей знаний в целях собирания криминалистической информации о совершенном преступлении и преступнике. На практических занятиях необходимо настойчиво формировать у следователей и специалистов

¹ © Аминев Ф. Г., 2023.

умения и навыки изъятия комплекса следов и объектов, связанных с совершенным преступлением: например, мы постоянно показываем практическое изъятие с мест краж, грабежей с проникновением не менее 28 видов следов: следов рук, обуви, орудий взлома, перчаток, волокон, волос, шерсти, крови, слюны, частиц краски, запаховых следов человека, опилок и отщепов древесины и т. д. Изъятие максимально возможного комплекса следов позволяет в кратчайшие сроки установить лицо, причастное к совершению преступления. Так, имеются положительные примеры раскрытия преступлений по горячим следам с помощью ведущейся в МВД России базы – Федеральной базы данных геномной информации (ФБДГИ). Например, в 2022 г. с помощью ФБДГИ установлено 5637 конкретных лиц, причастных к совершению преступлений.

2. Надо повысить качество взаимодействия членов следственно-оперативной группы: следователя, специалиста, оперативного работника и других лиц, участвующих в расследовании преступления, с учетом полномочий каждого. В результате такого взаимодействия на месте происшествия специалист должен передать следователю (оперуполномоченному уголовного розыска) «Справку специалиста-криминалиста по предварительному исследованию следов» или «Информационно-поисковую карту», в которой излагаются результаты исследований по установлению пола, возраста, анатомических, физиологических, профессиональных признаков неизвестного преступника по его следам [3, с. 36–112]. Кроме того, формулируются выводы о виде и особенностях применявшихся орудий преступления, транспортных средствах и т. д. Все эти сведения следователь (оперуполномоченный) использует при расследовании преступлений по горячим следам.

3. Повысить качество технико-криминалистического обеспечения всей следственно-оперативной группы, выезжающей на место происшествия, специалистов, в частности, путем оснащения приборами для обнаружения и изъятия пылевых следов обуви на ковровых поверхностях, тканях, коже, дереве «Следокоп» (ПОС-Т1), портативным газовым анализатором «Эхо-М», позволяющим экспрессно определить пары большинства применяемых отравляющих и взрывчатых веществ, компьютерными комплексами с возможностью использования информационных сетей и т. д.

4. Обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки специалистов-криминалистов, специалистов других отраслей научных знаний. На этом уровне экспертно-криминалистического обеспечения настоятельно требуется *интеграция* (лат. *integratio* – объединение в целое каких-либо частей или элементов) *знаний*, так как органам, производящим расследование, требуется действенная помощь в раскодировании криминалистически значимой информации, содержащейся в следах преступлений. Поэтому в современных условиях в целях более квалифицированного решения вопросов в ходе участия специалистов в следственных действиях от субъекта применения специальных знаний (эксперта, специалиста) требуется обладание обширным спектром знаний. Либо к производству предварительных исследований следов и объектов (особенно комплексных, интеграционных) и проведению следственных действий в слож-

ных ситуациях, должна привлекаться группа специалистов, обладающих знаниями в различных отраслях науки (биологии, химии, физики и других наук), техники, искусства и ремесла. По нашему мнению, к участию в осмотрах мест происшествий должны привлекаться специалисты-криминалисты высокой квалификации – обладатели специальных знаний широкого диапазона информационных полей, имеющие право производства всех традиционных криминалистических экспертиз, разбирающиеся в механизме совершения преступлений, физических и биологических процессах и объектах.

5. Необходимо прививать сотрудникам экспертно-криминалистической службы, участвующим в первоначальных следственных действиях, навыки проведения предварительных исследований следов, так как обнаруженные следы и предметы служат для построения версий о личности преступников, что способствует скорейшему их установлению и задержанию. Например, по следам рук можно установить очень важную поисковую информацию о поле, росте, группе крови, возможном роде занятий, наличии некоторых кожных и психических заболеваний и т. д. По следам крови при помощи экспресс-теста можно установить группу крови, некоторые заболевания преступника. По следам обуви (дорожке следов) можно определить рост, половую принадлежность, функциональные особенности, вес, профессиональные навыки и другие поисковые данные. Так, специалисты-криминалисты могут по фрагментарным отображениям рисунка подошвы в следах установить вид и размер обуви [4, с. 6–15] и т. д.

Полагаем, в настоящее время в экспертно-криминалистической службе преобладают «эксперты-идентификаторы», которые уверенно справляются с идентификационными задачами при проведении экспертных исследований, но не обладают навыками диагностики свойств объекта по его следам. Видимо, придется приложить немалы усилия для формирования групп «экспертов-диагностов», которые крайне необходимы для решения диагностических задач при проведении предварительных исследований в ходе расследования преступлений по горячим следам. Это будет «экспертно-криминалистический спецназ», сформированный из квалифицированных грамотных специалистов-криминалистов, оснащенных современной высокотехнологичной техникой и хорошим денежным содержанием.

Можно отметить основную составляющую использования специальных знаний в расследовании по горячим следам: чем сложнее вопросы возникают в следственных ситуациях, тем глубже развиваются наука и практика специальных знаний.

6. Для установления характеристик неизвестного лица, совершившего преступление, необходимо использовать новейшие достижения науки. Например, в настоящее время возможна реконструкция портрета преступника либо его жертвы по особенностям их ДНК, содержащемуся в следах биологического происхождения (крови, волосах, частицах эпидермиса и др.). С использованием методов ДНК-фенотипирования можно установить цвет волос, глаз, пигментацию кожи и другие свойства человека, оставившего биологические следы.

7. Вместе с тем большое значение в расследовании преступлений по горячим следам имеет криминалистическая регистрация. Наибольшая эффективность

в установлении преступника по горячим следам может быть продемонстрирована при реализации разработанного нами проекта Федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации», согласно которому все население страны и мигранты должны будут введены в базу данных. В таком случае при изъятии любого количества и вида следов биологического происхождения (следы кожного покрова человека, кровь, волос, слюна, частицы эпидермиса, пот, иные выделения человека) можно будет установить конкретное лицо, оставившее данный след. При этом отпадет необходимость в разработках средств и методов вышеописанных диагностических исследований, в проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий по установлению лица, причастного к совершению преступления.

Кроме того, оппонентам всеобщей геномной регистрации можно ответить следующими образом: геномная регистрация не влечет негативных последствий информационного характера, так как для формирования геномной регистрации будет вводиться система оцифрованных джин-кодов ДНК гражданина, при полном отсутствии данных о нем (о состоянии здоровья, рисках заболеваний и т.д.), позволяющая только идентифицировать человека. Для этого будет использован «оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе (SNP-локусе)¹, обладающий целым рядом важных преимуществ, в том числе для формирования баз данных ДНК» [5, с. 97] (например, объем одного кода составит 1 Кб вместо 200 Кб – в используемой в России системе CODIS-США). Кроме того, этот метод позволит провести импортозамещение и прекратить зависимость от иностранных технологий.

В результате геномной регистрации упростится и ускорится идентификация конкретного человека, что поможет: выяснению личности лиц, обнаруженных в ходе ликвидации чрезвычайных ситуаций, авиакатастроф и т. д.; установить местонахождение без вести пропавших; установить личности неопознанных трупов; идентифицировать лиц, совершивших противоправные деяния, в том числе террористов; идентифицировать недееспособных лиц (стариков, больных, страдающих потерей памяти, и др.); идентифицировать мигрантов, имеющих единые образные персональные данные, сходство внешнего облика и т. д.

8. Успешному расследованию преступлений по горячим следам будет способствовать внедрение инновационных технологий, в частности искусственного интеллекта. В настоящее время разработаны и реализованы интеграционные информационные системы (АБИС MBIS), в которых «дактилоскопическая информация объединена с данными изображений лиц радужки глаз, ДНК и т. д.» [6, с. 101]. Такие системы позволят на основе использования введенных в базу сведений и поиска в нейронных сетях оперативно устанавливать лиц, причастных к совершению преступлений.

И имеются большие основания, что совместными усилиями ученых и практиков, удастся решить вышеописанные проблемы использования специальных знаний и поднять качество расследования преступлений по горячим следам.

¹ SNP-локус – участок ДНК, последовательности аллелей которого различаются одним нуклеотидом.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>.
2. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2009.
3. Хрусталеv В. Н., Трубицын Р. Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. СПб., 2003. С. 36–112.
4. Герасимов А. М., Капитонов В. Е., Носов А. К. Трасологическое исследование следов подошв спортивной обуви фирмы «Адидас» (Москва) : методические рекомендации. М., 1992. С. 6–15.
5. Аминев Ф. Г. О необходимости принятия федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 97.
6. Кокушев А. Б. Организационно-правовые аспекты функционирования современных информационных систем оперативно-криминалистических подразделений МВД Республики Казахстан : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Волгоград, 2023.

Васильева М. А.¹,
ученый секретарь
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук

НЕЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ. СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА

Жизнь не всегда справедлива к ярким представителям науки и искусства. Иногда проходят долгие годы пока их научные идеи или результаты творческой деятельности получают мировое признание. При этом слава, уважение и почет могут быть не прижизненными.

Впрочем, это не относится к профессору В. П. Лаврову, который был признан научным сообществом как глубокий знаток криминалистической науки и следственной практики и получил высокую оценку своих научных заслуг: заслуженный деятель науки России, заслуженный работник МВД России, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции в отставке, главный научный сотрудник Академии управления МВД России, заслуженный профессор Академии управления МВД России, почетный профессор Московского юридического института МВД России (ныне Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя).

В. П. Лавров награжден многими медалями и другими ведомственными знаками отличия, являлся талантливым научным руководителем и научным консультантом десятков российских и иностранных учеников, регулярно принимал участие в качестве оппонента в диссертационных заседаниях по защите кандидатских и докторских диссертаций, входил в состав диссертационных советов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, МГУ имени М.В. Ломоносова, Академии управления МВД России и других вузов страны, состоял в Экспертном совете МВД России по нормотворческим вопросам.

Кроме того, одни ученые-юристы неофициально называли его «поморским рыцарем криминалистики» (профессор А. Ф. Волынский), другие «золотым фондом» профессорско-преподавательского состава (генерал-полковник полиции В. В. Гордиенко), третьи – представителем «замечательного поколения русских людей-патриотов» и «генератором научных идей» (генерал-майор внутренней службы В. И. Воронцов) [1, с. 3; 6–7; 9].

Сам же Владимир Петрович был тронут тем, что член диссертационного совета, вступивший с ним в оживленную научную дискуссию на защите докторской диссертации В. П. Лаврова и получивший от защищающегося Владимира Петровича точную и убедительную аргументацию своей позиции, назвал его настоящим бойцом.

Такое короткое, но емкое слово «боец» очень точно характеризует личность Владимира Петровича Лаврова.

¹ © Васильева М. А., 2023.

Родившийся в далеком от столицы архангельском городке Вельске, В. П. Лавров мечтает поступить и поступает на юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, и более того оканчивает его с отличием.

Занявшись практической деятельностью в органах внутренних дел, старший лейтенант милиции В. П. Лавров продолжает настойчиво добиваться и научного признания, поскольку криминалистика стала для него не только орудием расследования преступлений, но и любовью всей жизни.

В. П. Лавров решает поступить в адъюнктуру Высшей школы МВД СССР и, несмотря на то что первая попытка результата не принесла (хотя на вступительном экзамене по специальности и по иностранному языку он получает оценки «отлично»), он не отступает и на следующий год предпринимает вторую попытку, которая на этот раз увенчалась успехом, и он становится адъюнктом очного обучения по кафедре криминалистики этого вуза.

Затем появляется новое препятствие – некоторые представители научного сообщества не поддерживают введение В. П. Лавровым в научный оборот не используемого в законодательстве СССР понятия «рецидивисты».

Но В. П. Лавров в своем научном исследовании упорно обосновывает возможность использования именно этого понятия в криминалистике и более того, с одобрения своего научного руководителя профессора Р. С. Белкина, использует именно этот «спорный» термин в названии диссертации, которую он впоследствии успешно защищает.

Вспоминаются слова В. П. Лаврова, выступившего неофициальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, где освещались некоторые вопросы методики расследования отдельного вида экологических преступлений, что «...это направление криминалистических исследований в настоящее время настолько востребовано, что диссертационных исследований по криминалистике по экологической тематике в самом скором времени будет защищено немало. Мне неизвестно ни одной докторской диссертации по криминалистике, посвященной вопросам экологии, но необходимость глубокого исследования этого очевидна...».

Он пожелал мне после защиты продолжения занятий научной деятельностью в этом, представлявшимся ему весьма перспективным, «экологическом ключе». Конечно, его слова могли остаться всего лишь вежливым пожеланием члена диссертационного совета соискателю после успешной защиты.

Однако уже на следующей нашей встрече с В. П. Лавровым на одной из научных конференций он выяснил у меня, какие действия предприняты мною для следующего этапа научной деятельности. Его прекрасная память, настойчивость, уверенность в том, что необходимо продолжать криминалистические исследования экологических преступлений, при одновременной доброжелательности не могли не вызывать положительный отклик. Тогда ответить мне ему было нечего, разве только в свое оправдание сказать о паре опубликованных научных статей по экологии.

Следующая наша встреча на очередной научной конференции в Академии управления МВД России была очень похожа на предыдущую: снова были вопросы В. П. Лаврова и мои ответы, свидетельствующие об отсутствии научной активности.

В. П. Лавров был в негодовании, снова и снова он объяснял мне, насколько значимой видит тему экологии в криминалистике, предложил научную помощь, указал на то, что за достижение научного результата необходимо упорно бороться.

Воодушевленная его посылком, я возобновила свою научную деятельность, преодолевая все тяготы написания научной работы без отрыва от службы в органах внутренних дел, а также невзирая на расстояния и часовые пояса, ведь мы с В. П. Лавровым работали на разных концах нашей необъятной Родины.

Именно уверенность В. П. Лаврова в том, что научный результат достижим и важен для криминалистической науки, мое желание соответствовать его ожиданиям, настрой на активную борьбу со всеми возникающими препятствиями в научной деятельности в итоге дали положительный результат и открыли для меня в нем талант руководства научным исследованием, заключавшийся в наставлениях и помощи как словом так и делом.

Кстати, через несколько лет после пророческих слов В. П. Лаврова о предстоящих защитах диссертаций по данной проблематике действительно были защищены три кандидатские диссертации, связанные с теми или иными аспектами расследования экологических преступлений, и такие исследования продолжают и в настоящее время.

С учетом вышесказанного признание не обрушилось на профессора В. П. Лаврова лавинообразно, а крепчало год от года.

Если вернуться к началу научного пути В. П. Лаврова, то следует отметить, что последовательный процесс развития криминалистики как науки, мощный толчок которому был дан профессором Р. С. Белкиным, вовлекал в него людей незаурядных, высокообразованных, желающих своими научными трудами и идеями помочь государству в правоохранительной деятельности.

Владимир Петрович Лавров оказался одним из них. Молодой, уверенный в своих силах и знаниях юноша, окончивший школу с золотой медалью и вуз с отличием, знающий несколько языков, обладающий широким кругозором, на примере отца – следователя районной прокуратуры, рвется в бой за торжество законности и справедливости.

Успешно защищенная кандидатская диссертационная работа вдохновила Владимира Петровича на продолжение научных изысканий, а диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук закрепила за ним статус состоявшегося ученого-криминалиста, который может вести научный диалог на самые разные криминалистические темы и обосновывать свои оригинальные научные идеи с присущим ему духом новаторства.

Сфера его научных интересов охватывала практически все разделы науки криминалистики. Однако наиболее значимы его работы, посвященные теории временных связей, вопросам расследования преступлений по горячим следам,

преступлений, совершаемых рецидивистами, нераскрытых преступлений прошлых лет, экологических преступлений, противодействия расследованию преступлений.

Владимир Петрович относился с глубоким уважением к своему учителю – профессору Р. С. Белкину, что проявлялось во всем и даже иногда приводило к забавным результатам. Так, в своих ключевых научных работах В. П. Лавров упоминал Рафаила Самуиловича Белкина не иначе, как прописывая полностью его имя и отчество, не используя сокращений в виде инициалов. В этой связи редакторские правки в итоговый текст научных работ по его искреннему убеждению не вполне соответствовали его уровню поклонения и уважения к личности профессора Р. С. Белкина.

Владимир Петрович подготовил как автор, соавтор или рецензент более 350 научных работ. С особенным трепетом мне вспоминается его работа над одной из последних научных статей – «Следственная практика как один из элементов базы для формирования методики расследования экологических преступлений», которая была подготовлена В. П. Лавровым в соавторстве со мной и опубликована в журнале «Труды Академии управления МВД России», в его последнем в 2021 г. четвертом номере, уже после кончины В. П. Лаврова.

Тема защиты природы была близка Владимиру Петровичу с самого детства и начала его трудовой деятельности. Необъятные лесные просторы Архангельской области с ее реками Вель и Вага, протекающими в родном городе Вельске, рассказы матери – заслуженной учительницы России – о бережливом отношении к природным богатствам Родины, начало карьеры следователем на водном транспорте и выявление преступлений в сфере экологии, работа в составе следственно-оперативной группы с погонями за преступниками на катере по речной глади навсегда заложили во Владимире Петровиче чувство трепетного отношения к природе.

В этой связи его идея о развитии методики расследования экологических преступлений возникла как отклик на современные научные проблемы теории и следственной практики, а его интерес к экологии выразился в научном руководстве темами диссертационных исследований в этой области, подготовке научных статей, где затрагивалась указанная проблематика, а также в научном редактировании монографии «Методика расследования преступлений в сфере экологии», увидевшей свет в 2021 г.

Каждому из учеников Владимира Петровича несказанно повезло оказаться волею судьбы знакомыми с ним лично, заручиться не только его научной поддержкой, но и быть вдохновленными на успешный результат при выполнении намеченного им плана научного исследования. Такой план чаще всего предусматривал отказ от других не научных бытовых интересов, напрямую не связанных с написанием диссертации, отвлекающих внимание от решения этой основной задачи, предполагал неуклонное соблюдение сроков работы на каждом этапе подготовки диссертации, ознакомление с наиболее важными трудами ученых-криминалистов, а иногда и с историческими и художественными произведениями, входящими в коллекцию его поистине огромнейшей домашней библиотеки, заполнявшей до отказа стеллажи в трех комнатах и даже в прихожей.

На научное руководство диссертационными исследованиями своих учеников у Владимира Петровича уходило немало времени, этому он посвящал все свои выходные дни. Профессор В. П. Лавров практически не оставлял себе свободного времени, в будни представлял перед научным сообществом в стенах Академии управления МВД России в качестве главного научного сотрудника, от которого ожидали появления новых научных статей, участия в научных конференциях, работы в научных коллективах. И он всегда оправдывал их ожидания.

Несмотря на то обстоятельство, что «пандемический период» позволял появляться на работе не так часто, у Владимира Петровича количество забот не убавилось. Теперь ученики приходили к нему не только в выходные, но и в рабочие дни, строго в соответствии с разработанным им графиком. И они приходили с ноутбуками, как символами готовности при необходимости перейти кратковременно в дистанционный режим для выполнения служебных задач, а затем вернуться к воплощению в жизнь своих научных задач под бдительным контролем Владимира Петровича.

Востребованность криминалистических знаний Владимира Петровича, необходимость продолжения научного поиска, череда событий как калейдоскоп, состоящий из сменяющих друг друга ярких научных событий в виде защит его учеников, конференций, заседаний диссертационных советов, рабочих совещаний, наполняли его жизнь и жизнь его учеников общими радостями и тревогами.

Владимира Петровича не стало 9 ноября 2021 г. Траурная церемония была проведена на Дмитровском кладбище в присутствии ученых-юристов и представителей ведущих вузов России.

В день похорон внезапно впервые в том году выпал снег. Холодно без него нам всем, с тоской переговаривались его ученики. Кто-то плакал. Но Владимир Петрович при жизни не любил уныния, шутил при первой возможности. Снег уравнивал влагу на всех лицах: и плачущих, и сдерживающих эмоции. Те, кому было особенно горько, видели, что другие вокруг тоже плачут. Те, кто не показывал слез, мог считать, что на лицах присутствующих таят снежинки. Светлое покрывало снега легло на землю. Может быть, так земля и становится пухом для тех людей, боль утраты которых пытается смягчить и укрыть сама Природа.

Не стало ученого-криминалиста, но жива память о нем, о его научной и человеческой порядочности, кипучей деятельности и результатах его научных усилий.

Светлая память великому труженику, самородку, столпу криминалистики, заслуженному деятелю науки России, доктору юридических наук, профессору Владимиру Петровичу Лаврову.

Список литературы

1. Волынский А. Ф. Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору Владимиру Петровичу Лаврову – 80 лет. М. : Академия управления МВД России, 2012.

Владимиров В. Ю.¹,
*профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

Алиев М. М.²,
адъюнкт Академии управления МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОДОРОЛОГИЯ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Вообще тема расследования преступлений по горячим следам одна из самых интересных и продуктивных. Если не раскрыли преступление по горячим следам, то оно, с весьма большой вероятностью, переходит в разряд другой не менее важной и интересной категории – преступления прошлых лет. Глубоко символично, что именно эти два направления в методике расследования преступлений принадлежат по праву Владимиру Петровичу Лаврову как одному из основоположников. Вышедшие из-под его пера или подготовленные под его редакцией теоретико-методические разработки этих двух тем прошли через профессиональную жизнь многих поколений советских и российских, да и многочисленных зарубежных криминалистов, как ученых, так и практиков. В 2008 г. под общей редакцией А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова был переиздан учебник «Криминалистика» для студентов и слушателей, аспирантов и адъюнктов, предназначенный для высших образовательных учреждений, в том числе МВД России.

Как и ранее, особое место в нем занимает глава 47 «Расследование преступлений по горячим следам» данного учебника, поскольку именно разработкой данной главы занимался доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Владимир Петрович Лавров.

В. П. Лавров обращает внимание на вопросы общих положений методики расследований преступлений по горячим следам, рассматривает особенности тактики отдельных следственных действий, проводимых по горячим следам, установление по горячим следам лица, совершившего преступление, и использование специальных познаний в расследовании по горячим следам. Существенное место в разработке данной темы Владимир Петрович всегда уделял организации взаимодействия следственных подразделений с оперативными аппаратами, поэтому его профессиональная палитра намного шире, чем представляется из названия темы. Это направление криминалистических знаний в соответствии со структурой работ В. П. Лаврова правильнее было бы сформулировать так: «Методика раскрытия, расследования и предупреждения преступлений по горячим следам». Именно эта знаменитая криминалистическая триада никогда не утратит

¹ © Владимиров В. Ю., 2023.

² © Алиев М. М., 2023.

своего функционального единства, которое и обеспечивает эффективность, всесторонность, объективность и полноту расследования, в конечном счете. Не менее важное значение профессор В. П. Лавров уделял использованию в раскрытии и расследовании преступлений по горячим следам, преступлений прошлых лет, в работе по преодолению противодействия расследованию специальных знаний. Применительно к затронутой теме особое место среди профессионально ориентированных на борьбу с преступностью специалистов различных отраслей знаний следует, безусловно, выделить специалистов-кинологов.

Ранее мы уже отмечали, что: «... в параграфе 47.2 «Особенности тактики отдельных следственных действий, проводимых по горячим следам» В. П. Лавровым раскрываются основные цели и задачи, стоящие перед специалистом-кинологом, даются тактические рекомендации по времени (на какой стадии) применения СРС и некоторым особенностям выявления не только запаховых, но и иных следов преступника» [3, с. 862].

Анализ следственной практики показывает, что на место происшествия всегда приезжает следственно-оперативная группа, с момента приезда которой начинается производство расследования преступлений по горячим следам.

По мнению В. П. Лаврова: «в состав следственно-оперативной группы, выезжающей на место происшествия по горячим следам, должны входить ... инспектор-кинолог со служебно-разыскной собакой» [5].

Стоит привести пример участия инспектора-кинолога со служебно-разыскной собакой в раскрытии и расследовании преступления по горячим следам: «04.05.2023 г. в дневное время в дежурную часть отдела полиции № 2 (по Октябрьскому району) УМВД России по г. Ижевску поступило сообщение от администратора одного из супермаркетов, расположенных на ул. Кирова, о хищении товара из магазина. Первыми на место происшествия прибыли сотрудники патрульно-постовой службы полиции, которые установили, что злоумышленник взял со стеллажей продукты питания и алкогольные напитки, после чего покинул супермаркет мимо кассовой зоны. Сотрудники магазина пытались остановить мужчину, но он смог убежать с похищенным. Служебная собака ППСП, ориентированная по путям отхода преступника по запаховым следам человека, быстро взяла след и уверенно направилась по нему. Через квартал во дворе жилого дома она привела сотрудников полиции к молодому человеку, у которого при себе находились похищенные продукты» [6]. Данный пример показывает значимость применения служебно-разыскной собаки в ходе производства раскрытия и расследования преступлений по горячим следам.

Как справедливо отмечал В. П. Лавров: «все большую роль в расследовании в наше время должны играть экспрессные технико-криминалистические средства и методы получения и фиксации доказательственной информации. К их числу относятся, прежде всего, ... методы предварительного исследования вещественных доказательств на месте происшествия...» [5]. Поддерживая и развивая эту справедливую мысль, хотелось бы остановиться на некоторых проблемах правового и тактического порядка.

Прежде всего, по нашему мнению, необходимо дифференцировать семантическое и уголовно-процессуальное значения этого термина – исследование. Поскольку в законе термин «предварительные исследования» отсутствует, мы оперировать им больше не будем.

Термин «исследование» в общепринятом значении означает не что иное, как мыслительный процесс познания какого-либо объекта материального мира или явления природы либо иного процесса. Он связан с восприятием каких-либо признаков этого объекта (явления), их анализом и обобщением, а затем и оценкой. Именно в таком смысле следует, по нашему мнению, понимать смысл положений ст. 274 УПК РФ «Порядок исследования доказательств ... очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду; первой представляет доказательства сторона обвинения. После исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты; допрос подсудимого проводится в соответствии со ст. 275 настоящего Кодекса. С разрешения председательствующего подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия; если в уголовном деле участвует несколько подсудимых, то очередность представления ими доказательств определяется судом с учетом мнения сторон» [1]. Какого-либо специального оформления в виде акта или заключения по результатам такого исследования не требуется.

Оформление собственно процесса исследования предусмотрено по результатам проведения судебной экспертизы (ст. 80 «Заключение и показания эксперта и специалиста» и ст. 204 УПК РФ «Заключение эксперта»), а также в ст. 25 «Заключение эксперта или комиссии экспертов и его содержание» Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», однако к исследованиям, проводимым за рамками судебно-экспертной деятельности, это отношения не имеет.

На сегодняшний день мы можем с уверенностью говорить о том, что единственным законным основанием проведения исследований каких-либо объектов, в том числе трупов, является ст. 144 «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» УПК РФ: «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе ... требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов ...» [1].

Таким образом, проведение исследований каких-либо объектов уголовно-процессуальным законом предусмотрено исключительно на стадии доследственной проверки. При этом закон каких-либо специальных субъектов проведения таких исследований не определяет.

Во всех иных случаях правовым основанием для проведения исследований каких-либо криминалистически значимых объектов, которые проводятся в основном в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел или в аналогичных подразделениях иных правоохранительных органов, является п. 5 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-

розыскной деятельности» (далее – ФЗ № 144), согласно которому: «при осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия: ... Исследование предметов и документов ...» [2].

При этом наименование данного оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) имеет очевидно некорректную формулировку – «исследование предметов и документов», что требует дополнения в части исследования каких-либо материалов, веществ и изделий.

Кроме того, в системе МВД России нормативно закреплено, что подобные исследования проводятся сотрудниками ЭКП, что противоречит данному закону, так как ЭКП ведомственным приказом в соответствии со ст. 13 ФЗ № 144 к числу оперативных подразделений не отнесены и соответственно правом проведения ОРМ не наделены.

Таким образом, такой важный инструмент криминалистической деятельности, как проведение исследований объектов, содержащих криминалистически значимую информацию, требует адекватного нормативно-правового совершенствования. Применительно же к деятельности ОВД как минимум необходимо в соответствии с положениями ст. 13 ФЗ № 144: «руководители указанных органов определяют перечень нормативных подразделений, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, их полномочия, структуру и организацию работы» [2] предусмотреть отнесение ЭКП к разряду оперативных подразделений, наделенных правом проведения отдельных видов ОРМ (опрос, проведение исследований предметов и документов, отождествление личности) [4].

Следует отметить, что участие специалиста (инспектора-кинолога) в ходе производства осмотра места происшествия имеет важное значение для расследования уголовного дела с целью раскрытия преступления и установление причастных к нему лиц. Важно помнить, что «...перед началом детального осмотра должна быть применена служебно-розыскная собака ... для обнаружения вещей и других предметов, являющихся источниками запаха преступника ...» [5].

Однако не стоит забывать, что на месте происшествия могут находиться другие категории запаховых следов (трупы, наркотические вещества, боеприпасы и т. д.), работа с которыми характеризуется некоторыми особенностями применения служебно-розыскной собаки.

Здесь уместно обратить внимание на суждение В. П. Лаврова: «фиксация следов запаха должна предшествовать выявлению и фиксации других следов, ибо следы запаха легко утрачиваются. Это делается осторожно, чтобы сохранить другие следы (например, обуви) пригодными для фиксации и экспертизы» [5].

Иными словами, инспектор-кинолог, применяя служебно-розыскную собаку, должен знать не только правила работы с запаховыми следами человека, но и особенности работы с иными запаховыми категориями и их обозначениями на местности. Зачастую преступники предпринимают меры к сокрытию следов, что приводит к отрицательному результату.

В то же время целый ряд методических вопросов, связанных с деятельностью инспектора-кинолога со служебно-розыскной собакой на месте происшествия остается мало разработанным. Данные вопросы требуют внимания со стороны ученых-криминалистов с целью дальнейшего совершенствования уголовно-про-

цессуального законодательства, также тактики производства отдельных следственных действий, в том числе с участием специалиста-кинолога с СРС. Следует отметить слабую разработанность тактических вопросов применения СРС при раскрытии преступлений по горячим следам. Причиной тому видится слабое знание криминалистами основ кинологии и отсутствие у специалистов-кинологов должной криминалистической подготовки. Так, например, раскрывая тактику ОМП, криминалисты определяют представителю кинологической службы двуединую задачу: розыск преступника по горячим следам, который осуществляется при отработке запахового следа по путям отхода преступника и должен в идеале заканчиваться его задержанием, и обнаружение по путям отхода различных предметов, вещей и изделий, брошенных или оброненных преступником. Очевидно, что ускоренное передвижение по следу в целях задержания злоумышленника явно не способствует детальной проработке соответствующего участка местности в целях обнаружения представляющих криминалистический интерес объектов. Работа по поиску, фиксации и изъятию таких объектов должна проводиться в ходе обратной проработки следа. Однако данный тактический прием криминалистами вовсе не упоминается.

Кроме того, развитие криминалистической одорологии, как науки прикладного характера, должно строиться не только на развитии методологии поиска, фиксации и исследования запаховых следов человека, но и на работе с иными запаховыми категориями, которые представляют криминалистически значимый интерес, в том числе для раскрытия и расследования преступлений по горячим следам. В этой части, прежде всего, имеются в виду запаховые следы НСПВ, оружия и боеприпасов, ВВ и ВУ, а также многих других материалов, веществ и изделий, имеющих прямое или косвенное отношение к криминальному миру.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 28.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.
3. Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Коршунов А. В. Биодетекция как средство обеспечения безопасности и правопорядка: проблемы и пути решения // Федеральный научно-практический журнал. 2019. № 5. С. 11–21.
4. Владимиров В. Ю., Алиев М. М. Предварительные исследования в криминалистике // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : сборник научных трудов. М., 2023.
5. Лавров В. П., Волынский А. Ф. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2008.
6. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/?%EF=>.

Гаврилин Ю. В.¹,
*начальник кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

РОЛЬ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА В РАЗВИТИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

9 ноября 2021 г. не стало Владимира Петровича Лаврова, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора. В сентябре прошлого года Владимиру Петровичу исполнилось бы 90 лет.

Пожалуй, ни в нашей стране, ни на всем постсоветском пространстве нет человека, профессионально занимающегося криминалистической деятельностью, а тем более, научными исследованиями в этой области, который не был бы знаком с трудами Владимира Петровича Лаврова! Он по праву относится к плеяде блестящих ученых, которые еще при жизни вошли в историю современной науки.

И сегодня все более отчетливо формируется осознание того, что научное наследие профессора Лаврова, включающее более 300 научных работ и учебных изданий, оказывает определяющее влияние на развитие криминалистической научной мысли.

Именно благодаря Владимиру Петровичу Лаврову мы имеем:

– более 15 учебников по криминалистике, выдержавших десятки переизданий, по которым учился весь Советский Союз, а сегодня – Россия и многие сопредельные государства. Один из этих учебников по криминалистике, подготовленный совместно с А. Ф. Волынским, и в состав авторского коллектива которого посчастливилось войти и автору этих строк, был издан тиражом более 20 тыс. экземпляров и получил признание среди ученых-криминалистов и практических работников;

– теоретико-методологические основы ряда основополагающих криминалистических теорий и учений, включая теорию временных отношений, учение о противодействии расследованию, криминалистическое учение о розыске, методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и по горячим следам, и др.;

– большое количество научных публикаций, посвященных самым актуальным вопросам борьбы с преступностью.

К сказанному следует добавить, что под руководством профессора Лаврова подготовили и успешно защитили диссертационные исследования более 50 учеников. Значительное число его учеников стали авторитетными учеными, практическими работниками, руководителями различного уровня. Среди них А. М. Кустов, А. Ю. Головин, В. О. Лапин, И. А. Архипова и многие другие. На сегодняшний день можно с высокой вероятностью утверждать, что за последние 30 лет не найдется ни одного диссертационного исследования по криминалистике, где

¹ © Гаврилин Ю. В., 2023.

в степени научной разработанности или в списке литературы отсутствовала бы фамилия В. П. Лаврова.

Говоря о научном наследии профессора Лаврова, невозможно обойти стороной его вклад в популяризацию криминалистической науки. Еще совсем недавно, мало какая значимая конференция обходилась без участия Владимира Петровича. Его выступление в пленарном заседании являлось залогом успеха всего мероприятия. Даже несмотря на солидный возраст, Владимир Петрович активно выезжал и очно участвовал в международных научных симпозиумах, в том числе за рубежом: в Республике Таджикистан, Республике Беларусь и иных сопредельных государствах.

Значительный вклад в развитие криминалистической науки Владимир Петрович внес, находясь на руководящих должностях в образовательных организациях системы МВД России. Находясь на руководящей работе в течение семнадцати лет как начальник кафедры криминалистики, заместитель начальника МФЮЗО, а с 1989 г. – заместитель начальника Высшей юридической заочной школы МВД СССР по научной работе, заместитель начальника Юридического Института МВД России, он много сделал для создания и развития крупнейшего в стране вуза по подготовке высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел. На момент реорганизации Юридического института МВД России (2002 г.) работало 60 кафедр (включая филиалы и факультеты), обучались одновременно до 25 тыс. слушателей.

После 2002 г. В.П. Лавров активно участвует в создании новой образовательной организации – Московского университета МВД России, являясь профессором кафедры криминалистики, членом Ученого совета университета и диссертационного совета при этом вузе.

Значительная часть жизни Владимира Петровича была связана с Академией управления МВД России, заслуженным профессором которой он являлся. До последних дней Владимир Петрович находил время для работы с адъюнктами. Являлся членом двух диссертационных советов в Академии. Активно участвовал в их заседаниях, нередко выступал в качестве неофициального оппонента.

Исключительно важно, что научное наследие профессора Лаврова не теряет своей актуальности и в наши дни.

Так, вопросы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет носят приоритетный характер как в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России, так и органов Следственного комитета Российской Федерации. Данные вопросы, пожалуй, занимают центральное место в научном наследии В. П. Лаврова. В 1972 г. выходит в свет его труд «Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет», в котором были подробно рассмотрены факторы, влияющие на расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, специфика деятельности следователя по приостановленному уголовному делу, особенности тактики отдельных следственных действий после возобновления производства по делу.

При этом выявленный им комплекс причин высокого удельного веса из их числа в статистической отчетности написан как будто бы вчера и включает в себя [1, с. 66]:

- некачественную работу следователей и дознавателей на первоначальном этапе расследования так называемых неочевидных преступлений по горячим следам;

- отсутствие их активной и системной работы по большинству приостановленных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет после приостановления производства по ним;

- слабое знание большинством следователей и дознавателей методики расследования таких преступлений;

- недостаточность принимаемых организационно-управленческих мер по решению проблемы;

- резко увеличившееся в последние годы противодействие расследованию со стороны подозреваемых, обвиняемых и связанных с ними лицами.

По-прежнему представляет практический интерес сформированная профессором Лавровым методика анализа материалов приостановленного дела о нераскрытом преступлении. Следует признать, что большинство из предложенных им рекомендаций сегодня положены в основу методик организации заслушиваний расследуемых уголовных дел, по которым производство предварительного следствия приостановлено.

Вопросы расследования преступлений по горячим следам занимают также одно из главных мест в многогранном научном наследии В. П. Лаврова. В 1989 г. Владимир Петрович совместно с Виталием Евгеньевичем Сидоровым (впоследствии – заместителем министра внутренних дел СССР) публикует учебное пособие «Расследование преступлений по горячим следам» [2].

В нем обосновывается целесообразность внедрения ряда передовых для того времени криминалистических технологий, таких как предварительное исследование следов непосредственно на месте происшествия; типовое программирование неотложных следственных действий, организационных и оперативно-разыскных мероприятий; организация взаимодействия участников расследования, использование помощи общественности и др. Приводятся тактические особенности следственных действий, прежде всего, осмотра места происшествия и допроса потерпевшего. Причем, тактика последнего раскрывается с учетом складывающихся следственных ситуаций.

Особое место в работе занимают вопросы использования специальных знаний, где в числе прочих рассматривается проблема применения кибернетических методов при решении экспертных задач, или, говоря современным языком, цифровизации судебно-экспертной деятельности.

В. П. Лавров является одним из первых, кто начал научные разработки решения проблем преодоления противодействия расследованию, внося основополагающий вклад в формирование одноименной частной криминалистической теории [3]. Он совместно с И. М. Лузгиным предложил рассматривать способ сокрытия преступления более широко, как умышленное воспрепятствование расследованию [4]. При этом на этапе определения понятия сущности противодействия расследованию аргументировал позицию о том, что это система умышленных, в основном противоправных с точки зрения закона действий (бездействий).

Говоря о криминалистической теории преодоления противодействия расследованию, профессор Лавров подчеркивал, что ее практическое значение состоит не только в изучении приемов, способов субъектов его оказания, но также и в возможности прогнозировать потенциальное противодействие расследованию по уголовному делу и принимать меры по его нейтрализации.

Именно по его инициативе еще в 2008 г. специальный курс «Противодействие расследованию и меры по его преодолению» появился в учебных планах всех без исключения образовательных организаций системы МВД России. Впоследствии совместно с профессором Б. Я. Гавриловым им был подготовлен первый учебник по этому курсу, который затем переиздавался [5]. Также под научным руководством В. П. Лаврова было подготовлено несколько кандидатских диссертаций, специально посвященных вопросам противодействия расследованию [6].

Последний научный труд, изданный в 2022 г. с участием профессора В. П. Лаврова, представляет собой учебник по криминалистике, отражающий аспекты цифровой трансформации преступности. В состав авторского коллектива вошли такие ученые-криминалисты, как А. Ф. Волынский, Ю. В. Гаврилин, И. В. Тишутина, В. О. Лапин, а также Министр внутренних дел Республики Таджикистан Р. Х. Рахимзода.

Роль научного наследия Владимира Петровича Лаврова в развитии криминалистических знаний невозможно переоценить. Криминалистическое решение современных актуальных проблем борьбы с преступностью, несомненно, опирается и будет в дальнейшем опираться на прочный научно-теоретический базис, заложенный Владимиром Петровичем Лавровым, и получивший развитие в работах его многочисленных учеников.

Ушел замечательный человек, великий ученый. Но остается его научное наследие. Мы, его последователи и ученики, со своей стороны сделаем все, чтобы это наследие сберечь и преумножить.

Список литературы

1. Лавров В. П. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет : учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2013.
2. Лавров В.П., Сидоров В. Е. Расследование преступлений по горячим следам : учебное пособие. М. : ВЮЗШ МВД СССР, 1989.
3. Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : курс лекций. М. : Академия управления МВД России, 2011.
4. Лузгин И. М., Лавров В. П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М. : Академия МВД СССР, Московский филиал юридического заочного обучения, 1980.
5. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М. : Юрайт, 2017.
6. Петрунина А. Б. Противодействие расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и криминалистические методы его выявления и преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России, 2006.

7. Максимова В. П. Использование результатов судебных экспертиз и исследований в целях преодоления противодействия расследованию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М. : Академия управления МВД России, 2019.

8. Карпенко О. А. Криминалистические средства и методы преодоления дачи заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М. : Академия управления МВД России, 2018.

Гармаев Ю. П.¹,
 профессор кафедры уголовного права,
 процесса и криминалистики
 Бурятского государственного университета
 имени Доржи Банзарова,
 доктор юридических наук, профессор

ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА

Помню одну из наших многочисленных теплых встреч с Владимиром Петровичем. Это случилось в 2018 г., в небольшом перерыве между защитами. До сих пор совестно перед ним за то, что тогда не дал ему передохнуть, попить чаю... Тот редкий случай, когда удалось не просто встретиться с великим ученым и мудрым наставником, старшим товарищем, но и упросить сделать видеозапись небольшого интервью.

Тема нашей очень краткой, почти мимолетной беседы была обозначена так: «Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению. Презентация учебника» [1].

Этот замечательный учебник под общей редакцией Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова – по-прежнему одна из крупнейших и значимых работ по данной тематике [2]. Издание предназначено, прежде всего, для изучения одноименной дисциплины в вузах системы МВД России, т. е. не только для будущих юристов, но и для действующих сотрудников органов внутренних дел. К сожалению, этот весьма полезный предмет изучается на обязательной основе только в ведомственных образовательных организациях, что не соответствует уровню его актуальности, востребованности для всех юристов. Обобщая опыт проведения занятий по этому спецкурсу для студентов и занятий по повышению квалификации для следователей, адвокатов и прокуроров, отмечу, что результаты анкетирования и интервьюирования более 500 респондентов из обеих групп (студенты и правоприменители) показали их 100%-ую заинтересованность в этом предмете, высокий уровень мотивации к его изучению.

После интервью вечером того же дня состоялась уже более продолжительная и обстоятельная беседа, в которой патриарх науки высказал суждения о состоянии и перспективах дальнейшего развития частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию. Забегая вперед, скажу, что этот разговор во многом вдохновил нас с профессором Д. В. Кимом подготовить статью [3], основу для тезисов которой составили идеи профессоров В. П. Лаврова и Б. Я. Гаврилова.

Мы с соавтором упомянутой статьи констатируем, что дальнейшее изучение проблем преодоления противодействия уголовному преследованию на научном, дидактическом и практическом уровне имеет самые широкие перспективы, в том числе, для гражданских вузов. Однако, на наш взгляд, при условии не изменения,

¹ © Гармаев Ю. П., 2023.

а некоторого уточнения, как методологических основ частной теории, так и методики преподавания соответствующего предмета.

В контексте этих суждений рассмотрим проблемы предмета теории (учебной дисциплины) преодоления противодействия и ее понятийного аппарата. В. П. Лавров и Б. Я. Гаврилов определяют противодействие расследованию преступлений как совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний. Основная цель противодействия, по их мнению, заключается в уклонении от ответственности за совершенное преступление или, по меньшей мере, добиться *незаслуженного* (курсив мой – авторы) смягчения наказания [2, с. 9].

В целом, соглашаясь с вышеприведенным подходом, отметим, что в нем заложена некая традиционная для криминалистики и при этом, условно говоря, обвинительная правовая позиция. И в этом нет негатива. Не следует путать обвинительную правовую позицию с пресловутым обвинительным уклоном. Обвинительная позиция – это всегда позиция, основанная на законе. Обвинительный же уклон – это порой преступное игнорирование сведений, свидетельствующих о невиновности либо о меньшей степени виновности привлекаемого лица [4, с. 4]. Исходя из названного подхода, всякое противодействие, хоть и определяемое авторами как «противоправное *или иное*», все же рассматривается как некий негативный феномен. Такое допущение а, точнее, эта часть парадигмы всей науки криминалистики, безусловно, имеет право на жизнь. Но можно использовать и альтернативный подход. Суть его в следующем.

Во-первых, целью (планируемым результатом) противодействующих лиц, строго говоря, вряд ли может быть собственно воспрепятствование. Это может быть одна из задач на пути к цели. Цель же – избежать уголовного преследования и уголовной ответственности или, по крайней мере, смягчить ее, избежать иных негативных последствий вовлечения лица в сферу уголовной юстиции (ущерб репутации, расходы на профессиональную защиту, потери в бизнесе и т. п.).

Во-вторых, можно было бы шире подходить к оценке задач и мотивов субъектов противодействия по уголовным делам. В реальной практике таковыми не всегда являются лишь «воспрепятствование расследованию преступлений». Существуют и иные задачи, а также мотивы противодействия. Такими задачами могут быть:

- изменение меры пресечения в виде заключения под стражу на иную, более мягкую;
- если человек арестован, то добиться тех или иных преимуществ в связи с содержанием под стражей;
- смягчение обвинения и иное: переквалификация деяния на менее тяжкие составы, предусмотренные УК РФ; исключение из объема обвинения отдельных эпизодов; иные обстоятельства уголовно-правового, уголовно-процессуального и иного характера, правомерно или неправомочно улучшающие положение подозреваемого (обвиняемого).

Кроме того, можно выделить следующие мотивы:

- субъективная уверенность противодействующего лица в полной или частичной невинности подозреваемого (обвиняемого);
- субъективная уверенность противодействующего в том, что доказательства вины подозреваемого (обвиняемого) получены с нарушениями закона, а потому не могут быть признаны допустимыми;
- иная незаконная, неэффективная и/или аморальная, по мнению субъекта противодействия, деятельность отдельных сотрудников правоохранительных органов и суда.

Для контраста с изложенным выше определением приведем противоположную по смыслу дефиницию М. О. Баева. Автор под противодействием расследованию, как выражением принципа состязательности уголовного процесса, понимает деятельность сторон, направленную на усложнение формирования и полное или частичное опровержение конечного процессуального тезиса, формулируемого противоположной стороной в соответствии с ее уголовно-процессуальной функцией в уголовном судопроизводстве и противоречащего интересам противоборствующей стороны [5, с. 7]. Автор определения рассматривает противодействие как форму состязательности сторон, определяющую необходимость воспрепятствования, прежде всего, уголовному преследованию. Эта точка зрения оригинальна и также имеет сторонников, а значит, и право на существование. Но вместе с тем, полагаем, эта дефиниция представляет проблему противодействия несколько односторонне. Она не констатирует, но как бы априори допускает, что в практике существует, прежде всего, законное и допустимое противодействие, а это не так.

Исходя из изложенного, предлагаем следующее определение противодействия. Оно «не окрашено» интересами сторон в процессе, а потому носит компромиссный характер. Противодействие уголовному преследованию – это противоправная или законная деятельность подозреваемых или обвиняемых, а также содействующих им лиц, сопровождающаяся созданием препятствий для реализации представителями стороны обвинения поставленных ими задач на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

В данном определении, прежде всего, акцентируется внимание на следующем:

- противодействие может быть не только противоправным, но и законным. Как верно отметила Э. У. Бабаева, «отказ обвиняемого от дачи показаний, дача им заведомо ложных показаний не являются уголовно наказуемыми, поскольку это вытекает из необходимости права на защиту» [6, с. 154]. Такого рода правомерных актов противодействия, как показывает практика, великое множество;
- противодействие создает некие препятствия для реализации представителями стороны обвинения поставленных ими перед собой задач, некоторые из которых, а также средства их решения, могут быть и ошибочными, неправомерными, неэтичными и даже преступными.

Уже в дидактическом и практическом (а не в научном) контексте данной проблематики обратим внимание на следующие закономерности. Какая-то часть

обучающихся юристов по окончании вуза не будет работать в правоохранительных органах или проработает в них недолго.

К тому же, защищаться самим и защищать своих родных и близких от уголовного преследования, а значит, зачастую, и противодействовать ему, придется очень и очень многим. К сожалению, практика показывает, что защищать и защищаться от клеветы и обвинений (в том числе и ложных) в преступной и иной противоправной деятельности придется буквально всем действующим и будущим следователям, оперативным сотрудникам, иным правоохранителям и даже судьям.

По типичным криминальным и иным ситуациям, связанным с такими категориями уголовных дел, как дела о преступлениях в сфере экономической деятельности, усматривается особая закономерность. Рассуждая по аналогии, скажем так: редко кто из обучающихся в юридическом вузе может представить себя в роли террориста, насильника или убийцы и, соответственно, проявлять нездоровый интерес к актам противодействия по уголовным делам об этих преступлениях. Между тем представить себя в ситуации начала уголовного преследования (в том числе, необоснованного, незаконного) по подозрению в уклонении от уплаты налогов и сборов (ст.ст. 198–199.4 УК РФ) может, вероятно, каждый из них.

Осознание этих обстоятельств может дать обучающимся и практическим работникам (на курсах повышения квалификации в том же вузе) глубокую и устойчивую личную мотивацию к изучению данной частной теории и учебной дисциплины, а также в целом – всей криминалистики. В ходе занятий обучающимся приходит понимание, что при всей значимости уголовного права и уголовного процесса, иных наук антикриминального цикла криминалистика единственная из юридических наук, которая дает описание противодействия в форме первой части названной теории: «Противодействие уголовному преследованию».

В то же время нам не следует ударяться из одной крайности в другую. Если описание актов правомерного противодействия в заданном контексте не дает четких границ противоправного и законного поведения, то по существу оно становится своеобразной инструкцией по совершению преступлений и уклонению от ответственности за них любыми средствами. Поэтому любое описание, моделирование в рамках занятий каких-либо актов противодействия и их комплексов должны постоянно оцениваться с позиции законности и этической допустимости.

При реализации подобных подходов можно добиться впечатляющих результатов в плане качества подготовки юристов и повышения квалификации правоприменителей, высокой мотивации их как к учебе, так и к работе по специальности, а также популяризации науки криминалистики, которой она, безусловно, и давно заслуживает.

Может не так подробно, но именно в этом ключе мы поговорили с Владимиром Петровичем Лавровым в тот вечер. Он внимательно выслушал предлагаемое, задал вопросы, посоветовал литературу, мягко предложил некоторые дополнительные суждения, но в целом согласился с предлагаемым подходом, посоветовал развивать его в прикладных исследованиях. Особо следует ответить, что мэтр науки всячески поощрял прикладные, практически полезные исследования

и их результаты, постоянно говорил молодежи о недопустимости чрезмерного увлечения «теорией ради теории».

Светлая память Владимиру Петровичу! Его идеи и результаты исследований, лекции и иные выступления навсегда останутся в памяти потомков. А все, кто имел счастье видеть, лично общаться с профессором, навсегда сохранят в памяти образ очень доброго, внимательного к мнению коллег, глубоко интеллигентного и мудрого человека!

Список литературы

1. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению. Презентация учебника: интервью с Владимиром Петровичем Лавровым. Интервьюер – Ю. П. Гармаев : мультимедийный фильм // Видеохолдинг «YouTube». URL: <https://youtu.be/-O6C5JiFbfoc>.
2. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / [Б. Я. Гаврилов и др.] ; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.
3. Гармаев Ю. П., Ким Д. В. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 461–470.
4. Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.
5. Баев М. О. Противодействие как реализация принципа состязательности в уголовно-процессуальном исследовании преступлений // Воронежские криминалистические чтения. 2005. № 6. С. 5–9.
6. Бабаева Э. У. Проблема теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М. : Юрлитинформ, 2006.

Головин А. Ю.¹,
 профессор кафедры правосудия
 и правоохранительной деятельности
 Тульского государственного университета,
 доктор юридических наук, профессор

Головина Е. В.²,
 доцент кафедры правосудия
 и правоохранительной деятельности
 Тульского государственного университета,
 кандидат юридических наук

ПОНЯТИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА

Криминалистическое учение о противодействии расследованию преступлений прошло несколько этапов своего развития и по праву занимает важное место в системе частных криминалистических теорий и учений. В развитии основных положений этого учения, разработке системы криминалистических средств и методов преодоления такого противодействия со стороны преступников и других лиц важную роль играют труды выдающегося отечественного ученого-криминалиста, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. П. Лаврова.

За период своей активной научной деятельности В. П. Лавров затронул многие проблемы изучения и преодоления противодействия расследованию преступлений. Под его научным руководством были подготовлено и защищено немало ярких диссертационных исследований, в том числе касающихся вопросов выявления и преодоления противодействия расследованию отдельных групп и видов преступной деятельности.

Особо следует выделить сформулированный В. П. Лавровым научный подход к определению понятия и ключевых признаков противодействия расследованию преступлений как категории современной криминалистики. В частности, в одном из последних своих трудов В. П. Лавров определил это явление, как «совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний» [1, с. 21].

Стоит отметить, что в криминалистической науке, несмотря на достаточно длительный период изучения проблем противодействия расследованию преступлений (противодействия предварительному расследованию) и его преодоления, пока полностью не сформировался единый подход ни к пониманию этого явления

¹ © Головин А. Ю., 2023.

² © Головина Е. В., 2023.

и его признаков, ни даже к базовой терминологии этого криминалистического учения. При этом взгляды профессора В. П. Лаврова на сущность рассматриваемого противодействия можно определить, как традиционные и базовые.

Во-первых, предложенная В. П. Лавровым дефиниция противодействия расследованию преступлений отражает широкий подход к пониманию и описанию этого явления, что позволяет максимально охватить криминальное и посткриминальное поведение преступников и других лиц, направленное на воспрепятствование достижению задач как уже осуществляемого, так и потенциального расследования, в том числе в части выявления правоохранительными органами признаков совершенного преступления, установления оснований для возбуждения уголовного дела. В этой связи видятся достаточно спорными представленные в криминалистической литературе идеи о том, что противодействие может осуществляться только после возбуждения уголовного дела, по сути, необоснованно исключая из такого противодействия сокрытие следов преступления, реализуемое до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела [2, с. 18; 3, с. 43].

Дискуссионными видятся и предложения сводить содержание рассматриваемого понятия только к противодействию уголовному преследованию подозреваемого (обвиняемого) [4, с. 38; 5, с. 239; 6, с. 121]. Представляется, что содержание понятия противодействия расследованию преступлений существенно шире содержания понятия «противодействия уголовному преследованию», на что также неоднократно обоснованно обращал внимание В. П. Лавров. Добавим также, что термин «уголовное преследование» является объектом научной дискуссии в уголовно-процессуальной науке. В этой связи нами продолжает отстаиваться вывод, что при формулировании криминалистических терминов и понятий нежелательно использовать терминологию других юридических наук, не имеющую нормативного или устоявшегося научного определения [7, с. 25].

Во-вторых, в дефиниции противодействия расследованию преступлений, предложенной В. П. Лавровым, справедливо отмечается умышленный характер такого рода действий (бездействия) преступников или связанных с ними лиц. Действительно, лицо, различными способами скрывающее следы преступления, оказывающее психологическое или иное воздействие на участников предварительного расследования и лиц, которые могут стать таковыми в дальнейшем, уклоняющееся от участия в следственных и других процессуальных действиях, создающее иные препятствия работе правоохранительных органов, не может не осознавать, что его поведение влечет за собой различные негативные последствия для достижения целей и задач расследования, желает либо допускает их наступление.

Как следствие, нельзя согласиться с присутствующими в криминалистической литературе точками зрения о возможности неумышленного противодействия расследованию [4, с. 112; 5, с. 239; 8, с. 25 и др.]. Представляется, что в этой связи более верно выделять наряду с противодействием расследованию преступлений, имеющим умышленный характер, другие действия и факторы, затрудняющие его проведение. В их числе, в частности, уничтожение служебных документов в силу истечения нормативных сроков хранения лицами, исполняю-

щими соответствующие служебные обязанности, следственные ошибки, «неумышленные действия потерпевшего, приведшие к уничтожению следов преступления, предоставление органам расследования недостоверной информации вследствие добросовестного заблуждения, различные явления событийного характера (например, неблагоприятные погодные условия, ДТП со служебным автотранспортом в период следования на место проведения следственного действия и т. п.)» [9, с. 144].

В-третьих, В. П. Лавров обоснованно включил в содержание противодействия расследованию преступлений «противоправные и иные действия». Рассматриваемое противодействие носит преимущественно противоправный характер и, более того, ряд совершаемых с этой целью действий сами по себе могут являться преступными деяниями (например, преступления против правосудия, превышение полномочий, служебный подлог и др.). В то же время в структуру рассматриваемого противодействия могут входить и другие действия (бездействия), не запрещенные действующим законодательством. Некоторые из них являются реализацией предоставленных законодательством подозреваемому, обвиняемому или другим участникам предварительного расследования конституционных или процессуальных прав (например, отказ свидетельствовать против себя, своего супруга или близких родственников на основании статьи 51 Конституции Российской Федерации, отказ подозреваемого или обвиняемого от участия в проверке показаний на месте и пр.).

В-четвертых, в своем определении В. П. Лавров не ограничил цели противодействия расследованию преступлений только воспрепятствованием «установления истины по делу» или воздействием на доказательственную информацию и ее источники (носители), что в целом представляется правильным.

Воспрепятствование установлению истины по уголовному делу как цель противодействия расследованию преступлений называлось в числе основных признаков этого явления Р. С. Белкиным, В. Н. Карагодиным, А. М. Кустовым [10, с. 32; 11, с. 10; 12, с. 54] и рядом других авторов.

Однако такая цель не единственная. Очевидно, что такое противодействие может также преследовать цели не допустить выявления признаков совершенного преступления (ведущейся преступной деятельности) либо возбуждения уголовного дела, затянуть предварительное расследование, скрыться от правосудия путем выезда за рубеж, не допустить правовых запретов или ограничений, кадровых или политических последствий в отношении себя и других лиц, создать препятствия для предъявления имущественных претензий, затянуть сроки предварительного расследования путем заявления многочисленных ходатайств, инициировать «общественное давление» на правоохранительные органы в связи с якобы имеющимися нарушениями прав подозреваемого или обвиняемого, попытаться дискредитировать следователя и других сотрудников правоохранительных органов и ряд других.

С этих позиций можно говорить о некоторой ограниченности подходов к определению противодействия расследованию преступлений только как о воспрепятствовании собиранию и использованию доказательственной информации, воздействию на носители (источники) такой информации, создание препятствий

установлению обстоятельств, составляющих предмет доказывания, и т. п. Указанный признак выделяется в качестве ключевого в дефинициях рассматриваемого понятия, предложенных А. Ф. Волынским, С. В. Дубровиным, В. Е. Корноуховым, А. Ф. Лубиным, С. Ю. Журавлевым, В. В. Трухачевым и многими другими авторами.

Конечно, цель воспрепятствовать собиранию и использованию доказательственной и иной криминалистически значимой информации, попытки воздействовать различным образом на носители материальных или идеальных следов преступления во многом коррелируется с целью воспрепятствовать установлению истины по делу. Однако представляется верным мнение И. В. Тишутиной, согласно которому в ситуациях оказания противодействия посредством уклонения лица по собственной инициативе от контакта с правоохранительными органами «непосредственный объект в виде криминалистически значимой информации отсутствует» [13, с. 26]. Выводы о распространенности приемов и способов противодействия расследованию, не оказывающих непосредственного воздействия на доказательственную и иную криминалистически значимую информацию, неоднократно обосновывались и авторами настоящей статьи, в том числе с учетом особенностей противодействия расследованию преступлений отдельных групп и видов [14, с. 49; 15, с. 16].

Подводя итог изложенному, отметим, что концепция противодействия расследованию преступлений, сформулированная профессором В. П. Лавровым, входит в число современных криминалистических представлений, наиболее полно характеризующих сущность и признаки этого явления. Необходимо подчеркнуть, что именно широкое понимание противодействия расследованию преступлений должно быть положено в основу дальнейшего развития этого криминалистического учения. Кроме того, назрела потребность формирования теоретических основ и криминалистического учения более высокого уровня – учения о противодействии уголовному судопроизводству, направленного на изучение рассматриваемого явления не только на досудебных, но и последующих судебных стадиях уголовного процесса.

Список литературы

1. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / [Б. Я. Гаврилова и др.] ; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.
2. Характеристики противодействия расследованию преступлений и их сокрытия : учебное пособие / [С. В. Дубровин и др.]. М. : МПГУ, 2010.
3. Волобуев А. Ф. Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Государство и право. 2002. № 4. С. 42–47.
4. Бабаева Э. У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М. : Юрлитинформ, 2006.
5. Калугин А. Г. К вопросу о понятии противодействия уголовному преследованию и его формах // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические аспекты : сборник научных трудов. М. : Академия управления МВД России, 2007. С. 235–239.

6. Муратшина С. Н. К вопросу о преодолении противодействия уголовному преследованию // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 121–125.
7. Головина Е. В. Противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам: развитие понятия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1. С. 21–35.
8. Лаврухин С. В. Механизм поведения подозреваемого и обвиняемого // Вестник криминалистики. 2010. № 1. С. 23–29.
9. Головин А. Ю., Цурбанов С. А. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 137–149.
10. Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования. М. : Новый юрист, 1997.
11. Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Екатеринбург, 1992.
12. Кустов А. М. Механизм деятельности по противодействию расследованию // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений. Труды Академии МВД России. М. : Издательство МВД России, 1996. С. 50–59.
13. Тишутина И. В. Об общей характеристике противодействия расследованию // Вестник криминалистики. 2013. № 1 (45). С. 24–31.
14. Головин А. Ю., Грибунов О. П., Бибилов А. А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений. Иркутск : ВСИ МВД России, 2015.
15. Головина Е. В. Преодоление противодействия расследованию должностных преступлений. М. : Юрлитинформ, 2021.

*Давыдов В. О.¹,
профессор кафедры правосудия
и правоохранительной деятельности
Тульского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент*

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИЧНОСТНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Результаты преступной деятельности любого уровня сложности в подавляющем большинстве случаев содержат следы субъекта, ее осуществившего, в том числе информацию о его личных социально-психологических качествах, преступном опыте, специальных знаниях, поле, возрасте, особенностях взаимоотношений с жертвой преступления и т. п.

Выявление подобной криминалистически значимой информации как в первичных данных о событии преступления, так и в процессе предварительного расследования позволяют составить представление об общих, а затем и частных личностных особенностях преступника. Дальнейшее изучение взаимосвязей таких данных со сведениями о механизме совершения преступного деяния создает новую криминалистически значимую информацию, позволяющую правильно определить направление и способы изобличения преступника, избрать с учетом иных сведений по делу оптимальный метод расследования.

Еще в XIX в. австрийский юрист и ученый-криминалист, один из основоположников науки криминалистики, Ганс Гросс указывал на то, что «важным условием точной деятельности судебного следователя является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия» [1, с. 42–43]. Особое значение ученый придавал применению психологических знаний в процессе расследования преступлений, акцентируя внимание на психологии преступников [2, с. 11].

В этой связи полагаем, что данные о субъекте преступления должны выступать самостоятельным объектом криминалистического исследования и, как следствие, значимым элементом криминалистической характеристики отдельного вида (группы) преступлений. В подтверждение данного тезиса приведем мнение известного российского ученого-криминалиста, профессора Н. П. Яблокова, указавшего, что «основой криминалистической характеристики являются данные о способе совершения преступления и личности преступника» [3, с. 112].

Очевидно, что и эффективное расследование преступной деятельности экстремистской направленности невозможно без учета сведений о личности экстремиста и ее нравственно-психологических свойств, особенностей формирования последних, условий и факторов, предопределивших избрание пути экстремизма. Анализ подобной криминалистически значимой информации способствует выявлению причин формирования устойчивых криминогенно-экстремистских

¹ © Давыдов В. О., 2023.

свойств личности преступника-экстремиста, позволяя отнести его к определенному криминологическо-психологическому типу и более точно установить мотивы преступления.

И хотя на сегодняшний день у исследователей не имеется единого мнения по поводу мотивов, побуждающих индивида к экстремистской деятельности [4–6], все же большинство исследователей сходны в том, что сам процесс формирования социально-психологического портрета экстремиста или так называемого «экстремистского сознания» происходит в результате специфической объединения следующих узловых детерминант развития личности: во-первых, социально-психологических особенностей макросреды; во-вторых, индивидуально-личностных особенностей индивида; в-третьих, склонности лица к экстремистской деятельности [7, с. 211].

В аспекте формирования криминалистической характеристики как информационной основы типичной частной методики расследования преступлений экстремистской направленности наиболее значимыми элементами, характеризующими личность преступника экстремиста, на наш взгляд, являются социально-демографические, нравственные и психологические признаки, физико-биологические характеристики, а также наличие прежней судимости и профессионализм преступной деятельности.

Результаты проведенного нами исследования [8] позволяют сделать вывод о том, что в преступной деятельности экстремистской направленности в основном принимают участие лица мужского пола. В то же время имеют место и случаи, когда членами, а в отдельных случаях и лидерами молодежных экстремистских формирований становятся лица женского пола.

Среди активных участников организаций (группировок) экстремистско-националистической направленности, как правило, преобладают молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, среди которых есть и несовершеннолетние лица в возрасте от 14 до 18 лет. Думается, что наличие данной тенденции детерминировано тем обстоятельством, что именно возраст от 14 до 18 лет является наиболее оптимальным для «впитывания» радикальных националистических, ксенофобских и экстремистских идей, а следовательно, лиц данной возрастной категории проще всего идеологически «настроить» для совершения экстремистских акций.

В экстремистской деятельности, как правило, участвуют физически здоровые и психически вменяемые лица (в том числе занимающиеся силовыми видами спорта и единоборствами), для которых характерны определенные нравственно-психологические особенности. Последние связаны с ориентацией на борьбу с чуждыми идеологией, религией, неприятием «инакомыслия». Такая личностная ориентация, как правило, обусловлена низким правосознательным и культурно-образовательным уровнем, отсутствием четко определенных жизненных ориентаций у так называемых «трудных» подростков из числа школьников, а также лиц со средним специальным образованием и учащихся «малопрестижных» вузов.

Акцентируем внимание и на том факте, что своеобразным индикатором экстремистского потенциала лица нередко могут быть не только особенности нравственно-психологической структуры личности человека, но и его неразрешен-

ные личностно-социальные проблемы. В целом следует отметить, что проявление экстремистского поведения нередко обусловлено комплексом социально-психологических, культурно-нравственных, физиологических, социально-экономических, семейных и других декомпенсаций.

С позиций подходов науки криминалистики существенное влияние на совершение преступлений экстремистской направленности оказывают такие нравственно-психологические качества личности:

- как сильная приверженность деструктивной идеологии, а также групповой нарциссизм;
- крайняя нетерпимость к любому инакомыслию, перерастающая в глубокое убеждение, что нормальный, полноценный человек просто не может видеть вещи в ином свете, чем тот, который открывается благодаря обладанию «абсолютной истиной»;
- экстремальность группоцентрический характер деятельности;
- ориентация на насилие и устрашение, предполагающая наличие ярко выраженного параноидного радикала в структуре личности.

Отметим, что желание укоренения «единственно истинной» идеи, как правило, требует применения крайних средств – агрессивности в поведении, готовности разрушить существующие в том или ином социуме «несправедливые» порядки.

Американский исследователь К. Л. Оотс в своей работе, посвященной психологическим мотивам терроризма, отмечает, что именно уверенность в собственной правоте является основополагающим элементом экстремизма и его крайней формы терроризма «поскольку немногие способны в достаточной мере посвятить себя делу совершения насильственных актов, если не убеждены в моральной правоте дела, поскольку только правота делает такие акции правыми» [9, с. 144].

Вышеуказанные особенности в личности экстремиста будут весьма выраженными, а представленные в более мягкой форме – будут проявляться в виде ксенофобии.

Безусловно, противоправные действия экстремистской направленности имеют и существенную идеологическую составляющую, что отличает их от других преступных действий, т. е. они осуществляются, в первую очередь, в целях провозглашения и достижения тех или иных радикальных идей.

По своей сути, экстремист – это лицо, которое находится в состоянии социального конфликта с окружающими людьми, не разделяющими его идеологических установок.

Вследствие этого обстоятельства представляется, что существенное влияние на формирование нравственно-психологических черт лица после его становления на путь экстремизма будет оказывать идеологическая составляющая экстремистской деятельности, которая отражается в специфике эмоционально-психических состояний экстремиста, способе восприятия, отношения и взаимодействия его внутреннего мира с миром внешним.

Основу эмоционально-психических переживаний экстремиста составляют экстремистская направленность и мотивы реализации экстремистской идеологии.

Полагаем, что последние можно систематизировать следующим образом:

1) мотив политической ненависти – в силу неприязни к конкретным лицам либо их общностям, конкурирующим в борьбе за власть, придерживающихся иных политических взглядов или безразлично относящихся к политической жизни;

2) мотив идеологической ненависти – по причине неприязни к лежащим в основе той либо иной идеологии идеям, в которых формулируется позиция и основная цель государства, нации, класса;

3) мотив национальной ненависти – вследствие обусловленных определенными потребностями внутренних побуждений, выражающих стремление показать свое превосходство и неполноценность другого лица (общности лиц) по причине их принадлежности к иной конкретной нации, территориальной государственной единице;

4) мотив религиозной ненависти – в силу неприязненного или враждебного отношения к определенной религии или религиозному объединению либо к конкретным лицам (общности лиц), исповедующим определенную религию или принадлежащим к определенному религиозному объединению;

5) мотив расовой ненависти – вследствие стремления показать свое физическое, интеллектуальное либо культурное превосходство, неполноценность другого лица (общности лиц) по причине расовой принадлежности и, как следствие, выразить свое ненавистное отношение, унижить достоинство;

6) мотив ненависти в отношении какой-либо социальной группы – в силу обусловленных определенными потребностями внутренних побуждений, выражающих стремление показать свое превосходство и, как следствие, неполноценность какой-либо устойчивой общности людей, выраженной в определенных видах внутригрупповых связей и взаимодействия (например, связанные с имущественным расслоением на «богатых» и «бедных», местом жительства «городские жители» и «провинциалы», социальному слою «интеллигенция» и «рабочие», возрастной группе и т. п.);

7) мотив корысти – вследствие наличия стремления за чужой счет удовлетворить любую индивидуальную потребность посредством незаконного завладения либо создания условий для завладения чужим имуществом или не принадлежащими виновному лицу имущественными правами, либо путем незаконного освобождения от имущественных обязанностей, сокращения обычных и необходимых при соответствующих обстоятельствах личных расходов.

Общественная опасность личности преступника-экстремиста, как правило, обусловлена и рядом психофизических, социально значимых свойств, в числе которых, как показывает проведенное исследование [10, с. 245–246], с позиции значимости для процесса расследования и криминалистического предупреждения преступлений такого рода надлежит выделить:

- агрессивность и жестокость;
- хладнокровие и мстительность;
- дерзость и садизм;
- расчетливость и замкнутость;

- повышенную импульсивность поведения;
- исключительный цинизм и максимализм;
- страх;
- озлобленность;
- неуравновешенность;
- снижение оптимизма по отношению к жизни как высшей ценности человека;
- ненависть и гнев по отношению к «врагам», не разделяющим экстремистских идей, а также к «несправедливой» действительности;
- равнодушие и неспособность к состраданию;
- отчужденность от общества и его ценностей, в том числе от общепринятых в обществе социально-правовых норм;
- утрату межличностных контактов с социумом;
- слепую веру в правоту экстремистской идеологии и самооправдание совершаемых экстремистских действий;
- постоянную готовность к самопожертвованию, склонность к суицидальному поведению, нанесению физического вреда самому себе;
- стремление к самоутверждению и завоеванию авторитета и в первую очередь в экстремистской среде;
- склонность к конфликтности, экстремальным ситуациям и острым переживаниям, непредсказуемым действиям и повышенному риску поведения, потребность в систематическом переживании сильных аффективных состояний;
- любовь к самому себе как носителю истины экстремистской идеи.

Говоря о личности членов экстремистско-националистических движений, нельзя не акцентировать внимание на том, что в последнее время ими становятся и представители различных «агрессивных» субкультур, неформальных объединений и групп, а также ранее судимые лица [7, с. 213].

Проведенный анализ особенностей функционирования экстремистских формирований, осуществлявших свою деятельность на территории ряда регионов Российской Федерации, свидетельствует о том, что существенное влияние на направленность деструктивной деятельности и особенности функционирования таких организационных образований оказывает их лидер, которому присуща следующая индивидуальная функционально-личностная характеристика [8, с. 252]:

- обладает хорошими организаторскими способностями;
- нередко имеет уголовное прошлое;
- формирует идеологические взгляды формирования, приверженность определенным идеям экстремистской направленности, является примером для подражания;
- как правило, занимает лидерскую позицию с открытого или скрытого согласия членов формирования;
- отличается особой нетерпимостью той или иной направленности (политической, религиозной, расовой, социальной и др.);
- предпринимает действия по сплочению членов формирования;

- осуществляет организацию и планирование акций;
- определяет порядок принятия новых «рекрутов» в члены формирования;
- создает материально-финансовую основу существования формирования.

Таким образом, у экстремиста или лица, потенциально склонного к экстремистскому типу поведения, формируются специфические психологические и духовно-нравственные ценности, а также особенный стиль поведения личности, характеризующийся крайней нетерпимостью к другим («чужим») взглядам, культивированием насилия и жестокости.

Практика показывает, что учет вышеназванных обстоятельств, как правило, способствует наиболее полному раскрытию и эффективному предупреждению преступлений. Криминалистически значимая информация о социально-психологической и личностно-функциональной характеристике членов экстремистских формирований может и должна использоваться субъектом расследования в процессе версионной работы и в первую очередь при выдвижении версий относительно субъекта и субъективной стороны преступления, а также при организации целенаправленного розыска преступника-экстремиста по горячим следам.

Список литературы

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции // Журнал министерства юстиции. 1895. Вып. 1.
2. Гросс Г. Криминальная психология : монография. Грац : Грацкий университет имени Карла и Франца, 1905.
3. Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследований преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 30. 1979. С. 110–122.
4. Бидова Б. Б. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический анализ (на примере Северо-Кавказского Федерального округа) : монография. Кисловодск : Магистр, 2013.
5. Егорова Н. К. К вопросу о новых мотивах совершения преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 41–44.
6. Фридинский С. Н. Экстремизм: понятие, сущность и основные формы проявления : научно-методическое пособие. М. : Норма, 2010.
7. Багмет А. М., Бычков В. В., Зеленков М. Ю. Расследование преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : Юнити-Дана, 2019.
8. Давыдов В. О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12. Ростов-н/Д., 2018.
9. The Annual on Terrorism / ed. by Yonah Alexander. Dordrecht, Boston and Lancaster : Martinus Nijhoff, 1987.
10. Давыдов В. О. Современный экстремизм: взгляд криминалиста : учебное пособие для слушателей магистратуры и аспирантов по кафедре криминалистики. М. : Юрлитинформ, 2018.

Дронова О. Б.¹,

*профессор кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической
деятельности Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕТОВ, ВЕДУЩИХСЯ В ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПОДРАЗДЕЛЕНИИ МВД РОССИИ

В целях информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России (ЭКП МВД России) осуществляются формирование, систематизация, обработка и хранение учетно-регистрационных массивов, содержащих следовую трасологическую информацию, включающую следы протекторов шин автотранспортных средств, следы подошвенной части обуви, следы орудий взлома.

В настоящее время ключевой целью ведения учетов трасологической следовой информации является установление конкретного объекта, участвующего в механизме слеодообразования, а также выявление фактов применения одного объекта при совершении разных преступлений.

В своем становлении и развитии данные информационные массивы неоднократно трансформировались под воздействием изменений в социальной, экономической, информационной сферах развития государства в целом, правоохранительных органов и ЭКП МВД России в частности. По мере изменения содержания, формы внешнего выражения следотек и технических средств, применяемых для их формирования, менялась и информационная значимость получаемых криминалистически значимых данных.

Начальный этап формирования трасологических учетов связан с формированием в 1907 г. Центрального справочного аппарата (ЦСА), созданного при Регистрационном отделе Департамента полиции. В функции подразделения в числе прочих входило и создание натуральных коллекций предметов и орудий, устройств и приспособлений, использовавшихся в ходе совершения таких преступлений, как кражи, грабежи, убийства. Объекты коллекции были представлены как реальными объектами, так и их фотографическими изображениями [1, с. 14]. Формирование данных натуральных фондов еще не имело системного, обязательного характера, однако в единичных случаях уже выполняло функцию информационного обеспечения оперативных подразделений необходимыми сведениями.

Положительный эффект ведения натуральных фондов объектов, изъятых в ходе расследования преступлений, способствовал оформлению существовавших массивов в виде экспонатов музея уголовного сыска и научной техники расследования преступлений, созданный в 1912 г. при Департаменте полиции г. Санкт-Петербурга. Следует отметить, что систематизация экспонатов, представленных

¹ © Дронова О. Б., 2023.

преимущественно коллекциями орудий взлома, была произведена уже с применением методологических подходов, используемых при организации музейных экспозиций, обеспечивающих возможность быстрого поиска и анализа необходимых данных. Кроме того, данные массивы обеспечивали не только расследование преступлений, но и служили наглядным материалом «при подготовке полицейских чинов к занятию должностей сыскной полиции» [2], а также являлись эмпирическим материалом, используемым при разработке методических основ исследования разных объектов (следов обуви, следов орудий взлома) судебной экспертизы.

Впоследствии музейные экспозиции стали составной частью криминалистических коллекций, ведущихся в подразделениях музейной кодификации, входивших в структуру научно-технических отделов уголовного розыска. В рассматриваемый период были предприняты первые попытки регламентирования деятельности по систематизации криминалистически значимой информации не просто с точки зрения ее наглядности, позволяющей классифицировать тип и вид используемого при совершении преступления объекта [3, с. 57], но и с учетом наличия в ней индивидуализирующих признаков, позволяющих установить единый источник происхождения проверяемых объектов.

В конце 30-х гг. XX в. натурные учетно-регистрационные массивы расширились за счет включения в них следотек материальных отображений следов подошв обуви, следов орудий взлома, следов протекторов шин автотранспортных средств, изъятых с мест происшествий, а также экспериментальных следов, полученных в процессе экспертных исследований объектов, изъятых у лиц, подозреваемых в совершении преступлений. В качестве основных целей их формирования, наряду с классификационными и диагностическими задачами, стали потребованы идентификационные возможности установления фактов применения одного объекта при совершении разных преступлений.

Благодаря существенному расширению эмпирического материала стали возможной разработка и издание научных и методических публикаций, посвященных новой науке трасологии и работе со следовой информацией в условиях производства следственных действий, среди них следует выделить «Краткое пособие для экспертов», вышедшее под редакцией Б. М. Комаринца, А. Д. Хананина (1935 г.), «Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений» под редакцией И. Н. Якимова (1938 г.), «Руководство по осмотру мест происшествий», изданное под редакцией Б. М. Комаринца, Б. И. Шевченко (1938 г.) и иные издания.

Наиболее эффективным периодом функционирования трасологических учетов стали 70–80-е гг. XX вв. Специфика социалистической системы плановой экономики СССР обеспечивала четкую систему полной прослеживаемости любых товаров, выпускаемых на отечественных заводах по строго регламентированной товарной номенклатуре моделей, и исключала случаи массового импорта иностранной продукции. Это позволяло формировать в ЭКП не только обязательные следотеки и коллекции натуральных объектов, изъятых в рамках расследования уголовного дела, но и создавать инициативные натурные фонды эталон-

ных объектов, не имеющих непосредственной связи с преступлениями, но выполняющих функции информационно-справочного материала в процессе технико-криминалистического сопровождения противодействия противоправной деятельности.

В рассматриваемый период формирование учетно-регистрационного массива регламентировалось ведомственным нормативным правовым актом и осуществлялось на двух уровнях – региональном и местном. Данное распределение учетно-регистрационных сведений (сохранившееся до настоящего момента) было обусловлено положениями учений о способе и механизме совершения преступления. В процессе формирования трасологических учетов предусматривалось ведение картотеки, состоящей из информационных карт, содержащих иллюстративное изображение следа (обуви, орудия взлома, протектора шин), к которым могли приобщаться дактилоскопические пленки или слепки, полученные со следов, а в отдельных случаях и сами объекты-следоносители (замки, выпилены фрагментов преград со следами отжима (удара), перекуса, разруба и т. д.). Последний вариант сохранения материальнофиксированной информации позволял не только выделить признаки, присущие следообразующему объекту, но и дифференцировать механизм следообразования.

Наряду со следотеками в экспертно-криминалистических подразделениях рассматриваемого периода в инициативном порядке формировались натурные коллекции полупар обуви (преимущественно произведенной на обслуживаемой территории республики, области), а также справочные фонды, включавшие фотграфические изображения рисунка протекторов подошвенной части обуви и вариантов оформления ее верхней части. Ограниченность видов моделей обуви, поступавшей на реализацию, позволяла сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений эффективно осуществлять предварительные исследования, направленные на решение вопросов по определению типа и вида обуви, которой оставлены следы на месте совершения преступления, установлению антропологических, функционально-динамических признаков субъекта [4, с. 49], составлять ориентировки (разыскные таблицы), устанавливать тождества.

Отдельно формировались информационно-справочные фонды, представленные в виде альбомов и брошюр, содержащих рисунки (схемы) протекторов шин, устанавливаемых на разных моделях автотранспорта, выпускавшихся на заводах СССР, сопровождавшихся сведениями о размерных параметрах колеи и базы легковых и грузовых отечественных автомобилей. Дополнительно следует упомянуть о формировании инициативных региональных натурных коллекций таких трасологических объектов, как узлы и петли [5, с. 186], светосигнальная арматура транспортных средств, замки, перчатки, колпачки бутылок для алкогольной продукции со следами их заводской и кустарной укупорки.

С переходом России в 90-х гг. XX в. на экономическую систему, основанную на принципах свободного предпринимательства, начался массовый ввоз в страну импортных товаров, в том числе обуви, автотранспорта и комплектующих материалов к нему, инструментов. Это повлекло резкое снижение эффективности ведения трасологических учетно-регистрационных массивов и информационно-

справочных фондов. Неоднократно рассматривался вопрос о прекращении систематизации экспертно-криминалистическими подразделениями следовой трасологической информации, изъятой с мест происшествий, ставилась под сомнение целесообразность сроков нахождения информационных карт в соответствующих массивах.

В настоящее время наблюдаются попытки реанимирования данного направления учетно-регистрационной деятельности посредством внедрения в работу экспертно-криминалистических подразделений специализированных программно-аппаратных комплексов, предназначенных для работы со следами подошв обуви – «Footwear Traces 2» – «Экспертная система следов обуви»; следами орудий взлома – «Tool Marks Traces»; следами протекторов шин автотранспортных средств – «Nrunwear Traces». Применение данных программ позволяет в автоматизированном режиме привести вновь заносимые в следотеку объекты к единому масштабу с одновременным производством метрологических измерений отдельных параметров и признаков элементов рисунка подошвы с учетом их формы, размеров и взаиморасположения [6].

Данные программы предусматривают возможность осуществления проверки вновь поступившей следовой информации с имеющимся в подразделении массивом в автоматизированном режиме. Следует отметить, что в настоящей момент данный вариант формирования и ведения информационного массива является дополнительным к обязательной картотечной форме систематизации трасологических объектов учета. Однако применение современных программно-аппаратных комплексов существенно повышают возможность производства необходимых выборок сведений по заданным параметрам поиска.

Подводя итог рассмотренным историческим аспектам формирования и ведения учетно-регистрационных массивов, содержащих трасологическую следовую информацию, следует отметить, что в настоящий момент их потенциал существенно недооценен. Техничко-криминалистические возможности получения по следам подошвенной части обуви, следам протекторов шин автотранспортных средств и следам орудий взлома криминалистически значимой информации могут быть значительно расширены при условии тщательной работы с объектами-следоносителями в процессе производства следственного действия. Современные программно-аппаратные комплексы позволяют осуществлять моделирование механизма следообразования и конструировать рабочую поверхность объекта, участвовавшего в формировании следа. Данные, воссоздающие возможности применения инновационных технических средств, должны пройти апробацию в условиях деятельности экспертно-криминалистических подразделений и по результатам быть внедрены в процесс работы с учетно-регистрационными массивами.

Список литературы

1. Корниенко Н. А. Российские и международные криминалистические учеты. СПб. : Юридический центр, 2004.
2. Во главе сыска в Москве и Империи // Газета Петровка, 38. 2017. № 47 (9599). URL: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/vo-glave-syska-v-moskve-i-imperii>.

3. Дронова О. Б., Рыжков И. В. Начальные этапы формирования и использования в работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел системы натуральных коллекций (конец XIX–середина XX века) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 50–58.
4. Чулахов В. Н., Максимов Н. В. О способах определения вероятного роста человека по следам ног, основанных на антропометрических данных // Судебная экспертиза. 2019. № 2 (58). С. 45–55.
5. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / под ред. И. В. Кантора [и др.]. М. : ВА ИМЦ ГУК МВД России, 2002.
6. Техничко-криминалистические особенности работы со следами орудий взлома : учебное пособие / [О. Б. Дронова и др.]. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2021.

*Зеленский В. Д.¹,
профессор кафедры криминалистики
юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина,
доктор юридических наук, профессор*

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Организация – это процесс определения структуры расследования и ее качественного совершенствования с целью оптимизации деятельности. Организация как элемент расследования всегда привлекала внимание криминалистов. Значительный вклад в развитие теоретических основ организации расследования внесли А. М. Ларин, А. Н. Васильев, Р. С. Белкин, В. Е. Коновалова, В. П. Лавров, А. В. Дулов, В. В. Степанов, И. П. Можаяева, А. Г. Филиппов и другие ученые.

Сущность организации состоит в интеллектуальной деятельности и действиях по выявлению структурных элементов расследования и связей между ними с целью определения оптимального содержания расследования. Организация включает также действия по обеспечению деятельности, подготовку и создание условий для рационального проведения следственных действий. Материальным выражением организационного процесса являются в основном организационно-подготовительные действия.

Большинство криминалистов в целом согласны с изложенным пониманием организации. Вместе с тем взгляды ученых на сущность организации различаются. Их можно разделить на три группы: а) организация – это образующее начало расследования; б) организация – обеспечивающая деятельность в расследовании; в) организационный процесс – широкая обеспечивающая деятельность в расследовании [1, с. 124].

Полагаем, что обоснованным взглядом на сущность организации является подход, основанный на содержании организационных процессов в социальной деятельности. Как известно, организация – это процесс создания структуры системы и ее качественного совершенствования. Поскольку расследование является специфическим видом социальной деятельности, то на нее распространяется указанное положение [2, с. 66–71]. Определение структуры расследования – это конкретизация основных элементов деятельности, следственных и иных действий, направленных на установление обстоятельств, предмета расследования, субъектов этих действий и других элементов структуры. Выявляются связи между указанными и другими элементами расследования как деятельности, последовательность производства действий с учетом рекомендаций криминалистической методики. Расследование упорядочивается, т. е. приобретает целенаправленный характер. Таким путем формируется вся система расследования, т. е. организация выполняет образующую роль как средство образования деятельности.

¹ © Зеленский В. Д., 2023.

Наряду с ролью образующего начала организация имеет и обеспечивающий характер. Обеспечение выражается в создании условий для качественного производства следственных и иных действий: оперативно-разыскных, служебных (специальных) проверочных, иных процессуальных [1, с. 124].

Организация связана с управлением. Управление – это удержание структуры расследования в заданном (организованном) состоянии и ее совершенствование. Управление и организация – это взаимосвязанные, взаимопроникающие, взаимообусловленные процессы, но в то же время имеют свою обособленность, т. е. сходные, но разные процессы. Качественное и содержательное значение организации и управления зависит от характеристики уровня организации.

Организация расследования имеет три уровня: организация отдельного расследования; организация в органе расследования; организация в ведомстве и в стране в целом [3, с. 52–56]. Р. С. Белкин выделял четыре уровня, обособив организацию следственного действия [4, с. 450]. Полагаем, что организация следственного действия является частью отдельного расследования, имеет сходные с остальными частями расследования характеристики. Поэтому вряд ли целесообразно выделять ее в отдельный уровень. Это подуровень организации отдельного расследования. Два других уровня: организация в органе и организация в ведомстве и в стране также имеют свои подуровни. О них мы скажем далее, рассматривая управление.

Организация и управление взаимосвязаны. Г. А. Туманов, изучая содержание организации и управления, выделил абстрактно-логический, конкретно-логический, управленческо-организационный, организационно-управленческий и спонтанно-организационный подходы. В зависимости от характера подхода выделяются взгляды на соотношение организации и управления: организация – функция управления; организация – часть управления; управление нуждается в организации. Г. А. Туманов полагал, что организация и управление – близкие, но разные понятия [5, с. 38–45].

Соглашаясь в целом с мнением Г. А. Туманова, отметим, что характеристика содержания и объем (т. е. соотношение) организации и управления в уровне организации различны. В отдельном расследовании преобладает организация, управление незначительно, т. е. основной субъект расследования – следователь – одновременно и управляет расследованием. Поэтому применительно к отдельному расследованию принято говорить об организации, понимая под ней организацию и управление.

Организация – это процесс структурирования и упорядочения расследования с целью его оптимального функционирования для установления истины по уголовному делу.

Игнорирование или преуменьшение образующей роли организации приводит к выводу об организации процесса, созданию условий для расследования. Л. А. Соя-Серко считал, что посредством организации создается структура следственного аппарата, создаются материальные условия для работы следователей [6, с. 8–9]. Это упоминавшаяся вторая группа взглядов. Разновидностью указанной позиции является взгляд на организацию как на комплекс средств, приемов и методов по созданию оптимальных условий для расследования [6, с. 89]; или

как на процесс распределения полномочий участников расследования, рационального использования сил и средств [7, с. 9–10].

Наконец, в третьей группе – это взгляды о расширенном значении организации. М. Ф. Георгице считал, что организацию расследования «следует рассматривать, как деятельность следователя или дознавателя по установлению, пресечению и расследованию преступлений» [8, с. 65].

Точка зрения на организацию как на образующее и обеспечивающее начало расследования более обоснована. В последние годы указанный взгляд получил глубокое и обоснованное подтверждение в трудах В. В. Степанова, И. П. Можажевой. По их мнению, организация расследования является криминалистической теорией, представляющей систему теоретических положений, методов и средств, научных рекомендаций по обеспечению оптимальных условий для расследования преступлений [9, с. 31]. Докторская диссертация И. П. Можажевой является крупным вкладом в дальнейшее развитие теории организации расследования.

Разграничивая организацию и управление, необходимо отметить, что управление расследованием – это процесс поддержания оптимального варианта структуры расследования, это процессуальное и организационное руководство системой расследования. Управлять системой расследования – от органа расследования до масштабов страны – это согласование, координация, контроль, учет, руководство системой.

Понимание сущности организации является основой для теоретически обоснованного исследования структуры организационного процесса. Структура организации расследования, прежде всего отдельного расследования, представляет собой взаимосвязанные элементы по выявлению, изучению, исследованию структуры расследования как деятельности.

Основные структурные элементы организации отдельного расследования (собственно расследования, по выражению Р. С. Белкина) [4, с. 450] – это целеопределение, планирование, взаимодействие, создание условий для качественного производства следственных и иных действий, руководство расследованием.

Целеопределение – это процесс определения и конкретизации обстоятельств, имеющих значение для расследования. Цели в отдельном расследовании определяются путем последовательного анализа обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) и умственного поиска косвенных сведений (промежуточных фактов) [10, с. 140–141], которыми обосновывает эти обстоятельства. Организация расследования – это, прежде всего, определение его тактических целей, полагал А. В. Дулов [11, с. 48–49]. Интеллектуальный поиск промежуточных фактов в простом расследовании (преступления, совершенные в условиях очевидности) определяются путем сопоставления типичных следов и иных фактических данных криминалистической характеристики вида преступлений с имеющимися в данном конкретном случае расследования. В криминалистически сложных ситуациях (усложненное, сложное и особо сложное расследование) [3, с. 52–56] ввиду недостатка исходной информации поиск ведется путем построения следственных версий. Версия в данном случае, помимо своей основной функции, играет роль средства организации (участвует в организации). Из каждой версии выводятся логические следствия – факты, могущие существовать, если данная

версия верна. Посредством их определяются промежуточные факты – обстоятельства, подлежащие установлению. Их установление является целями следственных действий. Перечень (круг) промежуточных фактов зависит от характера (содержания) события.

Целеопределение связано с методикой расследования. Ибо посредством целеопределения определяется (конкретизируется) предмет расследования. Под предметом расследования понимается вся совокупность обстоятельств (обстоятельства предмета доказывания и промежуточные факты). Роль криминалистической методики состоит в разработке перечня типичных следственных версий, типичных обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Целеопределением как элементом организации эти обстоятельства конкретизируются.

Целеопределение сопряжено с планированием – определением путей и средств достижения целей расследования. Планированием определяется система следственных и иных действий в их взаимосвязи и последовательность производства. В сочетании целеопределения и планирования определяется система конкретного расследования (умственная модель предстоящего расследования). В этом состоит определяющая роль организации расследования.

Взаимодействие является элементом организации и одновременно частью расследования, само по себе требующее организации. Взаимодействие предполагает согласованное сочетание процессуальных и непроцессуальных средств расследования, использование которого повышает эффективность деятельности. В криминалистически сложных ситуациях расследования взаимодействие следователя с оперативным аппаратом органов расследования практически обязательно. Взаимодействие должно основываться на принципах процессуального подчинения в расследовании [12, с. 74–75]. Существуют два организационных принципа взаимодействия: централизация расследования и руководящая роль следователя в нем; разграничение и кооперация функций участников.

Создание условий многоаспектно. Оно выражено в организационно-подготовительных действиях, в соблюдении принципов организации расследования: соотношение прав, полномочий и обязанностей субъектов организации; сочетания следственных и иных действий в расследовании, ритмичности расследования и др.

Руководство расследованием осуществляется в отдельном расследовании как элемент организации; руководство системой расследования – это элемент управления. В отдельном расследовании руководство проявляется во властно-распорядительных и рекомендательных актах, направленных на поддержание структуры расследования в заданном состоянии и на оптимальное выполнение участниками расследования своих процессуальных и организационных функций. Руководство выражается в принятии процессуальных и тактических решений по расследуемому уголовному делу. Содержание руководства: контроль, предвидение, прогнозирование, координация, учет.

Указанные основные элементы организации взаимосвязаны между собой, образуя единый организационный процесс отдельного расследования. Реализация содержания целеопределения, планирования и других элементов организации способствует рационализации расследования, повышению его эффективности и качества.

Список литературы

1. Куемжиева С. А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
2. Зеленский В. Д. О понятии научной организации и управления расследованием // Правоведение. 1982. № 4. С. 66–71.
3. Зеленский В. Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений : монография. Краснодар : КГАУ, 2011.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Частные криминалистические теории. В 3-х т. Т. 2. М. : Юрист, 1997.
5. Туманов Г. А. Организация как функция государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 1. С. 38–45.
6. Михайлов А. И., Соя-Серко Л. А., Соловьев А. Б. Научная организация труда следователя. М. : Юридическая литература, 1974.
7. Цветков С. И. Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Академия МВД СССР, 1977.
8. Георгице М. Ф. Организация расследования преступлений – часть криминалистической тактики // Криминалистические проблемы в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сборник статей III научно-практической конференции. М., 2003.
9. Можаяева И. П., Степанов В. В. Организация как основа деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. М. : Юрлитинформ, 2007.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М. : Юридическая литература, 1973.
11. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : БГУ, 1979.
12. Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений. Ростов-н/Д. : Ростовский университет, 1989.

*Кардашевская М. В.¹,
профессор кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВРЕМЕННЫХ СВЯЗЕЙ И ОТНОШЕНИЙ, ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В 1979 г. Владимир Петрович Лавров на основе проведенного им диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора юридических наук опубликовал книгу «Организационные тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет». Это было первое исследование концептуальных основ теории временных связей (отношений). В книге подробно рассматривались дефиниции времени и временные связи при расследовании и влияние фактора времени на результативность раскрытия и расследования преступлений. На основе разработанной концепции В. П. Лавров разработал основные принципы поисковой деятельности следователей по приостановленному и впоследствии возобновленному делу, тактическую специфику производства некоторых следственных действий и применения специальных знаний с учетом воздействия фактора времени и иных факторов. В 1980 г. им по этой теме была успешно защищена докторская диссертация.

В последующем его идеи нашли отражение в работе В. М. Мешкова «Основы криминалистической теории временных связей» (1994) и его докторской диссертации «Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений» (1995), в многочисленных диссертационных исследованиях проблем расследования не только преступлений прошлых лет, но и по горячим следам.

В 1997 г. Р. С. Белкин, оценивая научный труд В. П. Лаврова и В. М. Мешкова писал – «преждевременно считать эту криминалистическую теорию полностью сформированной, однако формулирование ее концептуальных основ и определение ее основных понятий позволяет считать, что она уже вышла за рамки отдельной теоретической концепции и может быть с полным правом включена в систему частных криминалистических теорий, переживающих этап своего формирования и становления» [1, с. 444].

Спустя 25 лет после данного высказывания можно констатировать, что анализируемая теория сложилась: она обладает своими объектом и предметом, своей терминологией, разработанными классификационными рядами, и, основное, определенными взаимосвязями с иными частными криминалистическими теориями, с другими (наряду с криминалистикой) областями научного знания, а также обладает необходимым внедрением в учебный процесс юридических вузов (элементы этой теории излагаются в учебниках по криминалистике) и в практическую деятельность правоохранительных органов многих стран.

¹ © Кардашевская М. В., 2023.

С учетом современных реалий криминалистическую теорию временных связей и отношений можно представить, как систему теоретических положений о влиянии времени на закономерности собирания, изучения, оценки и применения криминалистически значимой информации и сформированные на их познании особые методы и средства раскрытия преступлений по горячим следам, а также расследования и раскрытия преступлений прошлых лет.

Структуру данной теории составляют теоретические положения (понятие, предмет, задачи, система, связь с разделами криминалистики и другими науками, факторы, положительно и отрицательно влияющие на процесс раскрытия преступлений, основные принципы деятельности следователя с учетом временных отношений); основы организации и тактики раскрытия преступлений по горячим следам; основы расследования и раскрытия преступлений прошлых лет.

Как и любая теория, криминалистическая теория временных связей и отношений продолжает развиваться, разрабатываются новые методы раскрытия и расследования выделенных групп преступлений, совершенствуются уже существующие. Можно выделить следующие направления научных исследований в рамках данной теории.

1. Дальнейшее изучение влияния временного фактора на организацию и тактику раскрытия преступлений «по горячим следам». В Приказе Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 399 «О едином учете преступлений» [2] установлено, что карточка на раскрытия преступления «по горячим следам» выставляется только в том случае, если с момента регистрации преступления в КУСП до возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица прошло не более 24 ч. Это означает, что раскрытие преступления по горячим следам может быть лишь при производстве проверки сообщения о правонарушении, что существенно меняет ранее устоявшиеся научные знания по этому вопросу.

2. Проблемы организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, выделенных на основе временного фактора. Анализ следственной практики и практики подразделений дознания убедительно доказывает, что только целенаправленная деятельность дает свои результаты. В тех территориальных органах, где руководитель нацеливает членов СОГ раскрывать «перспективное» преступление, отстраняя их от выездов на другие места происшествия (для этого создается резервная СОГ), а также там, где функционирует специализация по преступлениям прошлых лет, есть высокие результаты. Но нельзя всем руководителям так организовать работу. Предварительно следует оценить положительный опыт, выявить его недостатки, зависимость от количественного и качественного состава сотрудников, а только потом разрабатывать практические рекомендации.

3. Влияние научно-технического прогресса на разрабатываемые в криминалистической теории временных связей и отношений практические рекомендации. Определение передвижения преступника с места преступления по камерам АПК «Безопасный город», использование программ распознавания лиц, быстрая проверка изъятых следов (еще на месте происшествия) по криминалистическим

учетам, использование искусственного интеллекта для распознавания серии преступлений, совершенных одним лицом, и прогнозирование места и времени совершения им нового преступления и многие другие современные возможности новейших технологий, которые сейчас внедряются в практику работы правоохранительных органов, нуждаются в научном осмыслении и современных рекомендациях по их применению.

В рамках разработки перечисленных направлений исследователи найдут и другие проблемные вопросы, требующие своего научного осмысления. Но как бы не развивалась в дальнейшем криминалистическая теория временных связей и отношений, следует помнить и изучать научный вклад Владимира Петровича Лаврова – ее автора.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : Частные криминалистические теории. В 3-х т. Т. 2. М. : Юристъ, 1997.
2. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 399 «О едином учете преступлений» (ред. от 15.10.2019) (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: <https://legal-acts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-n-39-mvd-rf/>.

*Каминский А. М.¹,
заведующий кафедрой криминалистики
и судебных экспертиз
Удмуртского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

РЕФЛЕКСИЯ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мощный и повсеместный процесс цифровизации, проходящий в современной России на фоне глубокого реформирования социума, закономерно затронул процесс взаимодействия, взаимовлияния двух видов человеческой деятельности – преступной и деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Отражательно – информационный аспект этой части реальности выступает в качестве объекта криминалистики.

Преступники эффективно используют компьютерные технологии в противоправной деятельности, во многих случаях опережая правоохранительные органы. Отвечая на запросы практики раскрытия преступлений, в криминалистике «выявлен и исследован новый криминалистический объект – “кибернетическое пространство”, определяемый как среда совершения преступлений в сфере компьютерной информации и существования нового вида виртуальных следов» [4, с. 9]. Сложилась частная криминалистическая теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [6, с. 110], которая исследует закономерности интеграции информационных технологий в различные сферы деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Решен важнейший методолого-теоретический вопрос о природе цифровых следов: «Цифровые следы – это следы материальные, поскольку отражаются на материальных объектах, хотя в некоторых случаях период их существования невелик. Формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий, и для их преобразования в доступную для восприятия форму также используются информационные технологии» [7, с. 165].

Материальную природу этих следов подтверждает мысль Р. С. Белкина о том, что «информация, как мера связи события и вызванных этим событием изменений в среде, не может существовать без материальной основы, или, как принято говорить, вне информационного сигнала, под которым понимают единство материального носителя и средства передачи информации» [2, с. 121].

Но современная ситуация в сфере борьбы с преступностью настоятельно требует не только совершенствования информационного и компьютерно-технического оснащения правоохранительной деятельности, разработки методик расследования современных преступлений, модернизации системы тактических рекомендаций, создания новых и совершенствования имеющихся экспертных методик.

¹ © Каминский А. М., 2023.

На повестке дня в явном виде стоит вопрос об использовании технологий искусственного интеллекта в практике борьбы с преступностью. При всем многообразии подходов к проблеме искусственного интеллекта – от области фундаментального научного знания до функционирования прикладных технологических (в первую очередь компьютерных) систем, в конечном счете он есть не что иное, как группа смежных технологий (как естественно-технического, так и социогуманитарного, в том числе криминалистического характера), на основе которых создаются технические системы, способные к самообучению.

Иными словами, речь должна идти не столько о замене ручного труда машинным и даже не о замещении человека в производстве множества однотипных, алгоритмических операций компьютером (например, АДИС «Папилон»), а о создании систем, способных формировать задачи и эффективно решать их на основе накопленного опыта и имеющихся возможностей и ресурсов.

Представляется, что научное исследование подобного рода должно быть проведено в особом ракурсе, требующем разработки не только теоретических вопросов криминалистического мышления (оформление которых далеко от завершения) и искусственного интеллекта, но и соответствовать:

1) научному обоснованию принципиальной возможности связи двух компонентов, образующих систему следователь – техническое (цифровое) устройство искусственного интеллекта, без исследования которой подобная работа была бы лишена всякого смысла;

2) научному обоснованию разработанной принципиальной модели механизма функционирования системы следователь – техническое (цифровое) устройство искусственного интеллекта.

Форм взаимодействия, взаимовлияния элементов указанной системы друг на друга в весьма специфичной области человеческой деятельности выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Наконец, исследование вышеперечисленных моментов логично должно найти завершение в выявлении ряда особенностей, определяющих специфику функционирования системы следователь – техническое (цифровое) устройство искусственного интеллекта. Точнее, должны быть выявлены особенности, закономерности криминалистического мышления в указанной весьма специфической области. В качестве положительного примера исследований в данной области можно привести работу Д. В. Бахтеева [1].

Данная проблематика не может обойти и вопрос такой специфической области криминалистического мышления, как рефлексия. В данном моменте автор солидарен с мнением Д. В. Бахтеева о том, что: «Полностью адаптивная задачам и функциям деятельности участников расследования преступлений интеллектуальная система должна быть разработана на основе изучения мышления субъекта, чья деятельность подлежит оптимизации с помощью такой системы, поскольку именно мышление является предпосылкой как эффективной деятельности, так и совершаемых ошибок. В свою очередь, разработка систем искусственного интеллекта для содействия процессу раскрытия и расследования преступлений не может быть осуществлена без привлечения специалистов в области

криминалистики, уголовного права, уголовного процесса, которые помимо собственных знаний должны владеть необходимым минимумом знаний соответствующей технологии» [1; 11].

Рефлексия (лат. *reflexio* – обращение назад) понимается как форма теоретической деятельности человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов.

Рефлексия является неотъемлемым атрибутом мышления и деятельности человека независимо от его воли. Отсюда человек, владеющий технологиями осознанного выхода в рефлексивную позицию, всегда имеет преимущество над противником, который этого не знает и не умеет.

До некоторых пор в криминалистике изучение рефлексии исследовало уровень субъект – объектных отношений (криминалистическая тактика). Криминалисты и практики творчески применяли положения теории рефлексивных к следственной практике.

Пионером в изучении рефлексии в работе следователя на уровне рефлексивных игр является А. Р. Ратинов [5]. Но наука движется вперед и на современном этапе все большую роль приобретает методологическая рефлексия, определяя эффективность не только научных, но и прикладных разработок.

Общий механизм рефлексии описывается в литературе в виде модели «рефлексивного выхода».

Достаточно наглядно механизм рефлексивного анализа проявляется в преодолении тупиковых ситуаций расследования [3]. Полученные по этой проблематике научные результаты позволили с учетом криминалистических характеристик преступлений создать действенные методики раскрытия отдельных видов преступлений, и эта научная работа активно ведется и сегодня.

Таким образом, можно констатировать, что существенным элементом криминалистического мышления выступает рефлексия, причем рефлексия в особых формах. Как в форме теории рефлексивных игр в приложении к практике раскрытия преступлений, так и в форме методологической рефлексии. Применительно к тематике данной статьи это не рефлексия уровня субъект деятельности по раскрытию преступлений – субъект преступной деятельности, а иной тип рефлексии. Рефлексии уровня субъект деятельности по раскрытию преступлений – техническое устройство искусственного интеллекта.

Нам неизвестны работы, исследующие данный тип рефлексии, который можно обозначить как (весьма условно) следователь – устройство искусственного интеллекта. Во всех известных типах анализа субъектом и объектом рефлексивного анализа выступают живые субъекты, вопрос стоит о том, кто кого превысит в ранге рефлексии. Но в исследуемой ситуации одной из сторон выступает машина – устройство искусственного интеллекта. Этот факт придает существенные особенности данному типу рефлексии и рефлексивного анализа субъекту как деятельности по выявлению и раскрытию преступлений (условно – следователь), так и конструктору данного технического устройства.

Поскольку эти субъекты выполняют различные задачи, то возможно предположить, что и их составная часть криминалистического мышления – рефлексия

будет протекать в различных формах. Так, задачей конструктора, инженера является конструирование устройства, создание программы, в которую закладываются элементы, позволяющие машине обучаться, совершенствоваться. Следовательно, инженер должен четко представлять себе, какие задачи и каким путем будет решать устройство искусственного интеллекта стоящие перед ним задачи, каков уровень пользователей, которые будут с этим устройством работать, чего они ждут от данного устройства.

Пользователь (любой субъект деятельности по выявлению и раскрытию преступлений) должен хотя бы в общем виде представлять себе возможности устройства, что он может «требовать» от машины, какие данные предоставить ей для этого.

Совершенно естественно, что в процессе создания и эксплуатации систем искусственного интеллекта возможны сбои, ошибки, порожденные либо человеческим фактором, либо несовершенством устройства. В этом случае без анализа причин ошибок и сбоев без рефлексивного анализа не обойтись.

По мнению автора, будет трудно обойтись без рефлексивных методик как при создании систем искусственного интеллекта, предназначенных как для практического использования в раскрытии преступлений, так и при работе с ними на уровне повседневной практической деятельности.

Еще одно соображение: если бы речь шла об обыкновенном компьютере, проблема выглядела бы проще. По крайней мере, в общих чертах известны рамки программы, за которые машина выйти не может. Но речь идет об устройстве искусственного интеллекта, которое может самосовершенствоваться и обучаться, поэтому в полной мере встает вопрос о границах этого самообучения. Данный момент, на взгляд автора, налагает дополнительные сложности в процесс «общения», постановке задач машине, анализе своих действий.

Такой подход позволит создателю систем анализировать как свое мышление, так и свою практическую деятельность, находить и устранять самый широкий спектр ошибок и недостатков в ней.

Конечно, проблема рефлексивного анализа в процессе создания и использования систем искусственного интеллекта в сфере борьбы с преступностью представляет собой абсолютно не исследованное поле для научной деятельности, но, представляется, что поставленный вопрос того стоит.

Список литературы

1. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2022.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х т. Т. 1. М. : Юристъ, 1997.
3. Каминский А. М. Рефлексивный анализ и моделирование как средство преодоления тупиковых ситуаций расследования : учебное пособие. Ижевск : ИФ ЮИ МВД России : УдГУ ИПСУиБ, 1998.

4. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001.

5. Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. 1970. С. 185–197.

6. Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 3. Ч. 2. С. 109–117.

7. Россинская Е. Р. Проблемы исследования цифровых следов в судебной экспертизе // Цифровой след как объект судебной экспертизы : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 164–171.

Комаров И. М.¹,
 заведующий кафедрой криминалистики
 Московского государственного университета
 имени М.В. Ломоносова,
 доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПОЗНАНИЯ

Вопросу классификации методов познания в криминалистике уделено достаточно внимания, однако единства взглядов между криминалистами по этому вопросу до настоящего времени не достигнуто. Взгляды на этот вопрос существенно разнятся [1, с. 16; 2, с. 18–19; 3, с. 19–24; 4, с. 29–30; 5, с. 76].

Внимательное изучение соответствующих подходов приводит нас к убеждению, что для целей настоящей статьи следует присоединиться к мнению Р. С. Белкина, который систему методов криминалистики видел в следующем соответствии: всеобщий метод познания (диалектический метод), общенаучные методы (до 1997 г. он называл эту группу частными методами [6, с. 24]) и специальные методы [7, с. 221–249; 330–368].

Мы не будем перечислять элементы этой системы и раскрывать их содержание, криминалистам эти факты хорошо известны.

Между тем остановимся на некоторых спорных моментах, связанных с позицией этого автора.

Анализируя специальные методы, о которых писал Р. С. Белкин, Д. Н. Лозовский [8, с. 80] обратил внимание на тот факт, что к этой группе методов невозможно отнести методы криминалистики, разработанные ею именно для практических целей (методы планирования, программно-целевой, мысленного моделирования и пр.). Он полагает, что эти методы не используются в *научных исследованиях*, а являются *частными методами познания в практической деятельности*.

С таким подходом вряд ли можно согласиться, так как грань между методами научного познания и практического расследования преступлений весьма условна. Кроме того, например, разве метод мысленного моделирования не может быть использован в научном познании для целей воспроизведения объекта научного мышления не в натуральном виде, а в мышлении ученого?

На основании определения понятия метода и общих принципов, которым должны соответствовать методы расследования преступлений, научно-методических принципов практической криминалистической деятельности, системы методов криминалистики, можно предложить *систему методов расследования преступлений* и их отношение к изучению личности, например, потерпевшего от убийства, как одной из целей, *частного случая*², применения методов расследования.

По нашему убеждению, эта система должна состоять:

¹ © Комаров И. М., 2023.

² По нашему мнению, подобная интерпретация позволяет лучше выразить прикладное значение использования соответствующих методов.

- из методов (подсистема) следственной деятельности установления личности потерпевшего от убийства;
- методов (подсистема) судебно-экспертной научной деятельности установления личности потерпевшего от убийства.

Однако прежде чем раскрыть содержание вышеприведенной системы, важно отразить вопрос, который непосредственно связан с приведенной системой.

Это вопрос о том, что следует понимать под личностью участника расследования вообще и потерпевшего от убийства, в частности, *в смысле ее структуры*, для, например, криминалистического изучения с целью идентификации (68 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов не смогли привести убедительный перечень ее элементов) личности.

Идентификация в криминалистике представляет собой «сравнительное исследование материальных объектов и их отображений с целью разрешения вопроса о тождестве и получении судебных доказательств» [9, с. 6]. Раскрывая значение идентификации для целей предварительного расследования, В. Я. Колдин отмечал, что она используется как наиболее универсальный и эффективный метод установления материальных объектов по их следам в обстановке расследуемого события [10, с. 15].

Личность потерпевшего от убийства имеет определенную идентификационную специфику. Она связана с тем, что следователю приходится идентифицировать личность потерпевшего в ситуации расследования, когда внешний облик трупа потерпевшего после смерти значительно изменился, от него «невозможно» непосредственно получить данные для идентификации личности, а кроме того, нередко эта деятельность протекает в ситуации противодействия этому процессу со стороны преступников, которые предпринимают попытки сокрытия личности потерпевшего и (или) фальсификации его личности.

Личность человека, в отличие от других вовлеченных в процесс расследования преступлений объектов, наиболее сложный объект идентификации. Эта сложность обусловлена ее многоаспектностью.

Известно, что под личностью понимается человеческая индивидуальность как носитель отдельных: а) социальных и субъективных признаков, выражающих свойства, присущие индивидууму; б) особенностей характера, навыков, поведения, общественного положения; в) анатомических и физиологических особенностей телесного строения, броских и особых примет.

В этой связи под личностью как объектом судебной идентификации следует понимать совокупность физических и социальных признаков, отображающих свойства, присущие определенному человеческому индивидууму (живому, мертвому) и отличающие его от всех прочих.

Чтобы осуществить идентификацию, необходимо, применяя научные приемы и методы, собрать, проанализировать и сопоставить объективные данные, запечатляющие признаки личности. Вывод об установлении (отрицании) тождества личности должен быть сформулирован в категорической форме, т. е. он должен быть основан на признаках, имеющих устойчивый характер и составляющих индивидуальную совокупность признаков только данной конкретной личности.

Возвратимся к системе методов расследования преступлений и их отношению к изучению личности потерпевшего от убийства.

Ранее мы отмечали, что первым ее элементом является *метод (подсистема) следственной деятельности установления личности потерпевшего от убийства*. Исследуя этот вопрос и изучая криминалистическую литературу, мы не встретили какой-либо их систематизации, в том числе связанной с тем, кто тот или иной метод должен применять (следователь, специалист, эксперт) в решении тактической задачи – изучение личности потерпевшего от убийства. Освещая эти методы, попытаемся восполнить этот пробел¹.

Приметоописательный (антропологический, антропометрический) метод. Этот метод является наиболее старым, а поэтому достаточно хорошо разработан как в криминалистике [13], так и в судебной медицине [17].

Сущность его состоит в том, что для идентификации личности используются физические признаки тела человека. Они подробно фиксируются в протоколе осмотра места происшествия (иногда отдельно в протоколе осмотра трупа) по правилам описания словесного портрета [20] (дополнительно могут фиксироваться и иные физические признаки). Здесь действует прямая зависимость – чем точнее описание внешности объекта, тем обоснованнее будут выводы о тождестве личности потерпевшего.

Сведения, полученные приметоописательным методом, а также другие данные, которые могут быть отнесены к идентифицирующим личность потерпевшего от убийства, подлежат сравнению с данными правоохранительных органов (заявления об исчезновении, регистрационные карты, протоколы следственных действий, фотоснимками и пр.) для установления его личности. При совпадении признаков следователь может выдвинуть для проверки следственную версию о тождестве личности.

В ситуациях расследования, когда тело и лицо потерпевшего подвергнуты изменениям и имеют повреждения, для решения идентификационной задачи проводится реставрация лица и тела трупа. Однако это судебно-медицинская задача, и ее решение связано с деятельностью судебно-медицинского эксперта, о чем будет сказано ниже.

Судебно-фотографический метод. Очевидно, что использование приметоописательного метода в криминалистической идентификационной деятельности по установлению потерпевшего от убийства весьма ограничено в своей реализации, так как труп потерпевшего невозможно хранить длительное время, а необходимость в его опознании может возникнуть по прошествии месяцев, а может быть и лет. Каким полным не было бы описание его следователем в протоколе осмотра места происшествия или же в заключении судебно-медицинского эксперта, достигнуть полноты и точности описания крайне трудно. Объективно это возможно сделать с использованием возможностей судебной фотографии и видеосъемки (по данным судебно-следственной практики в 43,4 % предъявление

¹ Мы не ставим перед собой цель раскрыть полно каждый из рассматриваемых методов, так как это отдельная задача, отдельного исследования. Нашей целью является обозначение и объяснение назначения отдельного метода системы методов, связанных с изучением личности потерпевшего от убийства.

для опознания потерпевшего от убийства его родственникам и знакомым позволило идентифицировать его личность).

Дактилоскопический метод. Каждый неопознанный труп дактилоскопируется, так как при наличии в регистрационных базах соответствующих данных, это практически стопроцентный метод установления личности. По данным изученной нами судебно-следственной практики, в 27,6 % случаев неопознанный труп был идентифицирован именно посредством дактилоскопической экспертизы. Дактилоскопирование производится с использованием определенных приемов¹. В ситуациях расследования, когда наступили значительные изменения трупа (мацерация, мумификация и пр.), соответствующую процедуру дактилоскопирования может провести судебно-медицинский эксперт.

Дактилоскопические отпечатки пальцев рук и ладоней неопознанного трупа могут быть использованы опять же для идентификационной цели в будущем их сравнении с соответствующими отпечатками, которые могут быть обнаружены в квартире, на месте работы потерпевшего при отработке следственной версии о его исчезновении. Они также необходимы для сравнения их с отпечатками, обнаруженными на месте происшествия. Возможно и другое целевое назначение реализации данного метода расследования, связанного с изучением личности потерпевшего.

Регистрационный метод. В целях идентификации личности потерпевшего кроме дактилоскопической регистрации используется регистрация без вести пропавших лиц и неопознанных трупов. Для этого в регистрационных материалах должны быть точные сведения, занесенные в карту неопознанного трупа и в карту без вести пропавшего. Этот метод используется в ситуациях расследования, когда в ходе первоначальных действий по идентификации после обнаружения неопознанного трупа не получены положительные результаты его распознавания. Однако, прежде чем направлять соответствующие данные для их сверки с данными регистрационных учетов, всегда следует как можно более полное произвести описание примет, установленных осмотром трупа неизвестного. Чтобы признаки составляли достаточный комплекс для идентификации. Следует иметь в виду, что эти виды регистрации не всегда могут дать ожидаемый следователем положительный результат, так как при определенных обстоятельствах может не оказаться карты без вести пропавшего или неопознанного трупа. В случае обнаружения карт, содержащих данные, сходные с данными потерпевшего, идентификация личности потерпевшего может быть осуществлена (9,1 % по данным изученной судебно-следственной практики).

Отметим, что приметоописательный, судебно-фотографический, дактилоскопический и регистрационный методы были использованы следователями практически во всех (100 %) случаях изученных нами материалах уголовных дел. Исключение составили единичные случаи неиспользования дактилоскопического и регистрационного методов по причине того, что труп потерпевшего от убийства был идентифицирован в короткие сроки.

¹ Такими причинами могут быть позднее обнаружение трупа, либо позднее поступление заявления об исчезновении, не заполнение соответствующей карты вообще, другие причины.

Приведенная система специальных методов, связанных с идентификацией трупа потерпевшего от убийства, представляет собой специально определенную систему методов, отражающую ситуацию расследования. Другие обстоятельства совершения другого преступления могут содержать систему других методов для идентификационной и любой другой криминалистической деятельности. Эта система не носит закрытый характер, а всегда связана с ситуацией расследования.

Список литературы

1. Порубов Н. И., Грамович Г. И., Порубов А. Н. Криминалистика : учебное пособие / под ред. Н. И. Порубова. Минск : Вышшая школа, 2007.
2. Шепитько В. Ю. Криминалистика : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Х. : Одиссей, 2005.
3. Криминалистика : учебник / под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. СПб. : Юридический центр, 2015.
4. Седова Т. А. Криминалистика : учебник / под ред. Т. А. Седовой, С. П. Кушнеренко, В. Д. Пристансков. М. : Юстиция, 2019.
5. Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова, И. В. Александрова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2017.
6. Белкин Р. С. Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе и криминалистике. М. : Высшая школа МВД РСФСР, 1961.
7. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М. : Юридическая литература, 1964.
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х т. Т. 1. М. : Юристъ, 1997.
9. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям. 3-е изд., доп. М. : Юнити, 2001.
10. Лозовский Д. Н. Методы расследования преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2010.
11. Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М. : Московский университет, 1969.
12. Колдин В. Я. Судебная идентификация : учебное пособие для судей, следователей, прокуроров, лиц, производящих дознание, защитников, экспертов, специалистов, студентов и аспирантов. М. : ЛексЭст, 2002.
13. Дубягин Ю. П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. М. : Буквица, 1997.
14. Федосюткин Б. А. Медицинская криминалистика. Руководство, предназначенное для лиц, занимающихся расследованием преступлений, и широкого круга читателей. Ростов-н/Д. : Приазовский Край, 2006.
15. Федосюткин Б. А. Получение идентификационной и розыскной информации о личности погибшего (умершего). М. : ВНИИ МВД СССР, 1988.
16. Густов Г. А. Изучение личности погибшего по делу об убийстве : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт, 1997.
17. Осмотр трупа на месте его обнаружения. Руководство / под ред. А. А. Матышева. СПб. : Лань, 1997.

18. Волков В. Н., Датий А. В. Судебная медицина : курс лекций. М. : Юристъ, 1997.
19. Судебно-медицинская экспертиза : справочник для юристов / [И. В. Виноградов и др.]. М. : Юридическая литература, 1985.
20. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешности : учебное пособие для вузов / [А. М. Зинин и др.] ; под ред. А. М. Зинина. 2-е изд. М. : Юрайт, 2022.
21. Зинин А. М., Майлис Н. П..Судебная экспертиза : учебник для студентов вузов. М. : Юрайт : Право и закон, 2002.
22. Зинин А. М. Теоретические и практические проблемы криминалистического установления личности по признакам внешности : автореф. дис. ... д-ра юридических наук : 12.00.09. М. : Московский юридический институт, 1997.
23. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза : практическое пособие / [И. А. Анищенко и др.] ; под ред. И. А. Анищенко. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрлитинформ, 2013.

Кручинина Н. В.¹,
*профессор кафедры криминалистики
 Московского государственного юридического
 университета имени О.Е. Кутафина,
 доктор юридических наук, профессор*

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ФАКТОРАХ

Криминалистическому обеспечению процесса расследования преднамеренных тяжких преступлений, для подготовки и совершения которых преступники прикладывают огромные усилия, используют различные ухищрения и уловки, посвящал свои научные исследования выдающийся криминалист, блестящий ученый Владимир Петрович Лавров. Как практик он осознавал, что расследование преступлений – это сложный процесс, требующий высокого профессионального мастерства от следователя, которому приходится работать в обстановке мощного противодействия его деятельности. В. П. Лавров неоднократно в своих трудах подчеркивал, что необходимым условием решения обширного комплекса задач, стоящих перед следователем, является установление времени и места подготовки, совершения и сокрытия преступления, изучение других пространственно-временных факторов, имеющих значение для дела.

Поэтому он стоял у истоков создания криминалистического учения о пространственно-временных факторах, понимая, какое теоретическое и практическое значение оно имеет.

Конечно, свой вклад в совершенствование криминалистического учения о пространственно-временных факторах внесли и другие видные ученые такие как Р. С. Белкин, Л. Н. Викторова, А. В. Дулов, В. Д. Зеленский, В. М. Мешков, М. В. Салтевского, М. Я. Сегая, Т. А. Седовой, К. Е. Пятницына, Д. А. Турчина, В. И. Шиканов [1, с. 208].

Следует отметить, что пространство и время – категории, которые с полным основанием относят к самым фундаментальным понятиям в науке. В структуре криминалистических понятий, относящихся к категории пространства и времени, особое место по значимости занимают место и время совершения расследуемого преступления, поскольку, не зная ответа на вопрос о времени и месте преступления, трудно, а порой невозможно установить и другие обстоятельства содеянного. Не представляется возможным проверить заявление об алиби.

Как отмечалось учеными: «Алиби (в каком-либо другом месте) – условный термин, который в соответствии со своей семантикой отражает суть выводного знания, полученного в результате выявления, фиксации и анализа системы фактических данных, характеризующих пространственно-временные координаты, а также пространственно-временные связи и отношения между определенными объектами, оказавшимися в сфере уголовного судопроизводства, с одной стороны, и событием преступления или корреспондирующими параметрами иных

¹ © Кручинина Н. В., 2023.

фиксированных реалий предметного мира, с другой, если эти координаты связи и отношения релевантны задаче всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела» [2, с. 32]. В своей работе нами также было отмечено, что доказывание алиби, как и любого другого отрицательного факта или обстоятельства возможно двумя способами.

Первый из них состоит в установлении отрицательного факта доказательствами, которые прямо удостоверяют этот отрицательный факт. Так, подозрения в отношении конкретного лица в убийстве, совершенном во время драки, отпадают, если свидетели доказывают, что среди участников драки, во время которой было совершено преступление, подозреваемого не было (отрицательный факт).

Второй путь доказывания отрицательных фактов связан с доказыванием какого-либо подозрительного факта, а из него уже делается вывод о существовании факта отрицательного, который и следовало доказать.

Очевидно, что фактически исследование временных характеристик в процессе проверки алиби охватывает значительно более широкий круг вопросов: выявление последовательности развития событий во времени, опровержение возможности существования факта в определенной временной связи с конкретным событием, подтверждение факта и установление его места в определенном временном развитии события и т. д. На практике это вызывает известные трудности.

Следственная практика позволяет утверждать, что ошибки часто возникают из-за неточностей и заблуждений при определении уголовно-релевантных периодов времени. Узко ограниченные промежутки времени, например, 3 ч 25 мин, или отрезок времени 3 ч 15 мин – 3 ч 30 мин должны трактоваться однозначно, иначе могут возникнуть ошибочные выводы из-за ложных представлений о времени преступления или иных событий, имеющих значение для расследуемого дела.

Расследование, проводимое на основе ложных, неточных данных о времени преступления, играет на руку преступнику и дает ему, смотря по обстоятельствам, возможность предоставить алиби лишь кажущееся правильным. Это необоснованно ведет к исключению преступника из круга уголовно-релевантных лиц. В каждом случае, прежде чем признать алиби обвиняемого установленным, следует проверить, на чем базируется вывод о времени преступления. Также надо поступить и в отношении всех других временных характеристик, являющихся важными.

Часто для установления времени преступления или других уголовно-релевантных периодов времени имеет значение заключение судебно-медицинской и других видов экспертизы. Все версии, противоречащие данным, указывающим на узко ограниченные периоды времени, следует еще раз проверить. Если время преступления нельзя с полной уверенностью установить именно в данном отрезке времени, то может возникнуть необходимость этот временной интервал несколько расширить. В практической деятельности следует учитывать, что такая процедура означает и расширение круга уголовно-релевантных лиц.

Упорядочить и тем самым значительно упростить процесс проверки алиби позволит использование понятия «критическое время».

Критическое время – предварительно установленный в общепринятых единицах физического времени временной интервал, на который надлежит выяснить местонахождение объекта алиби в связи с проверкой предположения о его причастности к событию преступления или иным событиям, имеющим значение для расследования. Определяется и корректируется с учетом времени совершения преступления и других обстоятельств дела.

Следует также помнить, что при установлении алиби необходимо выявлять и анализировать как минимум три вида связей проверяемого объекта в их сочетании: связь условия с обусловленным, связь пространственную и связь временную.

В связи с тем, что в современном мире многое меняется, в том числе в способах пересечения пространства, меняется восприятие временных факторов, для решения задачи проверки алиби нужно искать новые подходы, способы и методы.

Вместе с тем вопросы алиби являются лишь частностью, фрагментом проблемы расследования преступлений в целом.

Анализ уголовно-правовой характеристики преступлений позволяет убедиться в том, что буквально все институты науки уголовного права, уголовный закон и практика его применения тесно связаны с факторами пространства и времени. Нередко фактор времени является ключевым, определяющим действие самого уголовного закона, вопросы квалификации преступлений и уголовной ответственности в целом.

Поэтому значение точного установления места и времени совершения преступления для правильного разрешения дела трудно переоценить. Учеными продолжается работа в этом направлении.

Труды профессора В. П. Лаврова, посвященные проблемам проверки пространственно-временных факторов, проблемам преодоления противодействия расследованию преступлений, во многом способствуют этому.

Список литературы

1. Кручинина Н. В. Выводное знание в уголовно-процессуальном доказывании и проблема его надежности // Актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях перехода к рыночной экономике. Барнаул, 1991.
2. Кручинина Н. В. Характеристика криминалистического учения о пространственных и временных факторах // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р. С. Белкина). М., 2012.

Кучин О. С.¹,
*профессор кафедры судебных экспертиз
и криминалистики Российского государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор*

ВЛИЯНИЕ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА НА СОСТОЯНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Широко распространенный в настоящее время термин «цифровизация» стал впервые употребляться со второй половины прошлого XX в., когда в ходе компьютерной революции и развития науки кибернетики возник и стал развиваться цифровой стандарт метода обработки информации, постепенно, но настойчиво, вытеснявший аналоговый метод. Использование этого «цифрового» метода и привело в конечном счете к кардинальной трансформации всей технологической и научной среды.

Появление такого распространенного с настоящее время понятия, как «цифровизация всего и всякого», привело к появлению новых дефиниций, не имеющих еще однозначных научных толкований.

Поэтому сформировавшаяся современная ситуация заставляет обратиться к анализу состояния цифровизации общества, которое сложилось в сфере защиты безопасности нашего государства.

Цифровизация (англ. – *digitalization*) – это переход к новым процессам, моделям и подходам, основанным на информационных технологиях.

Появление мессенджеров и видеосвязи, внедрение концепции «умного города», замена бумажного документооборота электронным, походов по магазинам – заказами через Интернет, визитов к врачу – медицинскими онлайн-консультациями. Все это частные примеры цифровизации общественной жизни.

Сегодня цифровизация – это фундаментальный технологический тренд, который затрагивает как все сектора экономики, так и практически все сферы жизни общества, вплоть до уровня человеческой культуры в целом.

В настоящее время проблемы и перспективы расширения цифровизации рассматриваются в контексте анализа конкретных областей экономической, социальной и общественной жизни.

Так, например, первоначально интерес к процессу цифровизации был ориентирован только в отношении экономической сферы общества или же в плане фундаментальных научных исследований. Но далее этот процесс стал активно развиваться, были разработаны программы цифровизации государственного развития, социального и др.

В ходе проведенного исследования автором статьи сделан вывод о том, что сейчас о цифровизации не говорит только, наверное, самый ленивый. Оцифровыванию, по мнению практически фанатично настроенных активистов этого процесса, должно быть подвергнуто буквально все и все.

Цифровизация, по мнению многих специалистов, – это процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации

¹ © Кучин О. С., 2023.

данных во всех сферах человеческой деятельности. В настоящее время политиками, учеными, экономистами цифровизация определяется в качестве одной из основных тенденций развития общественно-экономических отношений в целом. По данной проблеме с каждым годом публикуется все большее количество научных и публицистических работ, проводятся конференции, семинары, симпозиумы. И внимание к этому феномену постоянно увеличивается [1, с. 221–224].

В последние годы в Российской Федерации все больше и больше уделяется внимание созданию и развитию цифрового общества.

Так, в 2017 г. Указом Президента Российской Федерации утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

Вступил в действие Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

На стадии реализации находится государственная программа «Информационное общество». В 2021 г. Правительством Российской Федерации утверждены программы «Стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации» и «Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления».

Основаниями к разработке всех вышеуказанных программ послужил Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», а также перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам конференции по искусственному интеллекту.

Все вышеперечисленные направления, конечно же, в основном ориентированы на повышение качества и системность исполнения государственных функций, обеспечение безопасности государства в целом и граждан в частности, на развитие человеческого потенциала, повышение роли нашей страны в мировом сообществе, развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления, формирование цифровой экономики, улучшение уровня жизни граждан и т. п.

Конечно, и это неоспоримо, цифровое будущее нашего государства – это довольно обширный концепт, научной основой которого становится организация массового доступа к сети Интернет каждого гражданина страны. Также и различные технологии на базе искусственного интеллекта являются еще одним важным направлением в цифровизации России.

Голосовые помощники, чат-боты, интеллектуальные сервисы уже стали частью повседневной жизни, и это только начало этого развития. Несомненно, у технологий искусственного интеллекта есть потенциал почти во всех сферах общественной жизни. Но, по мнению автора статьи, искусственный интеллект и цифровизация общественных отношений концептуально должны внедряться и развиваться только как помощники в человеческой деятельности, а не как ее полные заменители. Заменять человека полностью на работа (цифрового андроида), скорее всего, просто недопустимо.

Вместе с тем проведение тотальной цифровизации общества и общественных отношений может привести к понижению уровня защиты государственных интересов и состояния защиты общества от враждебных проявлений со стороны недружественных нам стран, преступных сообществ, экстремистских и террористических организаций, разведывательных и контрразведывательных органов иностранных спецслужб и тому подобных видов деятельности, что по мнению автора настоящей статьи, не только представляет собой опасность для нашего государства, это просто недопустимо.

Прежде всего, это связано с тем, что многие приверженцы неконтролируемого и возможно в какой-то мере абсолютного «цифрового общества» и всеобщей «цифровизации общественных отношений», не задумываясь о последствиях своих действий, пытаются оцифровать все и всякое, любую информацию, любые сведения, персональные данные о лицах, различные документы, статистические данные и тому подобные информационные базы.

Так, например, в настоящее время в сети Интернет можно найти практически любые документы, даже те, которые содержат гриф секретности, а актуальность этих секретов до сих пор не утрачена.

Несанкционированный доступ к этой информации, ее профессиональный анализ позволяет недружественным нам субъектам проанализировать тактику и методику работы наших спецслужб и правоохранительных органов, изучить ее и разрабатывать различные мероприятия по противодействию оперативно-розыскной, контрразведывательной, разведывательной и контртеррористической деятельности в целом, что несомненно, затрагивает безопасность нашей страны.

Не секрет, что большинство террористических организаций, преступных сообществ, не говоря уже об иностранных спецслужбах, имеют в своем арсенале и на своем содержании высокопрофессиональных хакеров, которые постоянно «мониторят цифровое пространство», выискивают там информацию, в которой нуждаются ее заказчики, взламывают сайты любых государственных структур. Также общеизвестно, что любая информация, попавшая в сеть Интернета, остается там практически навечно и может быть впоследствии извлечена таким хакером в интересах лица или организации, которым она необходима и которые готовы заплатить за нее этому хакеру любые деньги.

Как показывает анализ специальной литературы, многие хакеры либо сами, либо, создав различные группировки и объединения, инициативно специализируются на поиске в системе Интернет и на сайтах различной информации, которая при ее систематизации и анализе может быть успешно использована против безопасности нашей страны различными недругами.

Многие специалисты в своих работах отмечают определенную незащищенность российского информационного сегмента от атак извне, а развитие хакерства внутри страны, современный уровень решений по цифровой безопасности не соответствуют заявляемым современным задачам.

Для более детального рассмотрения вопроса о возможной негативной роли тотальной цифровизации автор статьи предлагает рассмотреть влияние этого процесса на деятельность правоохранительных органов и спецслужб по выполнению ими своих профессиональных обязанностей.

Так, п. 1 ст. 12 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» предусмотрено такое оперативно-розыскной мероприятие, как «оперативное внедрение». Статья 8 этого нормативного акта указывает на то, что в оперативном внедрении могут участвовать должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (т. е. штатные сотрудники правоохранительных органов и спецслужб), а также лица, оказывающие им содействие (т. е. агентура, доверенные лица и т. п.).

Далее в ст.ст. 12 и 14 указанного Федерального закона предписывается, что сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, составляют государственную тайну.

Предание гласности сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе, не допускается.

Сотрудники правоохранительных органов и спецслужб обязаны соблюдать в своей деятельности конспирацию и имеют право использовать в этих целях документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Статья 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» регламентирует порядок содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, и гарантирует им государственную защиту.

Аналогичные полномочия предоставлены органам ФСБ РФ на основании Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности». Так, согласно ст.ст. 13, 19 данного Федерального закона сотрудники федеральной службы безопасности имеют право устанавливать на конфиденциальной основе отношения сотрудничества с лицами, давшими на то согласие, осуществлять проникновение в специальные службы и организации иностранных государств, проводящих разведывательную и иную деятельность, направленную на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации, и в преступные группы, осуществлять внешнюю разведывательную деятельность самостоятельно с территории России, а также могут привлекать отдельных лиц с их согласия к содействию в решении возложенных на органы федеральной службы безопасности обязанностей на гласной и негласной (конфиденциальной) основе, использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность и охранять сведения о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, что составляет государственную тайну.

Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» регламентирует и защищает профессиональную деятельность сразу трех специальных служб:

1. Службы внешней разведки Российской Федерации – в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической и экологической сферах, в сфере шифрованной, засекреченной и иных видов специальной связи с использованием радиоэлектронных средств и методов за пределами нашей страны, а также в сфере обеспечения безопасности учреждений России, находящихся за пределами территории Российской Федерации, и командированных за пределы территории Российской Федерации граждан, имеющих по роду своей деятельности допуск к сведениям, составляющим государственную тайну.

2. Органов внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации – в военной, военно-политической, военно-технической, военно-экономической и экологической сферах.

3. Разведывательную деятельность органов федеральной службы безопасности, осуществляемую во взаимодействии с органами внешней разведки России и в соответствии с Федеральным законом от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности».

Согласно ст. 13 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» вышеуказанные органы внешней разведки в процессе своей разведывательной деятельности вправе использовать гласные и негласные методы и средства, особый характер которых определяется условиями этой деятельности, а содержание нормативных правовых актов по вопросам применения негласных методов и средств разведывательной деятельности составляет государственную тайну.

В соответствии со ст.ст. 18–19 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» сведения о принадлежности конкретных лиц к кадровому составу органов внешней разведки, включая сотрудников, уволенных из этих органов, составляют государственную тайну и не могут быть переданы гласности. Кроме того, сотрудники кадрового состава органов внешней разведки для выполнения своих функциональных обязанностей могут без раскрытия их принадлежности к органам внешней разведки занимать должности в федеральных органах исполнительной власти, на предприятиях, в учреждениях и организациях, т. е. работать под легендированным прикрытием сведений о своей личности. Сведения о лицах, оказывающих или ранее оказывавших конфиденциальное содействие органам внешней разведки, также составляют государственную тайну и рассекречиванию в связи с истечением максимально допустимого срока засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не подлежат.

Следовательно, и это является неоспоримым концептуальным принципом, негласная и конспиративная деятельность сотрудников правоохранительных органов, спецслужб и лиц, оказывающих им негласную помощь, должна быть должным образом защищена от расшифровки и огласки.

Вместе с тем тотальная и необдуманная цифровизация общественных отношений не способствует тому, чтобы сохранять в тайне многие из перечисленных государственных секретов.

Так, в настоящее время практически каждый житель нашей страны, уже с момента своего рождения попадает в цифровую базу данных и остается там

навечно. В дальнейшем его персональные данные, фотографии, различные портфолио, сведения о жизни, учебе и деятельности пополняют его «цифровое досье» и остаются там практически навечно. Любой хакер сможет достать эти сведения и исследовать их.

Кроме того, сведения о личности могут попадать в базы данных и минуя волю и согласие лица. Это могут делать его знакомые, сослуживцы, друзья.

В цифровые нейросети могут попадать не только сведения о личности человека, но и его личные документы, фотографии, данные о знакомых, родственниках и т. п. сведения. Поэтому достоверно идентифицировать личность, находящуюся под оперативным прикрытием, в настоящее время довольно не проблематично. Информация о таких разоблачениях постоянно попадают в сеть Интернета.

Недобросовестные и коррумпированные сотрудники правоохранительных органов и спецслужб могут извлекать закрытые сведения из электронных баз данных и передавать их потенциальному противнику.

В апреле 2023 г. в средствах массовой информации появилось официальное сообщение о том, что Главное управление собственной безопасности МВД России совместно с ФСБ РФ проверяет полицейские отделения Центрального округа г. Москвы из-за утечек закрытых данных, заказанных гражданами Украины [2].

Многие специалисты оправданно считают, что получение и распространение в системе Интернет данных военнослужащих и сотрудников спецслужб представляют потенциальную угрозу национальной безопасности и в масштабах страны являются опаснее утечек данных из коммерческих организаций. Распространение личных данных военных и сотрудников спецслужб может повлечь за собой риск воздействия на них и получения несанкционированного доступа к государственной тайне [3].

Так, например, специалист – хакер, действующий по заданию иностранной спецслужбы или по поручению лидера организованного преступного сообщества в течение довольно короткого времени сможет установить подлинную личность оперативного сотрудника или негласного помощника полиции и спецслужбы, внедренного во враждебное окружение, так как в настоящее время фактически каждое лицо имеет в нейросетях свое «цифровое досье», о котором он даже может и не подозревать. Кроме того, так называемая «цифровая стерильность» также может являться основанием подозревать человека не тем, за которое он себя фактически выдает.

Тотальная и не везде оправданная цифровизация общественных отношений негативно влияет на их безопасность через постоянно возникающие и развивающиеся информационно-цифровые опасности.

Среди многообразия постоянно усложняющихся опасностей, влияющих на безопасность, информационно-цифровые опасности должны быть особо выделяемыми, так как являются, по мнению автора статьи, наиболее общими, стержневыми, пронизывающими буквально все звенья общественных отношений, все составляющие национальной безопасности. Они определяют в конечном счете ее современное содержание.

По своей научной природе информационно-цифровые опасности — это нелинейные опасности, т. е. опасности, не имеющие глубоких корней в историческом прошлом, появившиеся в своем большинстве в результате ныне происходящих бифуркаций, количество которых становится все больше.

Например, они имеют принципиально новые объективные основания: использование цифровых технологий и искусственного интеллекта для создания военных роботов. Другие представляют собой некий культурный конструкт: целенаправленно инсценируемая нашими противниками угроза западному миру, якобы исходящая от России. Однако смыслы угроз, производимые посредством кодов сигнификации, по существу, становятся военно-политической силой, задающей характер сознания и поведения как простых граждан, так и зарубежных политических элит, принимающих санкции против нашей страны.

Утечка конфиденциальной цифровой информации представляет собой бесконтрольный выход этих данных за пределы информационной системы или круга лиц, которым они были доверены. Она может быть следствием как умышленного, так и случайного разглашения и осуществляться через программно-технические средства или инсайдеров.

Причинами такого разглашения цифровой информации чаще всего являются нарушения в организации мероприятий по обеспечению ее сохранности, недостаточная осведомленность сотрудников о правилах защиты данных, использование устаревшего технического обеспечения и слабый контроль по соблюдению правил безопасности.

Поэтому цифровая информационная безопасность для государства — это прежде всего стратегический ресурс, определяющий функционирование различных общественных областей, которые в нынешних условиях могут приобрести статус публичности, где поэтому любые сведения не должны подлежать несанкционированной огласке [4, с. 182–183].

В связи со стремительным технологическим развитием, расширением каналов коммуникации и диджитализацией среды, снижается цифровая безопасность государства и усиливается потеря способности общественной аудитории критически оценивать и анализировать получаемую информацию.

Список литературы

1. Орлова А. А. Цифровая трансформация: плюсы и минусы внедрения. Взаимосвязь с областью права // Молодой ученый. 2022. № 13 (408). С. 221–224.
2. Московские полицейские подозреваются в тайной продаже информации гражданам других стран // Сайт SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/news/537688.php>.
3. Кильдюшкин Р. На виду у всех: утечки данных становятся угрозой нацбезопасности для России // АО Газета.Ру. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2022/06/17/14988164.shtml>.
4. Баранова Е. К., Бабаш А. В. Информационная безопасность и защита информации. М. : РИОР : Инфра-М, 2020.

Можаева И. П.¹,
 профессор кафедры организации
 деятельности органов внутренних дел
 центра командно-штабных учений
 Академии управления МВД России,
 доктор юридических наук, доцент

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИДЕИ ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Владимир Петрович Лавров (1932–2022) родился 27 сентября 1932 г. В 2022 г. исполнилось 90 лет со дня его рождения.

Профессор В. П. Лавров ведущий ученый-криминалист XX–XXI вв., чьи фундаментальные, прикладные и прогнозные исследования заложили фундамент в основу формирования ряда криминалистических теорий и учений. Он не только внес незаменимый вклад в развитие отечественной и зарубежной криминалистики, но и воспитал достойных учеников – продолжателей традиций!

Развивая традиции научной школы одного из основоположников отечественной криминалистики, в 2023 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Криминалистика: наука, практика, опыт. К 90-летию со дня рождения профессора В. П. Лаврова». Она призвана не только почтить память ведущего ученого-криминалиста XX–XXI вв., основателя научной школы криминалистики, которая объединила криминалистов двух базовых образовательных организаций системы МВД России – Академия управления МВД России и Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, а также продолжить научные традиции профессора Владимира Петровича Лаврова, его учеников в развитии отечественной криминалистики.

Отдав годы жизни и творчества на развитие науки и становление учеников, Владимир Петрович поистине – легенда криминалистики! Его фундаментальные труды, многочисленные научно-прикладные исследования были посвящены теоретико-методологическим проблемам общей теории криминалистики, системы науки, теоретико-прикладным вопросам методики расследования отдельных категорий преступлений, розыскной деятельности следователя, вопросам раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и многим другим.

Особый вклад внес профессор В. П. Лавров в формирование следующих криминалистических теорий и учений:

– *криминалистическая теория временных связей и отношений* (выявил и обосновал закономерности отражения хода времени материальным объектам и сознанием живых лиц и предложил алгоритм перевода указанных отражений

¹ © Можаева И. П., 2023.

в доказательственную информацию, что впоследствии развил в докторской диссертации «Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений» в исследованиях профессора В. М. Мешкова[8]);

– *криминалистическое учение о противодействии расследованию преступлений* (научной школой под руководством В. П. Лаврова, А. Ф. Волынского, и продолжателей их традиций И. В. Тишутинной сформирована концепция криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений. Под редакцией профессоров Б. Я. Гаврилова и В. П. Лаврова в 2018 г. был издан учебник «Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению», в котором представлен комплексный междисциплинарный подход к изучению противодействия расследованию преступлений [11; 12]);

– *криминалистическое учение о криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений*, процесс формирования которого представлен в исследованиях известных ученых А. Ф. Волынского, А. М. Кустова, И. В. Тишутинной, А. В. Шмониной, и других.

Процесс зарождения научных знаний и формирование криминалистического учения об организации расследования преступлений также не остался без научного внимания профессора В. П. Лаврова.

Находясь всегда на передовой отечественной криминалистики, В. П. Лавров в период актуализации исследований в области формирования криминалистических знаний об организации расследования преступлений и соответственно НОТ следователя впервые в 1979 г. исследовал организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет [5].

Обращаясь к современному периоду, важно отметить, что впервые на серьезном фундаментальном уровне исследовал и обосновал теоретические положения организации расследования преступлений, ее понятие, криминалистическую сущность, уровни и предложил целенаправленное решение ряда проблем прикладного характера профессор В. Д. Зеленский [2].

Теоретические постулаты, заложенные в докторской диссертации (1991 г.) [2], и других монографических работах В. Д. Зеленского, получили свое развитие в работах многочисленных учеников-приемников традиций Кубанской криминалистической научной школы. В их числе доктора юридических наук, профессора А. Ю. Корчагин, С. В. Швеца, В. М. Прошин, С. А. Куемжиева.

Отдельные вопросы организации расследования преступлений также неоднократно становились предметом познания в исследованиях профессора В. В. Степанова и ученых-представителей Саратовской научной криминалистической школы.

Криминалистические, управленческие и процессуальные проблемы организации расследования преступлений глубоко исследованы в трудах ведущих ученых представителей различных московских научных школ (профессоров Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, А. Ф. Волынского, В. А. Михайлова, Б. Я. Гаврилова, А. Г. Филиппова и др.).

Исследуя актуальный до сегодняшнего времени вопрос об аспектах и уровнях организации расследования преступлений, поддерживая наиболее структурированный подход, предложенный профессором Р. С. Белкиным, который различал

четыре уровня организации расследования преступлений [1], В. П. Лавров, поддерживая изложенную конструкцию, в то же время отмечал, что первый и второй уровни отражают *организационно-управленческие аспекты* расследования преступлений и непосредственно *управление* как специфическую целенаправленную деятельность, организующую и координирующую совместные усилия участников данного процесса и поэтому являются предметом исследования управленческих наук [7].

Развивая научные взгляды известных ученых относительно аспектов и уровней организации расследования преступлений, нам представляется рациональным предложить теоретическую модель, позволяющую внести ясность в данный дискуссионный вопрос [9; 10]. С этой целью необходимо выделить *правовой, управленческий и криминалистический аспекты организации расследования преступлений*, имеющие иерархическую «архитектуру» и четкое межуровневое деление.

В подтверждение сконструированной теоретической модели следует привести точку зрения профессора В. П. Лаврова: «Организация расследования преступлений как выражение функции управления в сфере уголовного судопроизводства включает в себя комплекс мер *управленческого, процессуального и криминалистического характера, обеспечивающих эффективность работы* следственных подразделений, отдельных следователей, а также органов дознания по расследованию преступлений» [6, с. 82].

Важно резюмировать, что актуальная многие десятилетия проблема соотношения организационно-правовых, организационно-управленческих и организационно-криминалистических аспектов должна быть разрешена путем выявления и познания закономерностей, носящих организационный характер, в рамках предметов уголовного процесса, управленческих наук, криминалистики. Однако несмотря на имеющиеся исследования и многочисленные научные дискуссии, до настоящего времени остается неразрешенным вопрос, какие именно закономерности организации расследования преступлений должны изучаться каждой из обозначенных отраслей научного знания и проблема определения места организации расследования преступлений в системе криминалистики.

Необходимость разрешения данных вопросов являлась предметом научных дискуссий на научно-представительских мероприятиях различного уровня, непосредственное участие в работе которых принимал профессор В. П. Лавров [13–18].

Разрешение обозначенных дискуссионных вопросов позволит четко обозначить границы предмета познания общего объекта – организации расследования преступлений и выделить правовой, управленческий и криминалистический аспекты организации расследования преступлений. Особую актуальность данный вопрос приобрел и в свете модернизации в 2022 г. направлений научных специальностей.

На сегодняшний день криминалистическое учение об организации расследования преступлений как целостная система научного знания имеет прямые (непосредственные) и косвенные (опосредованные) связи с различными отраслями научных знаний, а также с современными частными криминалистическими теори-

ями и учениями, объединенными в рамках раздела «Общая теория криминалистики», а также с другими разделами криминалистики, между которыми существует тесная взаимосвязь.

Исследуя дискуссионный вопрос о месте организации расследования преступлений в криминалистике, в качестве одного из вариантов решения рассматриваемой проблемы помимо ряда других концептуальных предложений [3–4] профессор В. П. Лавров предлагал следующее: «Знания по ряду тем, общие положения которых сейчас преподаются в разделе тактики, в течение последней четверти века в научном отношении стали частными криминалистическими теориями – учение о версиях и планировании, о розыскной деятельности следователя, о взаимодействии, о профилактической деятельности по материалам расследования, об изучении личности подозреваемого (обвиняемого) – и вполне могут быть после соответствующей «обработки» перенесены из тактики в первый раздел курса (в общую теорию), сохранившись в виде особенностей применительно к методикам расследования преступлений отдельных видов.

Совершенно справедливо, что общая теория криминалистики как совокупность основных идей, теоретических построений, концепций, основополагающих начал, категориально-понятийного аппарата, целей, задач, функций, методов и связей структурно включает в себя также систему частных криминалистических теорий и криминалистических учений, предметом которых выступают закономерности объективной действительности из числа тех, которые являются предметом познания криминалистики.

Развивая «идеи» заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. П. Лаврова и других ведущих ученых – основоположников учения об организации расследования преступлений, важно, опираясь на систему различных отраслей знаний, интегрируя их теоретико-прикладные достижения в целях решения криминалистических задач, продолжить дальнейшие исследования проблем комплексной реализации положений и профильных рекомендаций организации расследования преступлений, направленных на обеспечение эффективности организационно-управленческой деятельности, совершенствование противодействия преступности и своевременное и эффективное прогнозирование и реагирование на вызовы и угрозы национальной безопасности.

Список литературы

1. Белкин Р. С. О понятии организации расследования преступлений // Организация расследования преступлений органами внутренних дел : сборник статей. М., 1978.
2. Зеленский В. Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Краснодар : Кубанский государственный университет, 1991.
3. Лавров В. П. К вопросу о соотношении криминалистики и организации расследования преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 226–232.

4. Лавров В. П. Некоторые современные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений / под ред. И. П. Можаяевой // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы : сборник научных статей. М. : Академия управления МВД России, 2017. С. 331–336.

5. Лавров В. П. Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет. М. : Академия МВД СССР, 1979.

6. Лавров В. П. Анализ материалов приостановленного дела о нераскрытом преступлении как один из элементов организации расследования // Организация расследования преступлений органами внутренних дел : сборник статей. М., 1978.

7. Лавров В. П. Управление органами расследования преступлений и криминалистика: соотношение в науке и учебном процессе // Современные тенденции управления расследованием преступлений : сборник научных трудов. М. : Академия управления МВД России, 2006. С. 4–9.

8. Мешков В. М. Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : Академия МВД России, 1995.

9. Можаяева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.

10. Можаяева И. П. Организации расследования преступлений: правовой, управленческий и криминалистический аспекты // Труды Академии МВД России. 2013. № 4 (28). С. 75–78.

11. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М. : Юрайт, 2018.

12. Тишутина И. В. Противодействия расследованию организационной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления : монография / под общ. ред. А. Ф. Волынского. М. : Юрлитинформ. 2016.

13. Современные тенденции управления расследованием преступлений : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Суслова. М. : Академия экономической безопасности МВД России, 2006.

14. Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. М. : Академия управления МВД России, 2012.

15. Современные проблемы организации следственной деятельности : материалы научно-практической конференции. Екатеринбург : Универсальная типография, 2014.

16. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация : материалы межвузовского научно-практического семинара «Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт». М. : Академия управления МВД России, 2014.

17. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015.

18. Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции / под ред. И. П. Можяевой. М. : Академия управления МВД России, 2017.

Прорвич В. А.¹,
*профессор кафедры уголовного процесса
Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Анализируя особенности причин сохранения высокого уровня нераскрытых преступлений прошлых лет, В. П. Лавров отмечал, что их наибольшее количество относится к преступлениям против собственности. При этом, несмотря на принимаемые усилия, соответствующие показатели снижаются очень медленно, а прирост количества уголовных дел, предварительное следствие по которым приостановлено в соответствии с ч. 1 ст. 208 УПК РФ, компенсируется уменьшением таких дел из-за наступления срока давности. Главными причинами этого становятся проблемы установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, либо его розыск [1, с. 873].

Со времени выпуска данного издания прошло уже 15 лет. Структура современной преступности принципиально изменилась из-за активного освоения криминалом разнообразных компьютеризованных устройств и информационных технологий, а темпы роста соответствующей «киберпреступности» за указанный период превысили 40 раз. Вместе с тем личное общение с Владимиром Петровичем Лавровым за последние годы показало, что его мнение о причинах сохранения высокого уровня «неснижаемого остатка» преступлений рассматриваемого вида мало изменилось. Среди них он отмечал, что для борьбы с преступностью XXI в. до сих пор применяются подходы прошлого века.

Наиболее показательная в этом плане ситуация, сложившаяся в сфере уголовно-правовой защиты субъектов цифровых прав. При введении данного вида прав в действующее законодательство Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ не были разработаны и приняты соответствующие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, обеспечивающие надлежащую защиту субъектов таких прав, которыми стали практически все граждане России.

В соответствии со ст.ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ цифровые права представляют собой «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы». При этом не введено никаких требований о соответствии таких правил требованиям действующего законодательства, не говоря уже о проверке за соблюдением таких требований и об ответственности за их нарушение.

Оборот цифровых прав (осуществление, передача, залог, ограничение распоряжения и пр.) допускается только путем внесения записей в определенную информационную систему без обращения к третьему лицу. Иными словами, переход

¹ © Прорвич В. А., 2023.

цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по цифровому праву. Эти положения детализированы в ряде других статей ГК РФ.

При этом важно учитывать, что возможности работы следователей с электронными документами, включая применение современных информационных технологий и специального программного обеспечения, существенно ограничены требованиями уголовно-процессуального законодательства. С принятием ст. 474 УПК РФ «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве» в 2016 г. был сделан первый шаг к решению давно назревших проблем, но лишь в отношении подачи электронных документов различного вида в суд, а также получения определенных судебных решений в виде электронных документов, в том числе через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

В то же время подготовка следующих шагов по введению соответствующих уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок использования электронных документов в рамках досудебного производства по уголовным делам, неоправданно затянулась. Это существенно осложняет деятельность контролирующих и правоохранительных органов по выявлению и фиксации признаков преступлений в данной сфере, возбуждение уголовных дел о таких преступлениях и их расследование, в том числе с применением специальных знаний.

Подобные проблемы характерны и для недавно введенных в действующее законодательство положений о цифровых финансовых активах. Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ было определено, что под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения записей в информационной системе на основе распределенного реестра. Они могут быть объектом залога, сделок купли-продажи, обмена одного вида цифровых финансовых активов на другой (в том числе выпущенных по правилам иностранных информационных систем) или на цифровые права иных видов.

Понятно, что те российские банки, которые разместили свои валютные средства в иностранных банках, перечислив их с помощью соответствующих информационно-телекоммуникационных технологий, приняли на себя обязательства в соответствии с правилами их информационных систем. При этом в случае изменения этих правил, позволяющих не исполнять принятые на себя обязательства, «замораживая» российские валютные средства, разрешение данной коллизии в рамках судебной системы иностранных государств вряд ли может быть однозначно в пользу российских банков.

Наиболее ярко негативные последствия столь непоследовательного правотворчества проявляются в финансово-экономической сфере. Прежде всего, необходимо обратить внимание на группу преступлений, связанных с манипулированием рынком ценных бумаг, производных финансовых инструментов, иностранной валюты и различных товаров, предусмотренных ст. 185 УК РФ «Манипулирование рынком».

В соответствии с действующим законодательством эмиссионные ценные бумаги и производные ценные бумаги выпускаются в электронном виде и регистрируются в соответствующих информационных системах. Сделки с ними

оформляются с помощью электронных документов, которые регистрируются и хранятся в информационных системах профессиональных участников фондового рынка, а затем передаются в подобные информационные системы для совершения рыночных транзакций по их оплате и переходу прав к покупателю.

В то же время операции с электронными документами регламентируются ст. 474 УПК РФ только в части подачи в суд заявлений, жалоб и ходатайств, а также получения судебных решений. В рамках досудебного производства, включая предварительное следствие, работа с электронными документами для получения необходимых доказательств по уголовному делу, их проверки и оценки, пока еще не регламентируется.

При этом необходимо учитывать особенности правил соответствующих информационных систем, установленных их обладателями, а также связей между ними, интегрированных в виртуальном информационном пространстве компьютерных сетей, но с самыми различными материальными последствиями. В этой связи важно обратить внимание на то, что общий объем только биржевых сделок на фондовом рынке по экспертным оценкам специалистов многократно превышает ВВП страны, т. е. негативные последствия криминального изменения цены сделок всего на 1 % могут измеряться триллионами рублей.

Вместе с тем диспозиция указанной уголовно-правовой нормы предусматривает использование математических моделей рыночного ценообразования, которые содержат ряд факторов вероятностного характера. Из-за этого рассчитать размер причиненного ущерба, незаконно полученного дохода или избежания убытков становится крайне сложно. Кроме того, многие преступления данного вида являются многоэпизодными, причем количество эпизодов может исчисляться сотнями на протяжении многих месяцев и даже лет. Ряд других проблем уголовно-правового и экономико-математического характера оказывает дополнительное негативное влияние на возможности выявления таких преступлений и их надлежащей квалификации.

В результате за 12 лет после криминализации соответствующих деяний специалистами Банка России было выявлено всего около 140 случаев манипулирования рынком, после рассмотрения которых по четверти из них были возбуждены уголовные дела, а по результатам их расследования вынесено семь приговоров суда [2]. Иными словами, значительно более половины преступлений рассматриваемого вида остаются нераскрытыми.

Столь высокий уровень латентности киберпреступности данного вида при аномально высоком объеме транзакций, совершаемых в виртуальном информационно-телекоммуникационном пространстве компьютерных сетей с использованием электронных документов, требует принятия срочных мер. Но как показывает реальный многолетний опыт борьбы с преступлениями в сфере цифровых прав, для разработки таких мер необходимо выполнение обширного комплекса научных исследований и разработок. При этом затягивание решений об их организации обусловлено рядом причин, которые носят как объективный, так и субъективный характер и проявляются даже на уровне планирования фундаментальных исследований в сфере экономики и права [3].

Прежде всего, речь идет о ряде направлений исследований и разработок в сфере наук уголовно-правового блока, ряд из которых уже упоминался выше. Но кроме этого, речь идет и об исследованиях в различных сферах наук информационного блока, в том числе, тесно связанных с разработкой подходов к решению проблем уголовно-правового характера. При этом обеспечить необходимое взаимопонимание и взаимодействие ученых в данных сферах удастся далеко не всегда, не говоря уже об их руководстве.

В частности, речь идет о разработке и применении определенных математических моделей, описывающих процессы ценообразования применительно к различным сегментам фондового рынка, а также деятельность различных видов субъектов – профессиональных участников рынка. На основе данных математических моделей создается возможность для разработки юридических алгоритмов, позволяющих осуществить моделирование деятельности законопослушных субъектов рынка, в том числе, во взаимодействии друг с другом, и сформировать базы данных соответствующих «информационных эталонов».

В свою очередь, на их основе обеспечивается возможность разработки юридических алгоритмов, позволяющих осуществить моделирование противоправной деятельности субъектов рынка различного вида. Это имеет первостепенное значение не только для выявления преступлений в сфере манипулирования рынком, но и для возобновления рассмотрения нераскрытых преступлений прошлых лет в данной сфере.

По результатам проведенных исследований можно сделать вывод о том, что моделирование деятельности криминала в различных сегментах рынка ценных бумаг и производных финансовых инструментов, иностранной валюты и различных товаров представляет собой весьма сложную, комплексную задачу. Для решения этой задачи необходима, прежде всего, ее детализация на уровне выделения взаимосвязанных локальных задач, находящихся на стыке экономики, права, математики и информатики. При этом на уровне каждой из наук возникают сложные проблемы, решение которых требует привлечения специалистов высшей квалификации.

При разработке юридических алгоритмов для формирования развернутой уголовно-правовой характеристики преступлений данной группы приходится учитывать не только бланкетный характер соответствующих уголовно-правовых норм. Важно обратить внимание на то, что кроме применения для этого положений гражданского и специального законодательства необходимо иметь в виду и правила информационных систем, используемых для реализации цифровых прав соответствующих субъектов. Но как уже отмечалось выше, далеко не всегда такие правила, установленные обладателями данных информационных систем, полностью соответствуют положениям действующего законодательства.

Понятно, что в структуре алгоритмов формирования развернутой уголовно-правовой характеристики таких преступлений неизбежно возникновение «информационных разрывов», связанных с особенностями правил различных информационных систем, вплоть до их явного несоответствия требованиям действующего законода-

тельства. Анализ особенностей таких информационных разрывов может использоваться для получения информации о возможных признаках преступных деяний, совершаемых в рамках определенной информационной системы.

Его результаты могут быть использованы и для решения вопросов о возобновлении расследования преступлений прошлых лет, которые не были раскрыты из-за недостаточного внимания к особенностям правил тех информационных систем, в рамках которых осуществлялась вся совокупность транзакций, имеющих определенные признаки преступлений. При этом важно обратить внимание и на результаты попарного сопоставительного анализа правил взаимосвязанных информационных систем.

Что касается структурных и содержательных особенностей алгоритмов применения положений уголовно-процессуального права, то необходимо обратить внимание на их взаимные связи с описанными выше алгоритмами уголовно-правового направления, поскольку положения уголовного права могут применяться только на основе положений уголовно-процессуального права. Применительно к содержательным особенностям алгоритмов уголовно-процессуальных действий, нацеленных на получение документированной информации, следует вывод не только об их сложной, иерархически организованной структуре.

В рамках данной структуры органически соединяются алгоритмы обработки документированной информации, которые регламентируются как уголовным, так и уголовно-процессуальным законодательством. Столь сложная и по сути комплексная регламентация преобразования документированной информации и создания новой информации требует привлечения для разработки таких алгоритмов ученых-юристов, обладающих, к тому же, профессиональными знаниями высокого уровня в сфере информатики.

Необходимо подчеркнуть еще раз, что речь идет об алгоритмах обработки документированной информации, имеющей значение для уголовного дела, с организацией контроля за сохранением правового статуса промежуточных и итоговых результатов такой обработки. При этом такие алгоритмы должны нацеливаться не на «автоматизированную» обработку информации, а на организацию интерактивного режима ее обработки, причем с обязательным участием следователя или следователя-криминалиста, обладающих необходимыми профессиональными компетенциями. Это обеспечивает возможность учета разнообразных практических ситуаций, когда для осуществления контроля заранее сформированных критериев оценки полученных результатов может оказаться недостаточно.

Иными словами не только ряд содержательных особенностей, но и организация интерактивного многоэтапного контроля процесса обработки документированной информации со стороны профессиональных юристов позволяет характеризовать данные алгоритмы как юридические. Соответственно, возникает необходимость использования специального юридического алгоритмического языка не только при их разработке, но и последующей практической реализации в виде специального, проблемно-ориентированного программного обеспечения [4].

При написании текста соответствующих компьютерных программ могут быть использованы стандартизованные программные модули и также компьютерные роботы на основе искусственного интеллекта. Но решающее значение

имеет отладка таких программ и их последующее тестирование, чтобы убедиться в возможности полученной компьютерной программы выполнить все процедуры преобразования исходной документированной информации в рамках соответствующих юридических алгоритмов, включая осуществление интерактивного контроля и возможности внесения необходимых корректировок и дополнений.

Но для выявления и фиксации признаков преступлений, связанных с манипулированием рынком в электронных документах бирж, брокерских контор, клиринговых центров и других профессиональных участников рынка, необходимо учитывать детали организации всего спектра операций, связанных с рыночным оборотом биржевых товаров, в рамках которой оплата осуществляется через один–два дня после совершения сделки. Покупатель может не оплатить сделку по объективным причинам, но если сделки не оплачиваются многократно, то это может рассматриваться как один из признаков манипулирования рынком.

Для выявления из миллионов совершенных биржевых сделок тех, которые были совершены определенными субъектами, необходимо предусмотреть их соответствующую «разметку», поскольку оплата совершенных сделок осуществляется через определенный промежуток времени, то эти сведения о миллионах сделок необходимо хранить в течение более длительного времени для обеспечения их целевой обработки на предмет выявления возможных следов преступлений данного вида, речь идет о весьма специфическом режиме обработки информации о совершенных биржевых сделках в режиме «реального времени»: после выполнения оплаты сделок, совершенных определенными субъектами, необходимо провести анализ всех предшествующих сделок каждого из них за соответствующий период.

Практическая реализация подобных алгоритмов требует не только разработки соответствующих алгоритмов и специального программного обеспечения. Необходимо также принятие и ряда организационных мер на уровне программного обеспечения, используемого профессиональными участниками данного рынка, а также правил соответствующих информационных систем. Это можно реализовать практически в рамках дополнения лицензионных требований на уровне лицензирующего органа – Банка России.

Необходимо подчеркнуть, что для всех направлений организации информационно-методического обеспечения современной системы уголовно-правовой защиты субъектов цифровых прав необходимо применение обширного комплекса специальных знаний. Проведенные исследования показывают, что экспертные задачи для преступлений рассматриваемого вида весьма специфичны. Существенно различается и используемое информационно-методическое обеспечение для их решения, при создании которого за последние годы проявились определенные негативные тенденции, существенно понижающие эффективность уголовно-правовой защиты субъектов цифровых прав. Ослаблено внимание к созданию экспертных методик и приданию им правового статуса, причем не только применительно к новым экспертным задачам по преступлениям в сфере цифровой экономики и финансов. Тем самым фактически игнорируются правовые основы судебной экспертизы, как института уголовно-процессуального права.

Иными словами, в рамках теоретических построений вне поля зрения ученых оказываются ключевые требования уголовно-процессуального законодательства, при невыполнении которых заключения эксперта не может быть признано доказательством по уголовному делу, и его оформление теряет смысл. При этом дело не только в том, что не выполняется конкретное требование п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ о необходимости указания в заключении эксперта использованной экспертной методики. При отсутствии описания таковой становятся невозможной проверка и оценка заключения эксперта как доказательства по уголовному делу, что уже означает нарушение одного из основополагающих принципов уголовного права – свободы оценки доказательств, сформулированного в ст. 17 УПК РФ, причем на системном уровне общетеоретических изысканий в сфере судебной экспертизы.

Результаты проведенных исследований показывают, что для решения данных проблем и снижения уровня рисков совершения юридических ошибок необходима разработка комплекса алгоритмов проблемно-ориентированной обработки сведений, содержащихся в электронных документах и иной электронной информации с помощью специальных знаний судебных экспертов. При этом необходимо учитывать, что большая часть таких сведений по преступлениям в сфере цифровой экономики и финансов носит экономико-правовой характер. Поэтому фундаментальные законы экономики, заложенные в научный фундамент соответствующих экономико-математических моделей, при их практической разработке реализуются в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства [5].

Список литературы

1. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2013.
2. Уроки правоприменительной практики борьбы с манипулированием рынком : научно-практическое пособие / под. ред. проф. А. П. Опальского. М. : Альпен-Принт, 2022.
3. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-р.
4. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики : монография. М. : Экономика, 2020.
5. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе / [А. Ф. Волынский и др.] ; под ред. А. Ф. Волынского, В. А. Прорвича. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экономика, 2021.

Смахтин Е. В.¹,
*профессор кафедры криминалистики
 Уральского государственного юридического
 университета имени В.Ф. Яковлева,
 доктор юридических наук, профессор*

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛАВРОВ: УЧЕНЫЙ, НАСТАВНИК И ПЕДАГОГ

С именем Владимира Петровича Лаврова связан мой путь в науке. Он был моим официальным оппонентом как по кандидатской, так и по докторской диссертациям. Познакомились мы с Учителем в 1998 г., 25 лет назад, накануне защиты моей кандидатской диссертации. Работа была посвящена расследованию контрабанды стратегически важных сырьевых товаров и профессор Александр Сергеевич Подшибякин, мой научный руководитель, посоветовал мне лично отвезти работу Владимиру Петровичу. Это знакомство я с благодарностью вспоминаю и по сей день, поскольку как практический работник органов безопасности получил очень много полезных советов от уже известного всей стране ученого-криминалиста. Профессор В. П. Лавров с тщательностью и присущей ему скрупулезностью изучил мою диссертацию, сделав в отзыве ряд критических и обоснованных замечаний. Защита прошла успешно, и мне была присуждена ученая степень кандидата юридических наук. К тому времени Владимир Петрович уже долгое время был соавтором наиболее известных учебников по криминалистике. В их числе учебник по криминалистике для юридических Высших учебных заведений МВД СССР, в котором была глава, посвященная криминалистике социалистических стран [3, с. 91–101]. В последующем в ВЮЗИ МВД СССР был издан учебник, в котором Владимир Петрович был автором четырех глав, посвященных методикам расследования отдельных видов и групп преступлений. Наибольшую известность получили методики расследования преступлений по горячим следам и нераскрытых преступлений прошлых лет [4, с. 376–393, с. 394–412]. Эти направления в методиках расследования отдельных групп преступлений явились результатом научных исследований В. П. Лаврова, что отмечалось и его Учителем Рафаилом Самуиловичем Белкиным в Криминалистической энциклопедии, изданной в 1997 г. [1, с. 108].

Довольно рискованно в настоящей публикации излагать мое личное мнение относительно отношения профессора Владимира Петровича Лаврова к его Учителю – Рафаилу Самуиловичу Белкину. Я позволю себе лишь цитату из книги, где Владимир Петрович написал, что ему «довелось 40 лет (с 1961 по 2001 г.) работать в криминалистике рядом с Р. С. Белкиным» [7]. Идеи Рафаила Самуиловича стараниями Владимира Петровича внедрялись в теорию и практику, пропагандировались и развивались им всю жизнь, поэтому для меня, молодого ученого, отношение профессора Лаврова к своему Учителю стало неким эталоном. Чего стоило название его статьи в цитируемом сборнике статей: «Учитель перед именем твоим» [7, с. 127–131].

¹ © Смахтин Е. В., 2023.

Через несколько лет я уволился из правоохранительных органов и перешел на преподавательскую работу. Мне нравилась преподавательская деятельность, и я начал погружаться в методическое обеспечение учебного процесса. Очень много полезных советов было получено от Владимира Петровича, который был блестящим лектором и талантливым педагогом-наставником. Мы встречались ежегодно. Основной «площадкой» для обмена опытом с известными криминалистами России тогда была Академия управления МВД России, где практически ежегодно проводились так называемые Белкинские криминалистические чтения. Владимир Петрович всегда внимательно слушал нас, молодых ученых с российской глубинки, живо интересовался новостями из Тюмени. В тот период времени В. П. Лавров осуществлял научное руководство адъюнктами Тюменского юридического института МВД России, которое завершилось успешной защитой диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. На две защиты я приглашался в качестве официального оппонента. Не скрою, в 2005 г. на защите Е. Г. Сахаровой [9, с. 22] и в 2008 г. на защите А. А. Навалихина [8, с. 22] я испытывал чувство благодарности к Владимиру Петровичу за сопричастность к рождению молодых ученых-криминалистов. Это чувство сохраняется у меня и в настоящее время. С особым чувством гордости я вспоминаю и успешную защиту моей первой ученицы О. С. Кайгородовой в 2006 г., на которой в качестве официального оппонента выступил заслуженный деятель науки, профессор Владимир Петрович Лавров [2, с. 22].

Владимир Петрович никогда не был формалистом, ему были интересны живая научная дискуссия и обмен мнениями по самым животрепещущим проблемам криминалистики. И хотя все мои научные исследования базировались на школе Р. С. Белкина, ряд выводов по их итогам вызвал довольно резкую критику Владимира Петровича. В 2009 г. вышла в свет монография, посвященная определению соотношения криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом [10, с. 232], в которой содержались мои суждения относительно теоретических основ криминалистики. В ходе нашей личной встречи Владимир Петрович подарил мне учебник, в котором он и профессор А. Ф. Волынский выступали редакторами [5, с. 943]. В основном наша дискуссия развернулась по теоретическим основам криминалистики. Безусловно, Владимир Петрович настоятельно мне рекомендовал пересмотреть ряд положений.

Я пообещал, что еще раз вернусь к основным обсуждаемым тезисам. На стадии завершения работы над докторской диссертацией возникло несколько научных проблем, требующих своего решения. В частности, одна из научных задач, которая решалась, состояла в том, чтобы определить не только и не столько соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом, а место криминалистике в общей системе уголовно-правовых наук. Соответственно, необходимо было определить общий подход к предмету уголовно-правовых наук и объектам их познания, сделав соответствующие выводы относительно предмета криминалистики. Взяв за основу существующие в тот период времени подходы к предмету и объектам криминалистики в «чистом», не преобразованном виде, получалось довольно большое количество нерешенных науч-

ных задач, связанных, прежде всего, с межпредметными связями уголовно-правовых наук. В настоящее время термин «уголовно-правовые науки» особого раздражения не вызывает, поскольку существует научная специальность 5.1.4. К слову сказать, одним из моих аргументов в пользу именно такого подхода была и единая номенклатура научных специальностей, существующая в тот период времени. Поэтому мне пришлось выбирать, что учесть в рекомендациях и дружеских пожеланиях В. П. Лаврова, а с чем нужно поспорить, что и было сделано, по крайней мере, в основных положениях, выносимых мною на защиту [11, с. 10–16]. В работе было очень много дискуссионных вопросов, и я с благодарностью воспринимал советы Владимира Петровича. Однако с рядом принципиальных вопросов я не согласился, что и явилось поводом для научной дискуссии в ходе защиты моей докторской диссертации в 2010 г.

Накануне я и пожаловал к Владимиру Петровичу. Безусловно, я рассчитывал, что Учитель согласится выступить официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации. Вместе с тем я понимал, что решение об этом будет непростым. Я довольно долго ждал своей участи. Наконец, профессор В. П. Лавров мне сообщил, что он сделал отзыв официального оппонента в котором было более 14 замечаний. Сейчас он сократил их количество до 10 и намерен выступить в качестве официального оппонента. У меня язык не повернулся спросить относительно вывода официального оппонента. Однако, к счастью, несмотря на такое количество замечаний, Владимиром Петровичем был сделан положительный вывод.

Кратко приведем основные замечания, поскольку полагаем, что они не утратили своей актуальности:

1. Формулировка темы диссертации. Она называется «Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика». Сразу возникает вопрос: а что такое «уголовно-правовой цикл»?

Кстати, монографии, опубликованные автором по теме диссертации, в указанном отношении весьма различаются по существу своих названий. Нам представляется наиболее точным, адекватно отражающим содержание диссертации монография «Криминалистика: соотношение с уголовным и уголовно-процессуальным правом» [10].

2. Основное внимание в своей работе автор уделяет соотношению криминалистики с науками уголовного права и уголовного процесса. Однако гораздо меньше внимания уделяется криминологии, которая в ряде мест лишь упоминается автором как одна из наук уголовно-правового цикла.

3. Вызывает определенное сомнение вывод автора о «действенности принимаемых мер по реформированию правоохранительных органов и судебной системы» России [12, с. 6]. Все громче звучат голоса граждан России, включая ученых и практиков, о необходимости реформирования и других правоохранительных органов, а также судебной системы.

4. Говоря о научной новизне своего исследования, соискатель пишет, что диссертационные положения в своей совокупности как теоретическая и методологическая база для последующих исследований в области криминалистики «по-

тенциально способны сформулировать новое научное направление в криминалистике» [12, с. 11; 11, с. 10]. К сожалению, в работе не приводится название этого нового научного направления. Надеюсь, что оно прозвучит на защите.

5. Критикуя понятие «криминалистическая характеристика преступления», автор диссертации предлагает ввести более точный, по его мнению, термин «криминалистическая характеристика преступной деятельности» [12, с. 13, 197]. Однако этот термин известен и упоминается такими, например, авторами учебников, как Р. С. Белкин, И. М. Лузгин, Н. П. Яблоков, И. А. Возгрин, А. Ф. Волынский, В. П. Лавров и др. Главное – в трудах указанных и многих других ученых научной школы Р.С. Белкина употребляется не термин «криминалистическая характеристика преступления» (который пытается уточнить Е. В. Смахтин), а другой, на наш взгляд более правильный термин «криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений».

6. Несколько преувеличивается, по нашему мнению, возводимое автором в абсолют значение установления «следовой картины преступления» [12, с. 16].

7. В целом в диссертации, по нашему мнению, недостаточно внимания уделено теоретическим вопросам способа преступления (см. структуру, оглавление разделов, глав, параграфов диссертационной работы), а в содержании везде механизм, модель механизма. Способ же – главное ядро, основа механизма – тонет в числе других элементов формулируемой автором категории «преступная деятельность».

8. Автор дает свое определение криминалистики [12, с. 12, 57], в принципе не противоречащее, а, наоборот, соответствующее принятому большинством ученых-криминалистов определению Р. С. Белкина, однако почему-то без включения в него закономерностей, которые всегда составляли основу белкинского определения.

9. В конце положений [12, с. 18], выносимых на защиту, а также в заключении автор утверждает, что «для возникновения, развития и окончания криминалистических отношений характерна диспозитивность, иными словами, свобода поведения участников отношений» [12, с. 291, 338]. Сам термин «криминалистические отношения», как известно, неоднозначно встречен учеными-криминалистами. К тому же, по нашему мнению, свободу поведения, о которой пишет автор, в условиях уголовного производства, где прежде всего и реализуются «криминалистические отношения» никак нельзя считать полной, безоговорочной. Вероятно, следовало написать об относительной свободе поведения.

10. Мы согласны с позицией автора о том, что криминалистика – правовая (юридическая) наука [12, с. 83–84; 283–284], но с оговоркой, что многие ее положения могут и должны быть использованы не только науками «уголовно-правового цикла», но и в науках гражданского права, гражданского процесса, административного права, административного процесса, теории ОРД, в ряде дисциплин, характеризующих другие виды деятельности (например, судебно-экспертной, арбитражной и т. п.) [6, с. 106–111].

Безусловно, наши теплые отношения сохранились и после защиты диссертации. Для меня научные исследования профессора Владимира Петровича Лаврова

в настоящее время являются настольной книгой по многим вопросам практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

В. П. Лавров оказал существенное влияние на мое развитие как педагога, поскольку он был многие годы моим учителем, наставником и образцом педагога Высшей школы.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия : справочное пособие. М. : БЕК, 1997.
2. Кайгородова О. С. Расследование грабежей и разбоев, совершенных несовершеннолетними (по материалам Уральского и Сибирского регионов) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Тюмень, 2006.
3. Криминалистика : учебник для юридических Высших учебных заведений МВД СССР. Т. 1. М. : НИИРЮ Высшей школы МВД СССР, 1969.
4. Криминалистика : учебник для Высших учебных заведений МВД СССР. Т. 2. М. : ВЮЗИ МВД СССР, 1988.
5. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2009.
6. Лавров В. П. Отзыв о диссертации Е. В. Смахтина «Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 4 (14). С. 106–111.
7. Лавров В. П. Учитель перед именем твоим / сост. Е. Р. Россинская // Рафаил Самуилович Белкин. Воспоминания друзей, учеников и коллег (к 90-летию со дня рождения) : сборник статей. М. : Норма, 2012. С. 127–131.
8. Навалихин А. А. Противодействие расследованию мошенничества и криминалистические методы его преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Тюмень, 2008.
9. Сахарова Е. Г. Расследование причинения вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Тюмень, 2005.
10. Смахтин Е. В. Криминалистика: соотношение с уголовным и уголовно-процессуальным правом : монография / под общ. ред. А. С. Подшибякина. М. : Юрлитинформ, 2009.
11. Смахтин Е. В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Тюмень, 2010.
12. Смахтин Е. В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Тюмень, 2010.

Тишутина И. В.¹,
*профессор кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

НАУЧНЫЙ ВКЛАД ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

В 2022 г. исполнилось 90 лет со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Владимира Петровича Лаврова (1932–2022). Владимир Петрович – один из известнейших ученых-криминалистов XX–XXI вв., чьи труды положены в основу формирования многих криминалистических теорий и учений. Его жизнь – пример выдающегося научного пути и личного беспрецедентно страстного и убежденного служения делу всей жизни!

Большое количество научных трудов, талантливых и успешных учеников, друзей и соратников – все это результат потрясающей работоспособности и стремления внести максимально возможный посильный вклад в совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. И неслучайно в этой связи его широкая известность в научных кругах и среди практических работников правоохранительных органов во многих государствах ближнего и дальнего зарубежья. Так, фактически подарком к юбилею Владимира Петровича должен был стать изданный в 2022 г. при активном участии и под его совместной редакцией с А. Ф. Волынским и Р. Х. Рахимзодой учебник по криминалистике для курсантов и слушателей учебных заведений МВД Республики Таджикистан, учитывающий последние изменения правоохранительной теории и практики [1].

Владимир Петрович – автор и соредактор целого ряда учебников, пособий, сборников, лекций по криминалистике для сотрудников и слушателей высших юридических учебных заведений, автор и соавтор большого числа монографий. Под научным руководством профессора Владимира Петровича Лаврова подготовлено и успешно защищено множество диссертаций по криминалистике. На протяжении долгих лет Владимир Петрович активно участвовал в работе ряда диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, созданных в Юридическом институте МВД России, Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя, Академии управления МВД России; систематически выступал официальным оппонентом по диссертационным работам соискателей ученых степеней в других вузах.

Широта и разносторонность научных интересов Владимира Петровича Лаврова вызывают чувство восхищения и глубокого уважения. В числе основных

¹ © Тишутина И. В., 2023.

направлений научной деятельности Владимира Петровича можно отметить проблемы методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет; расследования преступлений по горячим следам; организованной преступной деятельности; теории преодоления противодействия расследованию; криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Он с азартом истинного знатока своего дела занимался разработкой остро проблемных вопросов; не просто стоял у истоков формирования новых научных теорий и учений, но продолжал в дальнейшем работать над расширением и углублением знаний в их развитие, о чем свидетельствовали издаваемые впоследствии труды по соответствующим направлениям.

Интереснейший творческий научный тандем сложился у Владимира Петровича с Александром Фомичем Волынским, формирование которого началось с назначения Александра Фомича начальником кафедры криминалистики Юридического института МВД России. Они настолько гармонично дополняли друг друга, их теплые, сердечные и уважительные взаимоотношения позволяли находить нестандартные решения в любых научных спорах. По сути, оба они стали учителями и для автора этой статьи, близкими и родными людьми, советы которых воспринимались не просто в плоскости научного наставничества, а как заботливые отеческие ориентиры.

Выпавшее на мою долю счастье работать под «патронажем» таких, без сомнения, величайших наставников позволило правильно выбрать свой путь в науке и сформировать то отношение к оценке различных предлагаемых в ее развитие положений, которое основывается на сочетании разумного основательного академического подхода с восприятием новых прогрессивных идей, рождаемых стремительным движением вперед научно-технического прогресса.

На этапе становления теории преодоления противодействия расследованию Владимир Петрович Лавров совместно с А. Ф. Волынским в 1996–1999 гг. руководил рядом диссертационных работ, выполнявшихся в рамках исследования проблемы «Современные способы противодействия расследованию и криминалистические методы его преодоления». Хотя еще ранее В. П. Лавров совместно с И. М. Лузгиным прямо писали, что сокрытие надо понимать более широко, как умышленное воспрепятствование расследованию, как часть, элемент противодействия [2]. Активное участие В. П. Лавров совместно с А. Ф. Волынским приняли в обсуждении проблем противодействия расследованию по сути на первой масштабной конференции, посвященной этому явлению, прошедшей в 1996 г. в Московском областном филиале Юридического института МВД России в г. Рузе – «Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации» [3]. Именно Владимир Петрович, уделивший много внимания формированию методики расследования организованной преступной деятельности, акцентировал внимание на том, что она послужила и благодатной средой для формирования и развития масштабного явления противодействия расследованию [4]. В. П. Лавров и А. Ф. Волынский одними из первых включили соответствующую главу в учебник по криминалистике [5]. Все это свидетельствует о большой научной мудрости и прозорливости, без сомнения великих ученых, современниками которых нам повезло быть [6].

В дальнейшем научный интерес Владимира Петровича к этой проблеме передался многим его ученикам, посвятившим свои исследования изучению различных аспектов преодоления противодействия расследованию: И. А. Бобракову, Е. В. Варфоломееву, А. В. Кучерову, А. Б. Петруниной и другим [7–10]. В определенном смысле и я могу причислить себя к числу его учеников, поскольку интереснейшие научные беседы и обсуждение особенностей проявления противодействия расследованию, его сущности, проблем его выявления и преодоления укрепили меня в мысли о необходимости фундаментального исследования проблем преодоления противодействия расследованию преступлений, сыграв свою роль в выборе темы докторского исследования, проведенного мной впоследствии.

Продолжая активную разработку проблем преодоления противодействия расследованию, Владимир Петрович поддержал идею внедрения в учебный процесс профильных вузов системы МВД России спецкурса «Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению» и стал соредактором с Б. Я. Гавриловым единственного в своем роде учебника по данной тематике, автором ряда глав в котором, в том числе совместно с Владимиром Петровичем, посчастливилось стать и мне [11].

В последнее время Владимир Петрович высказывал озабоченность необходимостью преломления подходов к изучению проблем преодоления противодействия расследованию с учетом всеобъемлющей цифровизации как повседневной жизни, так и уголовного судопроизводства. Он обращал внимание на то, что неминуемо и стремительно происходит трансформация условий проявления противодействия, его форм и способов, что вынуждает правоохранительные органы адаптировать способы его выявления и преодоления с учетом новых реалий. Неоспорим тот факт, что результаты исследования Владимиром Петровичем Лавровым проблем выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений заслуживают особого признания.

Владимира Петровича знали как убежденного и принципиального ученого, имеющего собственный взгляд на ключевые аспекты науки и практики, и при этом отстаивающего свою точку зрения настолько аргументированно, подкрепляя доводы результатами глубокого всестороннего анализа проблемы, что даже уверенные в собственных оценках маститые специалисты озадачивались сомнениями. Позиция Владимира Петровича в научных диспутах всегда была настолько основательна, что зародить в нем сомнения в правоте собственных суждений могли только те, кто «вооружался» содержательными аргументами, основанными на серьезном фактическом материале. При этом важно отметить, что любые, даже самые непростые научные вопросы Владимир Петрович всегда мог объяснить предельно ясно, четко, доходчиво, простым языком, понятным слушателю. Его лекции, выступления на конференциях, семинарах, при обсуждении диссертационных исследований не предполагали сложность и витиеватость изложения мыслей.

Всю свою научную активность Владимир Петрович обратил на решение проблем повышения научного и методического обеспечения борьбы с преступностью.

Владимир Петрович Лавров – пример выдающегося ученого, педагога, отличавшегося разнообразием научных интересов, работоспособностью и трудолюбием, принципиальностью, требовательностью в сочетании с доброжелательностью, высокой эрудированностью и честностью. Активная плодотворная работа в течение многих лет позволила ему внести серьезный вклад в развитие науки криминалистики в России и за рубежом. Благодаря встрече с Владимиром Петровичем и возможности прикоснуться к его опыту, знаниям многие молодые целеустремленные и пытливые умы нашли себя в науке. Владимир Петрович ориентировал своих учеников на дальнейшую активную разработку проблем криминалистической теории и практики, нуждающихся в глубоком научном осмыслении. Именно поэтому его научное наследие – это не только великолепные труды ученого, мыслителя, педагога, но и воспитанники научной школы – достойные продолжатели его идей беспримерного служения науке, отечеству, людям!

Список литературы

1. Криминалистика : учебник / отв. ред. В. П. Лавров, Р. Х. Рахимзода, А. Ф. Волынский. Душанбе, 2022.
2. Лузгин И. М., Лавров В. П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение : методическая разработка для слушателей V курса вечернего отделения МФЮЗО. М. : МФЮЗО при Академии МВД СССР, 1980.
3. Волынский А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : сборник статей научно-практической конференции. М. : Юридический институт МВД России (Рузский филиал), 1997. С. 93–99.
4. Лавров В. П. Некоторые аспекты преодоления противодействия расследованию организованной преступной деятельности // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (к 150-летию образования следственного аппарата в России). В 3-х ч. Ч. 2. М. : Академия управления МВД России, 2010. С. 218–224.
5. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2008.
6. Тишутина И. В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию // Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное. Научное издание. М. : Юнити-Дана, 2019. С. 356–364.
7. Бобраков И. А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Юридический институт, 1997.
8. Варфоломеев Е. В. Противодействие расследованию убийств, совершенных военнослужащими, и криминалистические методы его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Юридический институт МВД России, 2002.
9. Кучеров А. В. Противодействие расследованию по делам о воинских преступлениях и методы его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03. М., 1997.

10. Петрунина А. Б. Противодействие расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и криминалистические методы его выявления и преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России, 2006.

11. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / [Б. Я. Гаврилов и др.] ; под общ.ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.

*Ткачук Т. А.¹,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института имени М.М. Сперанского,
доктор юридических наук, профессор*

*Михайлов А. Е.²,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С «ФЕЙКОВЫМИ НОВОСТЯМИ» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Военные действия, какую бы организационно-правовую форму они не имели, всегда являются вызовом социально-экономическим, культурно-нравственным и политическим отношениям. В такие периоды общественные отношения подвергаются ревизии, что не только закономерно обнажает существующие проблемы и недостатки, но и способствует позитивному развитию самых разных сфер жизни социума [2, с. 83–84]. К сожалению, эти позитивные изменения зачастую становятся предметом интереса криминальных структур и сил, откровенно враждебных нашему государству.

Аналогично развивается ситуация и в связи с осуществлением Российской Федерацией Специальной военной операции на Украине (СВО), которая, на наш взгляд, сыграла положительную роль в развитии российского гражданского общества и сплочения населения перед лицом внешних угроз. Однако задолго до этого недружественные силы стремились помешать процессам консолидации российского общества, разобщить его, подготовить к принятию чуждой ультралиберальной парадигмы [1, с. 27, 32]. Это потребовало криминализации преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, связанного публичным распространением заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

После 24 февраля 2022 г. эта проблема приобрела более актуальный характер. Не случайно, что во время Расширенного заседания коллегии МВД России Президент Российской Федерации В. В. Путин особое внимание обратил на необходимость оперативно пресекать любые попытки «раскачать общество» [8]. В этой связи довольно актуальной представляется борьбы с фейковыми новостями.

Действительно, информация в настоящее время является ресурсом, чью значимость сложно переоценить. Это понимают противники России. В итоге поток заведомо ложной информации о СВО на Украине активно распространяется в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационных

¹ © Ткачук Т. А., 2023.

² © Михайлов А. Е., 2023.

сетях, и в первую очередь в сети Интернет, в том числе через мессенджеры и социальные сети.

Нередко для этих целей специально и цинично готовят контент, ориентированный на острое эмоционально-чувственное восприятие, способствуя развитию панических настроений в обществе, побуждений что-то сделать, в том числе поделиться этой ложной информацией. Противодействие данным угрозам общественной безопасности и общественному порядку требует консолидации усилий в области криминалистики, психологии, социологии и IT-технологий.

Следует отметить, что фейковые новости (фейк) имеют довольно сложную структуру. По поводу ее содержания имеются различные, даже противоположные точки зрения от ассоциирования фейковой новости только лишь с ложной информацией до оценки ее как информационной уловки, ориентированной на привлечение аудитории. В настоящее время наиболее широкое распространение получила точка зрения, согласно которой фейковые новости, — это явление, связанное с созданием и распространением специально подготовленной информации, которая по своей сути может быть полностью ложной информацией, мифифицируемой, т. е. дополненную ложными сведениями, и информацией, характеризующейся тенденциозным необъективным изложением, заострением внимания не второстепенных или несущественных деталях (конкурентное понимание новостей) [9, с. 268].

По мнению исследователей, феномен фейковых новостей используют для создания общественного резонанса вокруг мнимого или незначительного информационного повода с целью отвлечения внимания от конкретных проблем [4, с. 41–42]. В результате происходит переключение общественного фокуса, позволяющее манипулировать массами. При этом нередко сами граждане, ставшие жертвами фейковой атаки и поверившие в представленную фейковыми новостями реальность, становятся не просто носителями этой информации, но и ее распространителями, в том числе совершения преступления.

При этом механизмы формирования и распространения фейковых новостей опираются на краткосрочный эффект. Создается информационное поле, которое в силу различных причин становится востребованным у населения в определенный период времени, что уже позволяет достигнуть конкретных результатов, например, сформировать негативное общественное мнение относительно событий, фактов, персон [9, с. 268]. Мотивированные и истинные контраргументы, необходимые для опровержения фейковых новостей, либо становятся невостребованными аудиторий, либо требуют больших ресурсных и временных затрат.

Примером подобных фейковых новостей множество. После начала Специальной военной операции их созданием занимаются не просто массово представители украинских и европейских средств массовой информации, но и скоординировано под управлением органов государственной власти. Например, весь мир облетела фотография «новой мученицы» — украинской женщины с перевязанной головой, якобы пострадавшей от бомбардировки Чугуева, которая на самом деле оказалась постановочной, а ее «героиня» — сотрудницей 72-го центра информационно-психологических операций украинской армии. В связи с этим Россий-

ское Министерство обороны призывает крайне внимательно относиться к различного рода информации, предупреждая, что подготовка и распространение фейковых новостей против России и российской армии носят системный и скоординированный характер [3]. Особенно этот призыв актуален после криминализации ст. 280.3 УК РФ, устанавливающей ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации.

Все изложенное свидетельствует о наличии потребности в выявлении, пресечении, изобличении и противодействии указанным ложным сообщениям.

Данные задачи наряду с экспертами к области высоких технологий, больших данных, криминологии, социологии, уголовного права и процесса – объективно возникают и перед криминалистикой.

В этой связи представляют определенный интерес усилия, которые предпринимают наши стратегические противники, инициировавшие информационную войну против России, в части разработки средств и методов противодействия аналогичным угрозам собственной безопасности. В частности, Министерство обороны США еще до начала СВО активно реализовывало Программу «Семантическая криминалистика», целью которой были разработка алгоритмов, а также создание программного оборудования, направленных на выявление фейковых новостей и видеозаписей, созданных с помощью технологии *deep fake*, т. е. отредактированную с помощью нейросетей. Предполагается, что алгоритмы смогут обнаруживать фейки в текстах и видеофайлах, распространяемых через СМИ и соцсети, что позволит не только выявлять и анализировать, но и сдерживать «вражеские» кампании по дезинформации. Разрабатываемые алгоритмы рассматриваются как основа технологии *SemaFor* (*Semantic Forensics*) – программы «Семантическая криминалистика», а также *MediFor* – «Медиакриминалистика». Разработчики этих технологий отмечают, что они основаны на внедрении комплекса алгоритмов обнаружения семантических расхождений, которые заметно усложняют изготовление фейковых новостей, поскольку возникнет необходимость устранять все несоответствия в комплексном информационном содержании какого-либо обстоятельства, в то время как алгоритм будет сигнализировать о фейковом характере новости уже при наличии одной-двух неточностей [7]. Эти же алгоритмы можно использовать, чтобы совершать собственные информационные атаки, повышая их эффективность.

Справедливости ради, отметим, что отечественные специалисты при умелом сочетании криминалистической тактики с методами в работе с большими данными, постоянно совершенствуют приемы разоблачения фейков самых различных типов.

Так, отечественные исследователи отмечают несколько способов (тактических схем) эффективного противодействия фейкам (включая фейки «вирусного» типа), опирающихся на программное оборудование, а на человеческий фактор:

1. Удар на упреждение (если фейковые новости только еще готовятся для распространения). Суть этой схемы заключается в том, чтобы «переключить» внимание населения на другой резонансный информационный поток, в котором фейковая новость останется незамеченной.

2. Перехват информационной повестки (если фейковые новости уже начали распространять). Данная схема предполагает незамедлительную реакцию компетентных органов, которые представляют полную и ясную картину инцидента, вскрывающую его неверную интерпретацию или какие-либо инсинуации по его поводу. Представляется, что эта схема может действовать и на упреждение, если в соответствии с принципом постоянства и непрерывности насыщать информационные пространства сухими фактами, цифрами, которые можно проверить.

3. Внедрение собственной информационной повестки (если перехват повестки уже осуществлен). В рамках данной схемы происходит переключение массового сознания населения на другую, собственную информационную повестку, задающей, в том числе, и собственные правила информационной «игры» [5, с. 54].

Если рассматривать отдельные позиции указанных схем, трудно не увидеть совпадающие тактические аспекты с криминалистическими рекомендациями изобличения ложной информации в рамках расследования.

Все указанные в схеме методы используются комбинированно в различных вариациях технологий. Одна из таких технологий была разработана и затем опробована на Федеральном молодежном форуме «Дигория» в октябре 2020 г., выступившего в роли испытательного полигона в рамках так называемого «Политико-коммуникационного трека», направленного на подготовку политических обозревателей и ньюсмейкеров.

Работа указанного политико-коммуникационного трека была сфокусирована на профессиональной подготовке оперативных групп, способных распознавать, разоблачать фейковые новости и противостоять им в режиме реального времени и неожиданных вводных. Технология отражения фейков была отработана в режиме «стресс-теста».

Результаты полевого апробирования технологии противодействия фейкам на форуме «Дигория» показали, что использовать схемы противодействия фейковым новостям могут даже не профессиональные журналисты при наличии технологий перехвата информации, умения их применять и способности к оперативной инициативе. Как правило, в случае правильного применения обозначенных схем (методик) фейк гарантированно «сбивается на взлете», т. е. изобличается сразу после его «вброса» [6, с. 78–93].

Безусловно, разработанная методика отражения фейковых новостей не является единственной и может быть дополнена новыми технологическими решениями, в том числе по усилению возможностей по перехвату информационной повестки и внедрению собственной информационной повестки. Мы поддерживаем идею, что целесообразно продумать возможность объединения лиц, специализирующихся на различных способах противодействия фейковым новостям в оперативные группы, в которых перехват информационной повестки будет осуществляться по конвейерному принципу – в форме последовательного выполнения ряда операций, составляющих единую технологическую цепочку (цикл).

На наш взгляд, особую актуальность для граждан в новой информационной реальности приобретает слоган «не дай себя обмануть». Технологии подготовки

и распространения фейковых новостей совершенствуются, опираются на психологию масс, на эмоционально-чувственное восприятие, когда для привлечения внимания используются заманчивые цитаты и количественные показатели, изобличения лживости которых требуют высокого уровня осведомленности граждан.

В качестве рекомендаций, позволяющих предупредить возможность совершения преступлений, связанных с распространением фейковых новостей, предлагаем такие рекомендации:

- внедрение пользовательской этики, когда распространению информации предшествует ее самостоятельная проверка пользователем информационного потока с учетом необходимости заострять внимание на детали новости и конкретный источник ее происхождения;

- активное продвижение в информационном поле официальных данных, а также позиций ведущих проверенных экспертов по кибербезопасности, социальных аналитиков, военных экспертов и пр.;

- развитие специализированного портала «Вбросам.нет», ориентированного на публичное разоблачения вредоносных фейков и вбросов. Данный портал может быть использован как испытательный полигон для проверки и обкатки новейших решений по противодействию фейкам.

Список литературы

1. Блохин К. В. Россия и Запад. Военно-политический конфликт 2022 года. Меняя правила игры // Свободная мысль. 2022. № 2. С. 25–33.
2. Демченко Т. И. Диалектика и политика войны // Lex Russica. 2016. № 5. С. 81–104.
3. Коваленко А. Парад фальши: как в Российской Федерации борются с фейками про спецоперацию на Украине // ТРК Звезда Новости. URL: <https://tv-zvezda.ru/news/authors/?q=анастасия+коваленко>.
4. Манойло А. В. Фейковые новости как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 41–42.
5. Манойло А. В. Когда фейки атакуют. A la guerre comme a la guerre // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 6 (11). С. 53–56.
6. Манойло А. В., Теличко В. И., Попадюк А. Э. Методика противодействия фейковым новостям // Международная жизнь. 2021. № 7. С. 78–93.
7. Новый виток информационных войн: зачем Пентагону программа по противодействию фейковым новостям // Око Планеты: информационно-аналитический портал. URL: <https://oko-planet.su/politik/politwar/520605-novyuy-vitok-informacionnyh-vo-yn-zachem-pentagonu-programma-po-protivodeystviyu-feykovym-novostyam.html>.
8. Расширенное заседание коллегии МВД от 20 марта 2023 г. // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/-transcripts/-deliberations/70744>.
9. Шульц Э. Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Вып. 3. Т. 9. С. 262–273.

Шаталов А. С.¹,
профессор кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА КАК ПОВОД ДЛЯ ВОСПОМИНАНИЙ И РАЗМЫШЛЕНИЙ

«... наиболее частой причиной нераскрытия преступлений
 является некачественная, непрофессиональная, неоргани-
 зованная работа следственно-оперативной группы
 по горячим следам».
В. П. Лавров

Эпиграфом к этой статье послужила небольшая цитата из наиболее известной и весьма популярной в свое время работы профессора В. П. Лаврова [1; 13], в которой он кратко и предельно ясно озвучил свою позицию относительно решения вопросов, непосредственно связанных с организацией выявления, раскрытия и расследования преступлений. Ей он следовал всю свою жизнь. Она и сейчас в полной мере согласуется с общеизвестной для криминалистов принципиальной установкой о проведении всей основной процессуальной работы над совершенным или готовящимся преступлением в кратчайшие сроки. Если этого не происходит, то эффективность его расследования «по горячим следам» значительно снижается, «... а впоследствии подобное промедление заставит следователя, дознавателя затратить намного больше сил и средств в целях установления истины по делу» [2, с. 35–37]. Эти его умозаключения не утратили своей актуальности. Более того, довольно часто они служат отправной точкой при проведении научных исследований новыми поколениями криминалистов, к формированию которых он более шестидесяти лет прилагал немало усилий ...

С В. П. Лавровым мне довелось познакомиться в 1989 г., при поступлении в адъюнктуру ВЮЗШ МВД СССР. Через три года я защитил кандидатскую диссертацию в диссертационном совете, который он тогда возглавлял. Далее, наше общение носило эпизодический характер и продолжалось вплоть до его ухода из жизни в 2021 г. Когда мы разговаривали с ним в последний раз на заседании диссовета в Академии управления МВД России, было видно, что он неважно себя чувствовал, но тем не менее, принимал участие в дискуссии и был расположен к неформальному общению. В нашем разговоре он вспоминал свою недавно умершую супругу, жаловался на одиночество и бытовые сложности, с которыми ему пришлось столкнуться. В моей памяти о нем осталось то, что он абсолютно искренне гордился тем, что родился в одном селении с великим М. В. Ломоносовым и тем, что был самым первым учеником профессора Р. С. Белкина, некогда адаптировавшим ленинскую теорию отражения к нуждам предварительного расследования. Уверен, что эти обстоятельства повлияли на многолетнюю научную деятельность профессора В. П. Лаврова самым решительным образом, а его вклад в развитие отечественной криминалистики без преувеличения можно назвать довольно существенным. Он последовательно отстаивал применение

¹ © Шаталов А. С., 2023.

теории отражения в реалиях сегодняшнего дня считая ее фундаментальным диалектическим базисом для описания процесса образования материальных следов преступления и рекомендовал «... эту теорию использовать правильно, творчески, а не догматически...» [3, с. 49–51].

Говоря о проделанной им работе, в частности по разработке проблем противодействия расследованию преступлений, нельзя не вспомнить о довольно масштабном научном проекте: «Современные способы противодействия расследованию и криминалистические методы его преодоления», который он инициировал и реализовал на базе Юридического института МВД России в последние годы существования данного учебного заведения. По результатам этой работы, в которой мне довелось поучаствовать, впоследствии было подготовлено и успешно защищено около десятка кандидатских диссертаций, где рассматривались различные аспекты противодействия расследованию преступлений [4–12] и в разной интерпретации озвучивался сформулированный самим В. П. Лавровым принципиальный вывод о том, что «... наиболее существенной криминалистической значимостью обладают данные о типичных способах и приемах противодействия, которые фактически коррелируют с категорией преступления, степенью организованности преступной деятельности, особенностями личности субъектов противодействия, степени воздействия субъектов противодействия на участников уголовного судопроизводства» [13, с. 15–25]. Комментируя этот вывод в своих более поздних работах, он подчеркивал, что действия субъектов, осуществляемые в рамках уголовно-процессуальных процедур (отказ от дачи показаний, дача ложных показаний и др.), нельзя рассматривать в аспекте противодействия расследованию, поскольку «... они не противоправны и выступают в качестве гарантий права на защиту». Это касается, в частности, супругов, близких родственников, священнослужителей, свидетелей, у которых возникла реальная угроза их безопасности [14, с. 18].

Действительно, данные процессуальные гарантии содержатся в действующем законодательстве, и никто не может быть ограничен в их использовании. Вместе с тем сложившаяся в ходе предварительного расследования следственная ситуация при таком раскладе фактически не претерпевает изменений, поскольку эти вполне правомерные действия со стороны соответствующих участников уголовного судопроизводства так или иначе препятствуют продвижению этого процесса. Важно отметить, что изначально в научных исследованиях противодействие расследованию преступлений нередко трактовалось, как способ их сокрытия, но благодаря работам В. П. Лаврова и его последователей [15–19] эта новая криминалистическая категория и связанная с ней проблематика постепенно трансформировались во вполне самостоятельную частную теорию противодействия расследованию и мер по его преодолению [20, с. 12]. Сейчас она упоминается практически во всех учебниках криминалистики, где под самим противодействием расследованию преступлений принято понимать «совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний» [21, с. 18]. Более того, эта теория была имплементирована им в общую

систему основополагающих частных теорий, исторически сложившихся в российской криминалистике, поскольку каждая из них, несомненно, способствует созданию новых частных теорий в криминалистической технике, криминалистической тактике и в криминалистической методике расследования преступлений отдельных видов и групп. В их числе им упоминались: теория криминалистической идентификации; теория криминалистической диагностики; учение о механизме преступления; криминалистическое учение о навыках; учение о фиксации криминалистически значимой информации; учение о криминалистической регистрации; учение о криминалистических версиях и планировании расследования; криминалистическая ситуалогия; криминалистическая теория временных связей (отношений) в уголовном судопроизводстве; криминалистическое учение о розыске; криминалистическое учение о противодействии расследованию и мерах по его преодолению; криминалистическое учение об изучении личности участников судопроизводства [22, с. 60–61]. Мне остается сожалеть и оставаться категорически несогласным с тем, что в этом перечне не оказалось частной теории криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений, у которой большое будущее. Ведь по меткому замечанию самого В. П. Лаврова «... использование научно-технических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений представляет собой одно из основных направлений деятельности правоохранительных органов (наряду с оперативно-розыскной деятельностью), способствующих формированию содержательной и устойчивой доказательственной базы по уголовным делам» [23, с. 17].

Список литературы

1. Лавров В. П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : учебное пособие. М. : Высшая школа МВД СССР, 1972.
2. Лавров В. П. Криминалистические основы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : монография. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
3. Лавров В. П. Проблемы интеграции в криминалистику достижений других наук // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 3. С. 49–51.
4. Лившиц Л. В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Уфа, 1998.
5. Фуражкина И. И. Противодействие расследованию наркопреступлений и пути его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2004.
6. Ляхненко А. А. Проблемы преодоления противодействия в ходе расследования вымогательства, совершенного организованными преступными группами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2005.
7. Хараев А. А. Преодоление противодействия расследованию преступлений против собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Нальчик, 2005.
8. Бушинская М. Г. Криминальное противодействие и пути его преодоления при расследовании мошенничества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский педагогический государственный университет, 2006.

9. Петрунина А. Б. Противодействие расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и криминалистические методы его выявления и преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России, 2006.

10. Навалихин А. А. Противодействие расследованию мошенничества и криминалистические методы его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Тюмень : Тюменский юридический институт МВД России, 2008.

11. Пирбудагов Г. Н. Противодействие расследованию преступлений против жизни и здоровья : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России, 2010.

12. Карнаухова О. Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015.

13. Лавров В. П. Криминалистическая теория противодействия расследованию преступлений и методы его преодоления (сущность, история, перспективы развития) // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений : материалы круглого стола. Екатеринбург, 2006. С. 15–25.

14. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М. : Юрайт, 2019.

15. Бабаева Э. У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : Московская государственная юридическая академия, 2006.

16. Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Екатеринбург, 1992.

17. Стулин О. Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт, 1999.

18. Осипян Р. Ш. Криминалистические аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений как составная часть следственной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Калининград : Калининградский юридический институт МВД России, 2009.

19. Тишутина И. В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12. М. : Московский университет МВД России, 2013.

20. Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : курс лекций. М. : Академия управления МВД России, 2011.

21. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / [Б. Я. Гаврилов и др.] ; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.

22. Криминалистика : курс лекций / под ред. А. Ф. Волынского, М. В. Кардашевской. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017.

23. Лавров В. П. Проблемы использования технико-криминалистических методов и средств при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 17–19.

Халиков А. Н.¹,
профессор кафедры криминалистики
Института права Уфимского университета науки и технологий,
доктор юридических наук, профессор

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КРИМИНАЛИСТИКИ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В. П. ЛАВРОВА

Профессор Владимир Петрович Лавров был одним из ведущих ученых в области криминалистики, без которого на сегодня невозможно представить себе развитие криминалистической науки в России. Как ученый он исследовал как практические, так и наиболее фундаментальные проблемы развития криминалистики, которые были актуальны и для теории, и для практики деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Не было вопроса или проблемы в современной криминалистике, где бы В. П. Лавров не имел бы своего мнения или своей позиции, которая им высказывалась на научных форумах, в научных публикациях либо при работе с соискателями и молодыми учеными. В то же время личность Владимира Петровича объединяла ученых-криминалистов по всей России, когда человеческие и профессиональные качества ученого служили фактором создания им некоего духовного центра криминалистики, независимо от ведомственных или вузовских направлений работы российских криминалистов.

И в этой связи кратко рассмотрим некоторые направления исследовательской работы профессора В. П. Лаврова в части теоретических изысканий, которые всегда имели значение и для их прикладного применения.

Так, одним из векторов исследований В. П. Лаврова был анализ *частных криминалистических теорий или учений*, под которыми понималась совокупность научных положений по определенному направлению содержания предмета криминалистики. Ученый выступал за наиболее разработанные отдельные частные теории в криминалистике, как теория криминалистической идентификации, теория криминалистической диагностики, учение о механизме преступления, теория криминалистической регистрации, криминалистическая ситуалогия и т. д. В то же время В. П. Лавров был против искусственного создания различных учений, которые могли быть вызваны, по мнению Р. С. Белкина, «криминалистическими фантомами, игрой ума авторов» [1, с. 219] и что не содержало необходимой систематики научных криминалистических исследований, а значит, вряд ли могло быть относимо к криминалистической науке. К примеру, создание базовых (или родовых) методик расследования отдельных категорий преступлений вряд ли можно отнести к частной криминалистической теории или учению в криминалистике. В этом отношении В. П. Лавров систематизировал основные критерии частных криминалистических теорий, что также, по его мнению, требовало своего теоретического развития и усовершенствования [2, с. 85–90].

¹ © Халиков А. Н., 2023.

В то же время В. П. Лавров связывал *частные криминалистические теории с практической направленностью криминалистических исследований и их использованием в уголовном судопроизводстве*. Глубокая аналитика отдельных криминалистических теорий позволяет соотносить многие ее положения с теорией доказывания в уголовном судопроизводстве или с отдельными обстоятельствами, подлежащими доказыванию, предусмотренными нормами УПК РФ (ст.ст. 73, 88, 89 и др. УПК РФ). В конечном счете каждое криминалистическое учение в качестве теоретической базы следственной работы направлено на практическую реализацию раскрытия и расследования преступлений путем доказывания его обстоятельств. В частности, умелое применение теоретических положений криминалистической диагностики, а затем выводы судебной идентификации создают жесткий каркас доказывания по следам вещественных доказательств, что в свою очередь влияет и на критерии уголовно-процессуальной оценки данного вида доказательств. При исследовании проблем соотношения криминалистики и оперативно-разыскной деятельности В. П. Лавров выступал за активное развитие теории о превращении сведений, полученных путем оперативно-разыскных мер в доказательства, что возможно только при соединении науки оперативно-разыскной деятельности, отдельных частных теорий криминалистики и теории доказывания в уголовном процессе. Как писал В. П. Лавров, роль отдельных элементов системы частных криминалистических теорий в решении задач уголовного судопроизводства может различаться в зависимости от характера этих задач, от уровня и содержания частных теорий, входящих в систему, а также степени их сформированности, состояния развития [3, с. 228].

С теориями криминалистических учений тесно связана проблема *криминалистического обеспечения расследования преступлений*, которая рассматривалась В. П. Лавровым как в отдельных публикациях, так и в различных учебниках, где он выступал автором и редактором. Соглашаясь с мнением профессора А. Ф. Волынского, В. П. Лавров, понимал под криминалистическим обеспечением деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию этой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений [4, с. 55]. И хотя, на наш взгляд, несколько смущает термин «готовность», применимый больше к спортивной или военной деятельности, однако при более глубоком его изучении понятие готовности к использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций говорит о следующих факторах эффективного применения криминалистических мер деятельности или криминалистического обеспечения расследования преступлений:

- достаточной оснащенности материальными объектами криминалистической техники правоохранительных органов;
- наличием подготовленных кадров для криминалистических исследований в правоохранительных органах;
- адаптацией к практическому применению знаний из области криминалистики и иных наук в следственной деятельности;

– практическими возможностями следователей по использованию криминалистических средств и методов при выполнении своих уголовно-процессуальных функций;

– системного содержания и постоянного совершенствования криминалистических средств и методов для их применения в практической деятельности правоохранительных органов.

Освещая возможности криминалистического обеспечения расследования преступлений, В. П. Лавров предлагал активно применять новые возможности отдельных средств научных знаний, направленных на раскрытие преступлений в условиях неочевидности. К ним он относил систему полиграфа, возможности гипнорепродукции, когнитивные методы получения и использования информации, возможности геномных экспертиз, методы криминалистического профилирования и иные новые поисковые технико-криминалистические средства [5, с. 334]. В целом, поддерживая все перечисленные направления криминалистических исследований и их применение в работе правоохранительных органов, следует отметить, что не все они имеют процессуальное или доказательственное значение, во всяком случае на сегодняшний день. Однако криминалистика, с одной стороны, отличается своей синтезирующей ролью в использовании любых наук для успешного раскрытия и расследования преступлений, а с другой стороны, область криминалистики часто применяется в условиях неочевидности совершаемых преступлений. Поэтому часть знаний в криминалистике может быть применима для получения процессуальной или доказательственной информации, а другая часть для ориентирующих знаний, построения версий, для оперативных способов работы. И поэтому для практических работников органов следствия важно четко уметь все это разделять, например, не используя результаты работы полиграфа в доказывании виновности человека в совершении преступления. И в то же время необходимо обладать профессиональными навыками эффективного применения средств криминалистического обеспечения при расследовании преступлений для получения процессуальных доказательств виновности лица в совершении преступлений.

Разумеется, при работе В. П. Лаврова в Академии управления МВД России невозможно было пройти мимо проблемы *соотношения криминалистики и организации расследования преступлений*, чему были посвящены отдельные работы ученого либо они им затрагивались при освещении других вопросов криминалистики. По этому поводу В. П. Лавров писал, что основой организации расследования преступлений, как главной частью этой научной категории, являются положения науки управления, а не криминалистики. Вместе с тем выводы по этой проблеме были несколько иные, когда ученый отмечал, что вопросы четкого определения, разграничения в соотношении наук криминалистики и управления пока решены в науке и педагогической деятельности недостаточно, и это несмотря на наличие ряда успешно защищенных кандидатских диссертаций по проблемам криминалистического обеспечения [6, с. 231].

На наш взгляд, содержанием управленческой деятельности по организации расследования преступлений в правоохранительных органах, во всяком случае, при следственной деятельности, всегда является криминалистика. Дело в том,

что понятие управления – это всегда определенное маневрирование или руководство элементами заданной системы в зависимости от внешних и внутренних ситуаций исходя из самого предмета деятельности, в данном случае при расследовании преступлений. И чтобы правильно организовывать и распределять нагрузки элементов, их функциональные направления деятельности, то следует знать досконально сам предмет деятельности. Более того, именно из глубокого и широкого знания предмета деятельности, а это сама криминалистика, будет строиться эффективная система управления и расследованием преступлений. Тем самым при отсутствии знаний в области криминалистики никакая наука управления не поможет в эффективном раскрытии и расследовании преступлений. Либо эффективность такого управления без знаний криминалистики будет в одном – невмешательстве в процесс расследования преступлений.

За время своей исследовательской деятельности В. П. Лавров постоянно исследовал проблемы противодействия расследованию преступлений, деятельность следователя по приостановленным уголовным делам, проблемы розыскной деятельности в криминалистике и в уголовном процессе. Все названные и ряд других направлений научных исследований В. П. Лаврова были вызваны беспокойством ученого, что следователи мало проявляют активности по уголовным делам, расследование которых приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. И в этом случае ученым и его соискателями в диссертационных работах разрабатывались новые способы и методы активизации расследования по приостановленным уголовным делам. Как сотрудник органов внутренних дел В. П. Лавров всегда выступал за активную деятельность следователя при розыске скрывшихся преступников, не оставляя данную работу только на активность оперативно-розыскным органам. В частности, он писал, что в современных условиях назрела необходимость разработки новых и совершенствования имеющихся методик расследования преступлений отдельных видов, которые нередко связаны с осуществлением розыска скрывшихся подозреваемых (обвиняемых). Недостаточно эффективная работа по использованию уже предусмотренных нормативными актами мер по розыску объектов, интересующих следствие, проявляется в низком уровне взаимодействия сотрудников следственных и оперативно-розыскных аппаратов по делам о нераскрытых преступлениях как текущих, так и прошлых лет [7, с. 182–185].

И здесь необходимо отметить, что следственная практика начала активно изменяться. В частности, с положительной стороны следует отметить инициативу Председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина о создании отдельных подразделений в его ведомстве занятых исключительно раскрытием преступлений прошлых лет, в большинстве случаев которыми являются убийства. Думается, и работы В. П. Лаврова в данном случае сыграли положительную роль в новом направлении работы следователей Следственного комитета Российской Федерации.

Объединяя названные и иные направления исследовательской деятельности В. П. Лаврова, мы видим, что он был ученым-криминалистом с активной жизненной позицией по наиболее актуальным направлениям научного подхода

борьбы с преступностью в России. За долгие годы своей научной и преподавательской работы профессор В. П. Лавров обучил тысячи оперативных и руководящих работников органов внутренних дел по наиболее актуальным проблемам криминалистического обеспечения расследования преступлений. И, разумеется, влияние теоретических трудов В. П. Лаврова на деятельность как практических работников правоохранительных органов, так и ученых в сфере науки криминалистики, уголовного процесса, оперативно-разыскной деятельности будет иметь место и в дальнейшие годы.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистика. Проблемы сегодняшнего дня. М. : Норма : Инфра-М, 2001.
2. Лавров В. П. Частные криминалистические теории: современное состояние и тенденции развития // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 85–90.
3. Лавров В. П. Частные криминалистические теории как элемент криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России : уроки истории проблемы дальнейшего реформирования : сборник статей, 2016. С. 225–229.
4. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2008.
5. Лавров В. П. Некоторые современные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений / под ред. И. П. Можяевой // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы : сборник научных статей. М. : Академия управления МВД России, 2017. С. 331–336.
6. Лавров В. П. К вопросу о соотношении криминалистики и организации расследования преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник статей. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. А. Лукьянова, 2015. С. 226–232.
7. Лавров В. П. Проблемы розыскной деятельности в криминалистике и уголовном процессе // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сборник статей. Рязань, 2021. С. 182–186.

Хрусталеv В. Н.¹,

главный научный сотрудник

Центра правовой экспертизы в сфере противодействия

идеологии терроризма и профилактики экстремизма

Московского государственного юридического

университета имени О.Е. Кутафина,

доктор юридических наук, профессор

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ БУДУЩИМ СПЕЦИАЛИСТАМ-КРИМИНАЛИСТАМ И СУДЕБНЫМ ЭКСПЕРТАМ

Наука криминалистика – явление уникальное, и уникальность ее, определяющая удивительно широкие возможности разрабатываемых в ее рамках методов и средств, состоит в синтетическом характере этой науки, однако такие качества она приобрела не сразу. Криминалистика, зародившись (и на Западе, и в России) как естественно-техническая наука прикладного характера, к указанному времени в нашей стране (в отличие от развитых стран Запада и Востока) стала трактоваться как наука юридическая, что не лучшим образом сказывалось на профессионализме таких носителей криминалистических знаний, как специалисты-криминалисты и эксперты-криминалисты тех лет.

Академическая подготовка экспертов-криминалистов и, соответственно, специалистов-криминалистов зародилась в СССР в середине прошлого столетия, и длительное время осуществлялась только в образовательных учреждениях МВД [1, с. 87–94]; изначально (45 лет) она была жестко связана с юридическим образованием, поскольку готовили только экспертов-криминалистов – представителей, как тогда считалось, юридической науки. В соответствии с этим и эксперты-криминалисты по образованию становились юристами. Следует признать, что первоначальный этап академической подготовки судебных экспертов, связавший экспертную специальность с юридическим образованием, прямо противоречил опыту подготовки экспертов-криминалистов в развитых западных странах, при котором химия, физика, биология и математика занимают главное место в обучении: в зависимости от конкретной экспертной специальности и конкретного высшего учебного заведения удельный вес преподавания естественных наук составляет от 53 до 92 % учебного времени [2, с. 57–65]. Данное решение противоречило и здравому смыслу, поскольку судебный эксперт, в том числе эксперт-криминалист, интересен юристу (следователю, дознавателю, прокурору, судье, адвокату) лишь как носитель специальных неюридических знаний, которыми указанные лица не обладают. Это изначально определило существенные ограничения в качестве подготовки экспертов и специалистов-криминалистов. *Представляется, что и западный, и отечественный подходы того времени являются крайностями, одинаково отдаленными от оптимального соотношения естественнонаучных и юридических знаний в структуре подготовки сведущих лиц.*

¹ © Хрусталеv В. Н., 2023.

Показательно, что патриарх отечественной криминалистики – профессор Р. С. Белкин, один из самых последовательных сторонников юридической природы криминалистики, позднее кардинально пересмотрел свои взгляды и пришел к выводу, что криминалистику нельзя рассматривать как чисто юридическую науку. Ее трансформированное содержание – это сплав данных самых различных наук: общественных, естественных и технических, поэтому Р. С. Белкин констатировал синтетическую природу науки криминалистики. На международном симпозиуме «Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью», организованном ЭКЦ МВД России в 1994 г., Р. С. Белкин выступил с блестящим докладом «Криминалистика и теория судебной экспертизы: природа и связи», в котором последовательно доказал ошибочность всех аргументов, с которыми сам же ранее отстаивал юридическую природу криминалистики [3, с. 8–15]. На такой шаг способен лишь по-настоящему большой Ученый, каким и был Рафаил Самуилович! Довольно быстро научная позиция Р. С. Белкина, авторитет которого среди криминалистов был, и остается до настоящего времени непререкаем, стала общепринятой, тем самым вышеуказанное существенное препятствие для отделения экспертной подготовки от юриспруденции было преодолено [4, с. 784–789]. Самостоятельная экспертная специальность «Судебная экспертиза» появилась именно в соответствии с потребностями следственной и экспертной практики в более качественных специалистах. Именно реальная (а не просто декларируемая) синтетическая природа криминалистики, которая призвана творчески приспособлять для целей судопроизводства достижения естественных, технических и общественных наук, и определяет ее широчайшие возможности!

Так каковы же пределы применения криминалистических знаний на практике? Если говорить о деятельности сведущих лиц – носителей специальных знаний (специалистов и экспертов), то для специалистов-криминалистов, привлекаемых к участию в следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях, благодаря которым в дела попадает ценнейшая розыскная и доказательственная уголовно-релевантная информация, наука криминалистика (все ее разделы, и в первую очередь общая теория и криминалистическая техника) является базовой, методологической основой. Что же касается экспертов-криминалистов, специалистов в области традиционных и нетрадиционных криминалистических экспертиз, то для уяснения значения криминалистики в их профессиональной деятельности следует обратиться к чисто теоретическому вопросу о классификации судебных экспертиз по характеру специальных знаний экспертов.

В рамках указанной классификации традиционно используются такие классификационные единицы, как классы, роды, виды и подвиды (разновидности) судебных экспертиз. Однако Е. Р. Россинская предложила основной единицей классификации судебных экспертиз по характеру специальных знаний эксперта считать не класс, а род экспертиз, который связан с определенными задачами и объектами исследования, на том основании, что в классах экспертиз содержание родов почти всегда далеко не бесспорно и вызывает дискуссии [5, с. 141–142]. С нашей же точки зрения, класс экспертизы составляют экспертные исследования, объединяемые общностью знаний, служащих источником формирования

теоретических и методических основ судебных экспертиз, и объектов, исследуемых на базе этих знаний (криминалистические, судебно-медицинские и т. д.). Именно, сообразуясь с принадлежностью конкретной экспертизы к тому либо иному классу, в котором собраны экспертизы, объединенные общей методологической основой, должен решаться вопрос о содержании базовой, фундаментальной подготовки экспертов соответствующего рода. И в том, что отдельные роды экспертиз, возникших на стыке разных областей знаний вследствие процесса интеграции научного знания, могут быть включены в разные классы судебных экспертиз, никакого противоречия нет [6, с. 90–101].

С учетом изложенного *в классе криминалистических экспертиз собраны те судебные (традиционные и нетрадиционные криминалистические) экспертизы, для которых именно наука криминалистика является методологической основой.* Чтобы убедиться в этом, нужно вспомнить, что Особенная часть криминалистической техники как раздела науки криминалистики состоит из отраслей, все из которых (за исключением одной – криминалистической регистрации) формулируют закономерности возникновения, обнаружения, исследования и использования различных видов материальных следов, на основе познания которых разрабатываются средства и методы их собирания, исследования, оценки и использования в раскрытии и расследовании преступлений. *Вот почему, а это совершенно очевидно, в этих отраслях и содержится научное обоснование соответствующих традиционных и нетрадиционных криминалистических экспертиз;* в трасологии – научное обоснование трасологической экспертизы, в криминалистическом исследовании документов – почерковедческих, технико-криминалистических и автороведческих экспертиз, в габитоскопии – портретных экспертиз, в криминалистической фоноскопии – фоноскопической экспертизы, в КИВМИ (криминалистическом материаловедении) – криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий из них и т. д. И это, невзирая на то, что методики производства этих экспертиз подразумевают использование различных, и не только собственно криминалистических, методов исследования; методологическая основа у всех этих экспертиз одна – наука криминалистика. *Это означает, что в структуре подготовки специалистов области традиционных и нетрадиционных криминалистических экспертиз криминалистика должна занимать ключевое положение!* Их знания должны включать и положения общей теории криминалистики, особенно положения, отражающие объективные закономерности механизма преступления в аспекте криминалистики – закономерности собирания, оценки и использования доказательств, в том числе криминалистические учения о закономерностях возникновения информации о преступлении и преступнике. Эксперты должны быть знакомы с частными криминалистическими теориями, входящими в общую теорию криминалистики, такими как: криминалистические учения о способе совершения и сокрытия преступлений, о механизмах слеодообразования, о признаках, о фиксации доказательственной информации, теории криминалистической диагностики и идентификации, а также знать общие принципы методики криминалистических экспертных исследований, понятийный аппарат криминалистики, учение о методах криминалистики.

То, что при разработке общей теории судебной экспертизы пытались ее создать на основе теории криминалистических экспертиз, вычленив последнюю из криминалистики, не является основанием для отрицания очевидного вышеизложенного. Попытки жесткого размежевания криминалистики и общей теории судебной экспертизы (судебной экспертологии), методы, приемы и средства которых в рамках раскрытия и расследования конкретных преступлений используются совместно, зачастую причудливо переплетаясь, неприемлемы.

Но только ли экспертам-криминалистам необходимы криминалистические знания? Думается, что наука криминалистика значима для любых судебных экспертиз. Примером этого могут служить судебно-медицинские экспертизы, входящие в соответствующий класс судебных экспертиз, и для которых методологической основой является медицина, а судебно-экспертной отраслью знания судебная медицина. Судебные медики, участвуя в качестве специалистов в следственных действиях и производя судебно-медицинские экспертизы, постоянно используют и теоретические положения криминалистики, и криминалистические методы, приемы, рекомендации. Доказательством служит подготовка авторитетными судебными медиками учебников, учебно-методических пособий и справочников по судебной медицине и криминалистике:

1) двухтомное издание избранных лекций по судебной медицине и криминалистике – коллективный труд профессорско-преподавательского состава ведущего научного, образовательного и практического центра судебной медицины страны – кафедры судебной медицины Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии, а также других учебных и практических учреждений Санкт-Петербурга и Москвы [7];

2) справочник по медицинской криминалистике [8];

3) фундаментальное издание Медицинская криминалистика, подготовленное авторитетным чешским судебным медиком, профессором Эдвардом Кноблом [9].

Последний в предисловии к своей книге указал: «При современном состоянии науки в борьбе с преступностью недостаточно успешного вмешательства одних следственных органов, профессиональных криминалистов, но необходимо их тесное сотрудничество с экспертами самых разнообразных научных областей. При ведении следствия по уголовным преступлениям чаще всего привлекают к сотрудничеству врачей, хорошо обученных криминалистике и криминальной психологии. Сотрудничество врача с криминалистами должно быть как можно более тесным, так как при расследовании определенного криминального случая было бы большой и основной ошибкой, если бы криминальный техник и врач работали отдельно. В судебном следствии, которое имеет своей целью розыск и задержание виновника преступления, а затем и его воспитание и исправление, можно различать две стадии. В первой стадии дело идет, главным образом о розыске и сборе вещественных доказательств и определении обстоятельств преступления. Вторая стадия – это стадия юридической оценки и критики обнаруженного доказательного материала. Обсуждение дела с точки зрения юридической не касается врачей, а является делом прокурора и суда. Напротив, в первой

стадии, в стадии розыска, сотрудничество врача со следственными органами часто очень важно, и единственно совершенной его организацией могут быть надлежащим образом и полностью исчерпаны все возможности, необходимые для объяснения преступления и установления личности преступника. Заключение врача-специалиста бывает очень часто единственным руководством для дальнейшего хода расследования».

Но только ли в рамках уголовного судопроизводства могут использоваться криминалистические знания? Разумеется, нет! Криминалистика значима в рамках судопроизводства в целом, полезна при расследовании не только уголовных преступлений, но и других правонарушений в рамках гражданского, арбитражного процесса, административного судопроизводства, а криминалистические знания необходимы не только следователям, специалистам и экспертам, но и судьям и адвокатам. Но если эти знания, методы, приемы, рекомендации используются за рамками уголовного судопроизводства, они не перестают быть криминалистическими. И то, что в учебных планах, рабочих программах по образовательной специальности «Судебная экспертиза» учебная дисциплина «Криминалистическая фотография и видеозапись», соответствующая одноименной отрасли криминалистической техники, была переименована в «Судебную фотографию и видеозапись» на том основании, что наработки указанной отрасли криминалистической техники используются в судопроизводстве в целом, зачастую за рамками уголовного судопроизводства, а значит, выходит за рамки криминалистики, не выдерживает критики и должно быть исправлено.

Более того, достижения криминалистики с успехом используются и за рамками судопроизводства, вне всякой связи с совершением каких-либо правонарушений. В предмет криминалистики входят, наряду с другими, закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках, основанные на таком свойстве материи как свойство отражения. Но криминалистам, работающим со следами расследуемого события, имея в виду, прежде всего, материальные следы, не принципиально, событие это криминальное или нет. Любое событие происходящее в подлунном мире, сопровождается образованием его следов, и поэтому, используя инструментарий криминалистики, можно одинаково успешно устанавливать обстоятельства как криминального, так и любого другого события, происшедшего как недавно, так и очень давно, примеров тому множество! Так, например, можно вспомнить использование возможностей криминалистического исследования документов применительно к произведениям изобразительного искусства и использование археологами приемов, разработанных в криминалистическом материаловедении применительно к следам преступлений в виде микрообъектов, при исследовании исторических артефактов. Но используемые при этом методы, приемы, рекомендации не перестают быть криминалистическими.

Теперь о том, как криминалистика должна преподаваться в специализированных вузах. Прежде всего, она должна преподаваться профильно, с учетом адресата. И будущим юристам (следователям, оперативным сотрудникам, судьям), и будущим судебным экспертам, и специалистам-криминалистам общая теория

криминалистики должна преподаваться одинаково подробно, но для лучшего понимания с примерами из будущих областей их профессиональной деятельности. В дальнейшем траектория преподавания должна быть различной: юристам криминалистическая техника должна преподаваться в ознакомительном плане, а криминалистическая тактика и методика очень глубоко и подробно, а экспертам в дальнейшем основной упор следует делать на глубокое и детальное изучение криминалистической техники, тогда как криминалистическая тактика и методика должна преподаваться в ознакомительном плане для понимания того, как специалисты-криминалисты и эксперты должны оптимальным образом вписываться в тактику отдельных следственных действий и расследование отдельных видов и групп преступлений. Рабочие программы по криминалистике для юристов и экспертов должны несколько различаться и по распределению бюджета учебного времени, и по изучаемым темам. Но, к сожалению, так бывает не всегда. Так, в Юридическом институте Российского университета транспорта, в котором ранее преподавал, в том числе и криминалистику (и экспертам, и юристам) автор этой статьи, несмотря на расхождение рабочих программ и по темам, и по часам, эффективные менеджеры от образования из соображений экономии предписали проводить лекции юристам и экспертам совместно, на потоке, в результате чего и первые, и вторые криминалистику толком не освоили, хотя до этого нововведения все было прекрасно.

Теперь важный вопрос: вслед за изучением криминалистики будущие эксперты начинают изучать многочисленные учебные дисциплины, в которых соответствующие разделы и подразделы криминалистики преподаются более глубоко и подробно. Нужно ли с учетом этого сокращать преподавание этих разделов и подразделов в курсе криминалистики? Ни в коем случае! Будущие специалисты и эксперты должны изучить полноценный практико-ориентированный курс криминалистики, без каких-либо сокращений, в результате чего у студентов должно сформироваться целостное законченное представление об этой науке, ее возможностях во всех ее проявлениях и взаимосвязях. А при преподавании последующих дисциплин необходимо, опираясь на ранее полученные не только знания, но и умения, с небольшими повторами основополагающих моментов переходить к изучению нового материала. Но чтобы общий результат был положительным, необходимо, во-первых, обеспечить логическую последовательность преподавания, во-вторых, и криминалистику, и последующие дисциплины необходимо преподавать одинаково профессионально, с преемственностью изложения.

И последнее, ради чего преподается криминалистика, чего мы ждем по итогам ее изучения? Если криминалистические знания нужны студенту только для того, чтобы пересказать их на экзамене, то это не знания, они лишь засоряют оперативную память, не отлагаются в долгосрочной памяти, никакого практического значения не имеют. Такие «знания» способен дать обучаемым и преподаватель – «кабинетный криминалист», который живого преступника в глаза не видел, на реальном месте происшествия побывал разве что во время прохождения практики, сразу после окончания вуза поступил в аспирантуру, адъюнктуру, защитил диссертацию, преподает криминалистику в вузе. Он способен научить

студента с грехом пополам порассуждать на криминалистические темы, но применять свои знания в реальных условиях раскрытия и расследования не может в принципе.

Представляется, что нашей целью является подготовить студента, не только обладающего достаточно обширными криминалистическими знаниями, умениями и навыками, с упором не на механическое их запоминание, а на освоение через понимание, способного их творчески и осознанно применять на практике, участвуя в работе по раскрытию и расследованию конкретного, а значит, обладающего своей индивидуальностью, неповторимостью преступления. Уместно привести слова известного криминалиста, великого практика, и теоретика, и педагога – Марата Константиновича Каминского: «... есть основание утверждать, что криминалистически образованный человек, т. е. криминалист в полном смысле этого слова, тот, кто в своей мыслительной деятельности способен осуществить проекцию теоретических моделей раскрытия преступлений на раскрытие отдельного, а значит, индивидуального случая практики» [10, с. 6]. Такую подготовку может осуществить только такой педагог, который сам является носителем соответствующих криминалистических технологий. Вот почему должно стать обязательным требованием к педагогам, преподающим криминалистику и иные прикладные дисциплины, наличие существенного (не менее пяти лет) положительного опыта практической криминалистической деятельности (следственной, экспертной).

Список литературы

1. Хрусталева В. Н. Беспрепятственное использование специальных знаний – обязательное условие противодействия особо опасным преступлениям в условиях цифровизации и информатизации общества и государства // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 87–94.
2. Хрусталева В. Н. Опыт подготовки экспертов-криминалистов (по материалам зарубежной печати) // Экспертная практика. 1995. № 38. С. 57–65.
3. Белкин Р. С. Криминалистика и теория судебной экспертизы: природа и связи // Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью : тезисы докладов. М. : ЭКЦ МВД России, 1994. С. 8–15.
4. Хрусталева В. Н. Роль Р. С. Белкина в модернизации Российской академической подготовки судебных экспертов // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина : сборник статей. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 784–789.
5. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2006.
6. Хрусталева В. Н. Влияют ли научные системные построения на криминалистическую и судебно-экспертную практику? // Вестник криминалистики. 2016. № 1. С. 90–101.
7. Избранные лекции по судебной медицине и криминалистике (в двух томах) / под ред. В. Д. Исакова. СПб. : Военно-медицинская академия, 1996.
8. Федосюткин Б. А. Справочник по медицинской криминалистике. Ростов-н/Д : Феникс, 2012.

9. Кноблех Э. Медицинская криминалистика. Прага : Государственное издательство медицинской литературы, 1960.

10. Каминский М. К., Каминский А. М. Криминалистика: курс лекций для бакалавров / под ред. М. К. Каминского. Ижевск : Jus est, 2012.

Архипова И. А.¹,

заместитель начальника кафедры криминалистики

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

Владимир Петрович Лавров является выдающимся ученым-криминалистом, всю свою сознательную жизнь посвятивший проблемам раскрытия и расследования преступлений – сначала на работе в следствии, в последующем при разработке научных теорий и концепций. Под его руководством защищены кандидатские и докторские диссертации. В. П. Лавров дал дорогу в научный мир многим, в числе которых была и я. Владимир Петрович не только мой научный руководитель по кандидатской диссертации, рецензент пособий и монографии, консультант по докторской диссертации, он – мой Учитель и в науке, и в жизни.

В своей научной деятельности большое внимание я уделяю изучению проблем методики расследования отдельных видов преступлений, поэтому в данной статье мне хотелось бы обозначить основные элементы криминалистической характеристики расследования незаконной охоты, т.к. именно с предложения В. П. Лаврова о разработке данной проблематики начался мой путь в науку криминалистику.

Отдельно хочу отметить, что последним учеником Владимира Петровича был адъюнкт нашей кафедры С. С. Сенькевич, который завершил свое исследование по теме, посвященной незаконной охоте.

Личность преступника является одним из основных элементов криминалистической характеристики преступления, т. к. лицо, совершившее преступление, обладает полной информацией о самом преступлении, следовательно, установив с ним правильный контакт, следователь может получить полную картину случившегося. Криминалистическая характеристика личности любого преступника включает в себя социально-демографические критерии, психологические и физиологические.

Говоря о криминалистической характеристике преступника-браконьера, следует сразу отметить, что это преимущественно преступники профессионалы. В этом, пожалуй, одно из основных отличий браконьера от охотника любителя. Несомненно, среди охотников-любителей также встречаются те, что имеют большой опыт в выслеживании и отстреле дичи и животных, но профессионализм охотников-браконьеров обуславливается, прежде всего, их мотивацией к совершению преступления. Общеизвестно, что в результате охоты лицо добывает охотничьи ресурсы, самым распространенным из которых является мясо животного, иными словами, целью охоты является добыча источников пропитания. Как пишет Е. В. Нецветова, тяжелое материальное положение занимает значимую позицию среди аспектов, побуждаемых лица к браконьерству [1, с. 149].

¹ © Архипова И. А., 2023.

В отдельных отдаленных районах нашей страны охота – это один из единственных способов добыть мясо как продукты питания, в особенности это проявляется на территории Алтайского края, Республики Якутия, Амурской области и других регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов России. В этой связи их незаконная деятельность становится постоянной, а, следовательно, профессиональной.

По исследованиям, которые проводили В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминова, большинство зафиксированных случаев незаконной охоты в России приходится на лиц, занимающихся данной деятельностью из спортивного интереса [2, с. 183–184]. Обуславливается это якобы тем, что на территории России охота с древних времен считается способом традиционным самоутверждения и поэтому имеет высокую популярность среди населения, так как дает возможность укрепить свой авторитет среди своего окружения. Мы лишь отчасти согласны с данной позицией. В подтверждение этому наглядны исследования и статистика ряда ученых, которые утверждают, что порядка 60 % браконьеров – это лица, имеющие высокий ежемесячный заработок, не нуждающиеся в охотничьих ресурсах как в средстве к существованию. Разумеется, спортивный интерес в рамках мотивов, побуждаемых преступника к браконьерству, присутствует, но в действительности говорить об общих чертах личности преступника браконьера нельзя. Вызвано это высоким уровнем латентности данных преступлений. Ввиду того, что большое количество охотничьих угодий в России имеет площадь свыше нескольких сотен квадратных километров, контролировать обстановку там чрезвычайно сложно, подразделений по охране и защиты природных ресурсов в России немного. В этой связи хотим согласиться с мнением А. С. Курманова, который утверждает, что в России практически невозможно установить точную цифру преступлений в сфере незаконной охоты [4, с. 158].

Говоря о демографическом портрете преступника, хотим сослаться на данные, которые предоставляет официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Так, на сегодня в России только официально зарегистрировано 4,5 млн охотников, порядка 95 % из них это мужчины. Ввиду того, что официальная судебная статистика по приговорам по ст. 258 УК РФ не обширна, то считаем правильным полагать, что среди браконьеров соотношение мужчин и женщин идентичное. Как пишет М. А. Васильева, данный вид преступлений в основном совершают мужчины средних лет в возрасте от 30 до 50 лет, с образованием не ниже среднего, при этом данному виду преступникам не свойственно наличие судимости [5]. Большинство преступников, осуществляющих отстрел нередких видов животных, делает это из-за реальной потребности в охотничьих ресурсах, за счет которых зачастую живет. В данном случае нельзя говорить о полностью асоциальном поведении лица, данное поведение было бы правильнее охарактеризовать как нигилизм по отношению к природе. Одиночная охота достаточно редкое явление, поэтому браконьеры действуют, как правило, в составе группы. В качестве поделщиков выбираются родственники или близкие друзья и знакомые.

Значительно отличаться будет криминалистическая характеристика личности браконьера охотника-любителя. Прежде всего, предметом его посягательства.

Если человек, охотящийся из-за объективной необходимости, выбирает себе в качестве объекта охоты животное или птицу исходя из своих потребностей в полученном мясе, рогах, пушнине, то охотник-любитель выбирает жертву исходя из ее редкости и «престижности». Данные преступники выбирают недоступные для большинства места для охоты. Так, например, в 2021 г. сотрудниками МВД на территории Рязанского природного заповедника были задержаны высокопоставленные чиновники Рязанской областной администрации, незаконно охотившиеся на территории заповедника на уток, в числе задержанных был и вице-губернатор Рязанской области. Если у браконьеров-профессионалов одной из детерминант совершения преступления выступает нежелание платить сбор за разрешение на охоту, то у браконьеров-любителей это жажда самоутверждения. Социальный и имущественный статус у браконьеров-любителей выше, но при этом менее развиты навыки охоты [6]. Психологический портрет браконьера охотника-любителя характеризуется более высокой склонностью к антиобщественному поведению, так как незаконная деятельность выступает уже самоцелью, а не способом выживания.

Согласно официальной статистике рецидивистов среди преступников браконьеров практически не выявляется. Как пишет П. С. Дагель, это обусловливается тем, что ранее привлекавшийся к уголовной ответственности преступник становится более осмотрительным и осторожным, не оставляет за собой следов преступления и становится более избирательным к месту проведения охоты [7, с. 34]. Преступники склонны к противодействию правоохранительным органам, вины в совершении своих преступлений не признают или признают только частично, пытаются сослаться на то, что проводимая ими охота была законной или что о ее незаконности они не знали.

Немалую роль в выборе преступной деятельности играет пространственное расселение. Большинство браконьеров-профессионалов являются местными жителями той области, в которых совершают преступления. В то время как браконьеры охотники-любители приезжают из крупных населенных пунктов в более мелкие лишь на время. Следует констатировать, что незаконная охота наиболее свойственна сельским населенным пунктам или городским поселениям с небольшой численностью (до 30 000 человек). Незаконная охота – явление, редко встречающееся на территории Южного и Северо-Кавказского Федеральных округов ввиду малого количества охотничьих угодий там. В этой связи преступления в сфере незаконной охоты имеют ярко выраженную региональную специфику.

Мы выделяем две большие разновидности преступников-браконьеров – преступников, которые занимаются незаконной охотой в целях улучшения своего материального положения, и преступников, которые руководствуются спортивным интересом.

В заключение своего повествования хотелось бы отметить большую помощь и поддержку Владимира Петровича Лаврова в нашей научной деятельности.

Список литературы

1. Нецветова Е. В. Криминалистическая характеристика личности браконьера (на примере незаконной охоты) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 148–153.
2. Криминология : учебник / [С. Б. Алимов и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 2-е перераб. и доп. изд. М. : Юристъ, 1997.
3. Кочергин Г. М., Костыря Е. А., Минаев В. В. Личность преступника-браконьера: особенности лиц, совершающих незаконную добычу водных биоресурсов в субъектах Северо-Западного федерального округа // Молодой ученый. 2012. № 2 (37). С. 198–202.
4. Курманов А. С. Незаконная охота: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Челябинск, 2002.
5. Васильева М. А. Типовая криминалистическая характеристика лиц, совершающих экологические преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipovaya-kriminalisticheskaya-harakteristika-lits-sovershayuschih-ekologicheskie-prestupleniya>.
6. Савиченко И. А. Личность преступника как один из элементов криминалистической характеристики экологических преступлений // Сибирский юридический вестник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-kak-odin-iz-elementov-kriminalisticheskoy-harakteristiki-ekologicheskikh-prestupleniy-1>.
7. Дагель П. С. Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду. М., 2002.

*Данильян Э. С.¹,
начальник кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

О ПЛАНИРОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО НЕРАСКРЫТОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Неочевидное преступление – правонарушение, по которому на момент возбуждения уголовного дела не было исходных (установочных) данных о лице, его совершившем. Так, этот термин понимается в ведомственных нормативных актах и специальной литературе [1, с. 3].

В теории и практике по-разному называют преступления, по которому не установлено виновное лицо, одни понимают, как неочевидное, другие нераскрытое, но проблемы, которые стоят перед органами предварительного расследования по данным уголовным делам, одинаковые. О планировании расследования преступлений написано достаточное количество статей, трудов, однако считаем целесообразным продолжить рассмотрение проблемы, которая определена в трудах В. П. Лаврова [3]. Проблема нераскрытых преступлений по уголовным делам и решение задач раскрываемости касаются всех правоохранительных органов нашей страны.

При расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности, возникает большое количество проблем. Одной из проблем является планирование расследования нераскрытых преступлений. Планирование работы по нераскрытому преступлению «представляет собой сложную умственную работу следователя, поскольку, составляя план, он должен предвосхищать совокупность вопросов, подлежащих разрешению, и весь перечень обстоятельств, которые необходимо установить в процессе расследования, с целью установления лица, совершившего» [2, с. 82] преступление.

Нами было изучено 134 уголовных дела, возбужденных по фактам хищений, и только в 45 % уголовных дел следователями был составлен план совместных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Анкетирование следователей, в производстве которых находились и находятся уголовные дела по нераскрытым преступлениям, показало, что всем известно о необходимости составлять план расследования по уголовному делу, особенно по приостановленному, однако 70 % опрошенных не видят в этом принципиальной необходимости, а также в выдвижении и проверке версий, остальные (30 %) опрошенных указали, что такой план необходим, поскольку без письменного плана сложно запомнить те или иные мероприятия в объеме большого количества приостановленных дел. Кроме того, установлено, что отдельные планы составлены формально, версии отработаны в срок не полностью, нарушены сроки выполнения запланированных мероприятий, и следственных действий.

¹ © Данильян Э. С., 2023.

Среди ученых и практических сотрудников нет единого подхода к составлению плана совместных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. На сегодняшний день форма указанного плана выбирается следователем и зависит от его практического стажа, от практики расследования в данном населенном пункте.

Изучив литературу и следственную практику, а также основываясь на собственном практическом опыте работы в должности следователя, считаем, что содержание единого согласованного плана совместных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий должен содержать следующее:

- место и дата вынесения плана;
- фабула произошедшего события;
- версии, выдвинутые по данному факту субъектом расследования;
- перечень оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, необходимых для отработки каждой выдвинутой версии;
- сроки исполнения и ответственные исполнители по каждому оперативно-разыскному мероприятию, следственному действию;
- тактические приемы, направленные на установление [2, с. 81–87] преступников.

Предлагаем также разделить планирование нераскрытого преступления на три этапа:

Первый этап планирования – первоначальный этап планирования расследования – начинается с момента получения информации о совершенном нераскрытом преступлении, который должен включать в себя выдвижение версий всеми участниками следственно-оперативной группы, составление письменного плана расследования, отработки всех выдвинутых версий, сбор и анализ доказательств совершенного нераскрытого преступления. Данный этап заканчивается установлением лица либо лиц, совершивших преступление. В случае если на данном этапе лицо, совершившее преступление, установить не представляется возможным, то следователь принимает решение о приостановлении предварительного следствия в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). После принятия данного решения следователь совместно с оперативным аппаратом продолжают работу по установлению лица, совершившего данное преступление.

Второй этап планирования – последующий – начинается с допроса подозреваемого лица (либо группы лиц), избрании меры пресечения в отношении подозреваемого. Второй этап предлагаем называть последующим этапом планирования расследования. На данном этапе следователь должен выдвинуть и проверить версии относительно причастности подозреваемого к совершению расследуемого преступления, проверить доказательства, в случае установления в действиях подозреваемого лица состава преступления принять решение о предъявлении ему обвинения. Данный этап планирования заканчивается принятием следователем решения об окончании предварительного следствия.

После чего начинается третий этап планирования расследования – заключительный этап планирования. На данном этапе следователь планирует сроки, место

и время ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела.

На наш взгляд, важным условием эффективной работы по расследованию не-раскрытого преступления будет составлять процесс планирования расследования.

Список литературы

1. Жбанков В. А. Криминалистические средства и методы раскрытия неочевидных преступлений : учебное пособие. М. : Академия МВД СССР, 1987.
2. Закиров С. Г. Выдвижение версий и планирование мероприятий, направленных на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, по приостановленным уголовным делам о грабежах и разбоях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 81–87.
3. Лавров В. П. Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет. М. : Академия МВД СССР, 1979.

Костенко К. А.¹,
*заведующий кафедрой уголовного права,
криминологии и уголовного процесса
Хабаровского филиала Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации*

О ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Определенная часть регистрируемых в настоящее время преступлений наиболее сложна в раскрытии и расследовании в связи с тем, что для их совершения применяются исключительно современные телекоммуникационные, компьютерные и иные электронные технологии (например, создание и распространение вредоносных компьютерных программ, различные формы кибермошенничества, использование для совершения преступления поддельных сайтов, распространение через сеть Интернет запрещенной законом информации и др.). Динамика совершения таких преступлений свидетельствует о том, что число их ежегодно растет, а раскрываемость остается невысокой.

Так, по данным Главного информационного аналитического центра МВД России за пять лет, с 2017 по 2021 г. ежегодная регистрация преступлений, совершаемых с использованием телекоммуникационных и компьютерных технологий, с 90 587 преступлений достигла 517 722, т. е. увеличилась более чем в 5,5 раз. При этом, если в 2017 г. раскрываемость таких преступлений находилась на уровне 22,5 % (20 424 преступлений), то спустя пять лет какого-либо реального прогресса достигнуто не было (в 2021 г. раскрыто 22,9 % преступлений (118 920)). Отчасти проблема раскрываемости рассматриваемого вида преступлений находится в состоянии действующего уголовно-процессуального законодательства, не позволяющего благополучно использовать все возможности имеющихся достижений науки и техники [12, с. 3–4].

Следует отметить, что вопрос о совершенствовании УПК РФ достаточно трудоемкий и длительный. Некоторые его нормы ожидают приведения в соответствие годами, даже после состоявшихся решений Конституционного Суда Российской Федерации [9].

Вместе с тем в современных условиях информатизации и цифровой трансформации в УПК РФ требуется совершенствование ряда норм, регулирующих, например: широкое использование в уголовном судопроизводстве электронно-цифровой подписи; правила перевода процессуальных документов в электронный вид; определение понятия электронной или компьютерной информации; вопросы о пределах участия специалиста при изъятии электронных носителей информации и др.

¹ © Костенко К. А., 2023.

К этому следует добавить, что остается нерешенным вопрос и о введении в УПК РФ понятия электронных материалов уголовного дела, что, например, существенно бы сократило сроки ознакомления с ними обвиняемого его защитника в электронном виде, и при передаче им их для изучения по электронным каналам связи. Особенно это касается больших уголовных дел, объем которых составляет от десятков до тысяч томов [6, с. 211–212].

По мнению профессора Ю. В. Гаврилина, развитие цифровизации способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений придает достаточно серьезный импульс развитию криминалистики в вопросах актуализации и разработки новых криминалистических технологий раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также совершенствования криминалистической деятельности [3, с. 65].

Изложенное свидетельствует, что в современных условиях информатизации и цифровой трансформации, при невозможности оперативного внесения изменений в УПК РФ, на передний план выходят вопросы совершенствования аналитической и исследовательской деятельности в криминалистике. Они предоставляют возможность решать самые сложные задачи в раскрытии и расследовании преступлений. В Следственном комитете Российской Федерации такие задачи решаются с помощью применения современных методик и технико-криминалистических средств, а также проводимых аналитических мероприятий, позволяющих выдвинуть и проверить все версии совершенного преступления.

В рамках такой работы, с учетом индивидуальности каждого преступления, рассматривается самый широкий спектр вопросов, например, связанных с изучением криминологической характеристики не только конкретного вида преступлений, но и смежных составов или с расширением аналитического охвата территориальных границ поисковых мероприятий до района, города, края и т. д. При этом наиболее важным здесь является определить верное направление расследования преступления или определенной его версии, что для следователя имеет первостепенное значение.

Значение аналитической и исследовательской криминалистической деятельности при расследовании конкретного преступления трудно переоценить. Сама по себе такая деятельность позволяет подобрать наиболее эффективные тактические приемы и технические средства, одновременно совершенствуя их использование, дать необходимые рекомендации с учетом современных методик расследования. На их основе обеспечивается дальнейшая выработка обоснованных, своевременных и наиболее рациональных управленческих решений руководителя следственного органа при реализации им организационно распорядительных функций и функций процессуального контроля.

В Следственном комитете Российской Федерации ряд наиболее сложных задач, в числе которых: обобщение и анализ следственной, криминалистической и экспертной практики раскрытия и расследования преступлений; проведение научных исследований в сфере криминалистического и экспертного сопровождения следствия; выработка необходимых предложений в рассматриваемой

сфере, возложена на специально созданное структурное подразделение – Управление научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательский институт криминалистики, далее – НИИ криминалистики) [8].

По мнению Председателя Следственного комитета А. И. Бастрыкина, создание НИИ криминалистики, как и некоторых других новых подразделений (например, отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий в составе Главного следственного управления – *прим. автора*), стало закономерным ответом на потребности следствия – поднять на новый уровень научное сопровождение криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Он также считает, что в ходе реализации разработанной в Следственном комитете Российской Федерации концепции развития криминалистической службы необходимо обеспечить наращивание научно-технического потенциала ведомства в борьбе с преступностью, активно развивать так называемую внеэкспертную цифровую криминалистику, основными направлениями которой являются поиск, извлечение, восстановление и другие виды обработки электронных данных, содержащихся в электронно-цифровых устройствах [5].

Выделяя внедрение и использование передовых информационных технологий, как одну из приоритетных задач Следственного комитета Российской Федерации на современном этапе, одновременно следует отметить, что важным аспектом аналитической и исследовательской работы при раскрытии и расследовании преступлений является ее совершенствование в современных условиях информатизации общественных отношений и развития цифровых технологий.

В этих целях для расследования преступлений в сфере информационных технологий Следственного комитета Российской Федерации применяет программное обеспечение и аппаратно-программные комплексы, активно проводит анализ биллинговой информации, детализацию телефонных соединений, оценку радиоэлектронной обстановки, получает и анализирует космические аэрофотоснимки, производит техническое улучшение фото- и видеоматериалов и др. [5].

Подавляющее большинство совершенных в современное время преступлений, с учетом возможности их раскрытия через так называемые цифровые следы, «обусловили существенное изменение механизма фиксации в окружающей действительности информации о совершенных преступных деяниях. Расследование практически каждого уголовного дела в настоящее время включает в себя поиск, изъятие и исследование электронных следов» [1, с. 46].

В связи с этим НИИ криминалистики Следственного комитета Российской Федерации проведены научные исследования, целью которых стало изучение способности реализации новых программных методов в установлении обстоятельств совершенных преступлений и причастных к ним лиц. Так, в ходе научно-исследовательской деятельности подверглись планомерному изучению данные о 1068 серийных преступлениях, совершенных из сексуальных побуждений 186 преступниками, совершенные в СССР и современной России (с 1973 г. по 2018 г.). В результате всего комплекса проведенной трудоемкой и скрупулезной научно-исследовательской работы создана программа на основе технологии искусственного интеллекта, с помощью которой криминалисты воссоздают наиболее вероятный портрет

серийного преступника (например, сексуального маньяка) по совокупности признаков совершенных им насильственных преступлений. Исследования показали, что такая программа способна достичь точности портрета серийного преступника от 80 % до 96 %. Для следственной деятельности здесь особенно важно то, что полученная с использованием этой программы информация в комплексе с другими сведениями по уголовному делу носит характер наиболее вероятных следственных версий и позволяет следователю более эффективно организовывать расследование [2, с. 47; 4].

Значительные объемы поступающей к следователю криминалистически значимой информации требуют немедленной ее обработки и принятия на ее основе организационных и процессуальных решений, поэтому закономерность развития искусственного интеллекта в настоящее время обусловлена в первую очередь необходимостью существенного снижения времени и трудозатрат на поиск, анализ и обобщение информации или данных, имеющих значение для уголовного дела (данных о лице, совершившем преступление, орудиях преступления и т. д.).

Но это лишь часть возможностей искусственного интеллекта. Наиболее значимым является его использование для определения следственной ситуации на основе первично собранных по делу данных, выдвижение конкретных версий, предложение пути дальнейшего расследования с указанием перечня необходимых следственных и иных процессуальных действий, что способствовало бы быстрому его раскрытию и расследованию [10, с. 69].

В целом результаты проводимой в Следственном комитете Российской Федерации аналитической и исследовательской работы в раскрытии и расследовании преступлений наглядно показывают ее результативность при расследовании конкретных преступлений.

Так, в результате проведенной специалистом Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации (ГУК) оценки радиоэлектронной обстановки по всей длине моста через р. Волга в Заволжском районе г. Ульяновска и последующего проведения следственного эксперимента по уголовному делу об убийстве монтажника железобетонных конструкций, установлено точное место его падения с моста в реку [7, с. 87–88].

Следователю ГСУ Следственного комитета Российской Федерации по г. Москва с участием специалиста ГУК в ходе расследования уголовного дела по факту совершения развратных действий в отношении несовершеннолетнего, удалось восстановить удаленные и поврежденные фото и видео данные с оборудования, изъятого у подозреваемого и произвести их улучшение, что способствовало установлению дополнительных эпизодов преступной деятельности [7, с. 87–88].

В ходе планомерной и кропотливой аналитической и исследовательской следственно-криминалистической работы по уголовному делу об убийстве по найму старшего следователя по особо важным делам МВД России на транспорте Е. А. Шишкиной специалистом было осмотрено более 100 цифровых объектов общим объемом более 300 Тбайт, где было визуализировано 11 300 автомобилей, последовательная отработка которых позволила установить идентификационные

номера автомобиля исполнителя этого особо тяжкого преступления, а в последующем задержать и его соучастника [7, с. 87–88].

Следует также обратить внимание и на то, что внедрение и использование передовых информационных технологий, а также совершенствование криминалистической деятельности в целом свидетельствуют о позитивных показателях следственной деятельности. Так, в 2022 г. следователями расследовано свыше 15 тыс. преступлений, совершенных с применением компьютерных технологий (+29 % к 2021 г.), на 9 % увеличилось число уголовных дел, направленных в суды в отношении коррупционеров (всего 10 тыс.), раскрыто 6 110 преступлений прошлых лет (в том числе 903 убийства), направлено в суд более 2 тыс. уголовных дел о преступлениях, совершенных мигрантами [8].

Подводя итоги, следует отметить, что в современных условиях цифровизации общественных отношений проведение аналитической и исследовательской работы при раскрытии и расследовании преступлений, позволяет не только достаточно быстро организовывать методико-криминалистическое обеспечение следственной деятельности по расследованию конкретного преступления, но и выявить основные трудности и противоречия, препятствующие установлению и исследованию цифровых вещественных доказательств, а также личности преступника.

Список литературы

1. Бессонов А. А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 3. С. 46–52.
2. Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 2. С. 45–53.
3. Гаврилин Ю. А. Основные направления развития криминалистических знаний в условиях информационного общества // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей. М. : Академия управления МВД России, 2018.
4. Интервью А. А. Бессонова агентству ТАСС. Руководитель НИИ криминалистики Следственного комитета Российской Федерации: идеальных преступлений не бывает. URL: <https://tass.ru/interviews/12688681>.
5. Интервью А. И. Бастрыкина Российской газете. Александр Бастрыкин: При расследовании сложных преступлений развивается цифровая криминалистика. URL: <https://alrf.ru/news/aleksandr-bastrykin-pri-rassledovanii-slozhnykh-prestupleniy-razvivaetsya-tsifrovaya-kriminalistika/>.
6. Костенко К. А. Использование информационно-коммуникационных технологий на стадии ознакомления с материалами уголовного дела / под ред. С. Ю. Рывкина // Современная криминалистическая деятельность, в том числе при расследовании гибели военнослужащих : вопросы теории и практики : сборник научных статей. Волгоград : Сфера, 2022. С. 209–215.

7. Ложис З. З. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в системе Следственного комитета Российской Федерации // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 86–90.

8. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/search?q=nauchno-issledovatel'skiy-institut-kriminalistiki-/>.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части 1 статьи 24 и пункта 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (2). Ст. 4698.

10. Сибилькова А. В. Искусственный интеллект на службе у следователя // Российский следователь. 2019. № 3. С. 68–70.

11. Фисаков М. Ю. Информационно-аналитическая деятельность следственных органов // Юрист-Правоведь. 2018. № 3 (86). С. 124–129.

12. Черкасов В. С. Правовое регулирование электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Хабаровск, 2022.

Лапин В. О.¹,
*профессор кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ЛАВРОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ – ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ-КРИМИНАЛИСТ И ЗАБОТЛИВЫЙ НАСТАВНИК

«Не могут люди вечно быть
живыми, но счастлив тот,
чье помнить будут имя».
Алишер Навои

Владимир Петрович родился 27 сентября 1932 г. в г. Вельске Архангельской области. Отец, Лавров Петр Варсановьевич, 1895 года рождения, был народным следователем районной прокуратуры. Мать, Лаврова Глафира Александровна 1897 года рождения, всю свою жизнь проработала учительницей.

Несмотря на тяжелые предвоенные и военные времена юности Владимира Петровича, ему удалось сформировать в себе те человеческие качества, которые он пронесет через всю жизнь и которые помогут ему стать выдающимся ученым. Неоценимый вклад в становление юноши и возможно выбор будущей профессии, как это и положено, внесли родители Владимира Петровича, которые без преувеличения были поистине примером беззаветного служения Родине и верности профессиональному долгу.

Так, за самоотверженный труд и высокие результаты в педагогической деятельности Г. А. Лаврова была награждена медалью имени выдающегося русского педагога К. Д. Ушинского, знаком «Отличник народного просвещения», двумя медалями «За трудовую доблесть», медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими наградами. В 1952 г. Глафире Александровне Лавровой было присвоено высокое звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Всю свою жизнь она посвятила обучению и воспитанию школьников.

Отец Владимира Петровича с 1918 г. связал свою жизнь со службой, как ска-зали бы сейчас в системе уголовной юстиции, в управлении милиции Вологодской губернии, а затем народным следователем при суде Вельского района и далее в Вельской районной прокуратуре Архангельской области. Во время Великой Отечественной войны участвовал в боевых действиях (52-й полк 23-й дивизии НКВД, Волховский фронт, Дорога жизни). Незадолго до смерти Петру Варсановьевичу приказом Генерального прокурора СССР от 27 октября 1950 г. присвоен классный чин – «юрист 3 класса».

В юношеские годы Владимир Петрович осознал цену знаниям и исключительную важность образования. Это позволило ему успешно освоить школьную

¹ © Лапин В. О., 2023.

программу и завершить обучение в Вельской средней школе № 1 с золотой медалью, а в последующем поступить на юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (1950 г.).

По окончании обучения в 1955 г. (диплом с отличием) комиссией был распределен на службу в органы внутренних дел. После двухмесячного пребывания на курсах при Рижской офицерской школе МВД СССР работал старшим следователем линейного отделения милиции МВД в Московском Южном порту, а затем – следователем Водного отдела милиции Московского бассейна, оперуполномоченным отдела дознания УВД Мособлисполкома.

После шести лет службы в 1961 г. поступил в адъюнктуру Высшей школы МВД СССР (г. Москва) по кафедре криминалистики. Публично о первой неудачной попытке поступления в очную адъюнктуру в 1959 г. и знакомстве с Абрамом Ильичем Винбергом В. П. Лавров детально рассказал в статье «Науке отданная жизнь», посвященной профессору А. И. Винбергу. Главный урок, который вынес из этой ситуации выпускник МГУ Владимир Петрович, что «хороших людей вокруг всегда больше, чем плохих, и что сдаваться не следует никогда, особенно когда на тебя падают удары».

После адъюнктуры последовательно работал научным сотрудником, преподавателем, старшим преподавателем, доцентом той же школы, профессором кафедры криминалистики Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД СССР. После реорганизации этого филиала в Высшую юридическую заочную школу МВД СССР работал начальником кафедры криминалистики, затем заместителем начальника ВЮЗШ МВД СССР по научной работе; после реорганизации ВЮЗШ в Юридический институт МВД СССР – заместителем начальника этого института по научной работе.

Владимир Петрович как в частных беседах, вспоминая былые времена, так и своих публикациях (например, «Криминалистика моего времени», «Почти 30 лет (кафедра криминалистики в МФЮЗО-ВЮЗШ-ЮИ МВД: 1974–2002)», «Науке отданная жизнь», «Светлой памяти Р. С. Белкина: Ученого, Учителя, Человека», «Игорь Михайлович Лузгин – Педагог, мыслитель и гражданин» и другие) очень тепло вспоминает этот период своей жизни, высказывая благодарность судьбе и своим учителям Р. С. Белкину и И. М. Лузгину.

За период служебной деятельности Владимир Петрович достиг значительных успехов в научной и педагогической деятельности. Так, 21 января 1965 г. в Высшей школе МВД СССР защитил кандидатскую диссертацию «Основные положения методики расследования преступлений, совершенных рецидивистами» (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Р. С. Белкин), а в 1969 г. ему присвоено ученое звание «доцент».

В Академии МВД СССР 5 июня 1980 г. защитил докторскую диссертацию «Общие положения организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет» (научный консультант – доктор юридических наук, профессор Р. С. Белкин), а в 1983 г. ему присвоено ученое звание профессора по кафедре криминалистики и специальной техники.

Последующая многолетняя служебная и творческая деятельность В. П. Лаврова связана с Академией. На протяжении 60 лет всецело посвятил себя науке

криминалистики, связав свою судьбу с педагогической и научной деятельностью в ведомственных образовательных организациях МВД СССР и Российской Федерации: в Высшей школе МВД СССР, Академии МВД СССР, Высшей юридической заочной школе, Юридическом институте, Московском университете имени В.Я. Кикотя, Академии управления МВД России.

Владимир Петрович прошел путь от адъюнкта, преподавателя до начальника кафедры криминалистики, заместителя начальника института по научной работе.

В 1997 г. Указом Президента Российской Федерации от 7 ноября 1997 г. № 1159 Лаврову Владимиру Петровичу за заслуги в области юридической науки и подготовке научно-педагогических, высококвалифицированных кадров МВД России присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В. П. Лавров – один из ведущих ученых-криминалистов в России и основателей криминалистической теории временных связей (отношений). В круг его научных интересов входили наиболее злободневные вопросы науки криминалистики и следственной практики: расследования преступлений, совершенных рецидивистами, нераскрытых преступлений прошлых лет, преступлений по горячим следам; способы сокрытия преступлений; проблемы противодействия расследованию преступлений; перспективные направления развития общих положений криминалистики, ее частных криминалистических теорий; розыскная деятельность следователя; использования современных достижений науки и техники в практической деятельности и многие другие.

Им опубликовано более 350 научных и учебно-методических работ по проблемам общей теории криминалистики, криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. Соавтор и научный редактор пятнадцати учебников по криминалистике для юридических вузов (1968-2021), ряда учебных программ, курсов лекций по криминалистике и организации расследования преступлений; автор и научный редактор 20 монографий и учебных пособий, ответственный редактор нескольких сборников научных трудов. Несомненным достоинством его трудов является не только их научная новизна, но и отчетливо выраженная практическая направленность.

Большое внимание В. П. Лавров уделял сохранению и приумножению лучших традиций российской школы криминалистики, воспитанию молодого поколения ученых. Под его научным руководством защитили кандидатскую диссертацию более 50 соискателей, в том числе – из вузов Украины, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Чехословакии; еще один соискатель – защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук. Многие из учеников Владимира Петровича в последующем стали докторами наук (А. М. Кустов, И. А. Бобраков, А. Ю. Головин, А. С. Андреев, М. А. Васильева), продолжают заниматься наукой на должностях профессорско-преподавательского состава в образовательных организациях России и за рубежом или занимаются адвокатской практикой.

Владимир Петрович всегда с особой заботой относился к научным достижениям своих учеников, переживал и поддерживал, но и спуску не давал – требо-

вал, как полагается! Не менее внимательно он относился и к жизненным проблемам своих адъюнктов, принимая личное участие в решении таких вопросов на различных уровнях (отстаивая актуальность темы исследования, необходимость установления особого графика работы для завершения исследования, решения вопроса проживания, командировки и многих других).

Учитывая авторитет и научные связи Владимира Петровича, его ученикам практически не приходилось беспокоиться о поиске официальных оппонентов и ведущей организации, практических подразделений для внедрения результатов научного исследования и т. п. Адъюнкту всего лишь требовалось по намеченному плану качественно провести исследование, оформить и представить его результаты научному руководителю.

Однако каждый адъюнкт по-своему уникален и требует особого подхода, большего или меньшего участия в его судьбе. Я, наверное, один из тех, кому требовалось повышенное внимание Владимира Петровича. Мне посчастливилось познакомиться с Лавровым Владимиром Петровичем в 2001 г., когда после завершения обучения в Академии Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации я поступил в аспирантуру.

Итак, все началось с того, что предложенная мною тема «Методика расследования преступных посягательств на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество сотрудников налоговой полиции и работников налоговых органов» требовала достаточно кропотливой работы по сбору эмпирического материала (на всю Россию за последние пять лет было совершено не более 200 преступлений соответствующей категории). В результате я выезжал для изучения архивных уголовных дел в девять субъектов Российской Федерации, а Владимир Петрович – обеспечивал различного рода содействие в ознакомлении и изучении уголовных дел со стороны его знакомых и ученых, проживающих в соответствующих городах.

Далее в 2003 г. после упразднения Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации остро встал вопрос актуальности проводимого исследования, который без вмешательства Владимира Петровича разрешить не удавалось. В результате тему незначительно скорректировали, и я продолжил свое исследование.

Завершив в декабре 2004 г. подготовку диссертации и пройдя обсуждение на кафедре, я столкнулся с очередной проблемой: где защищать диссертационное исследование, поскольку в Академии экономической безопасности МВД России, где я обучался, так и не было создано диссертационного совета по специальности 12.00.09. И только благодаря научному авторитету Владимира Петровича просьба об оказании содействия в принятии к защите моей диссертации диссертационным советом Московского университета МВД России была удовлетворена.

Как показало время, обучение в адъюнктуре было лишь началом нашего плодотворного сотрудничества, а для меня Владимир Петрович стал старшим товарищем и другом на долгие годы.

Но уже в далеком 2005 г. сразу после защиты диссертации, не скрою, что вынашивал мысли завершить службу в органах внутренних дел и перейти на работу, как говорилось «в народное хозяйство». В этот раз Владимир Петрович смог меня убедить немного потерпеть и продолжить службу, в результате я стал заместителем начальника кафедры криминалистики и проработал в Академии экономической безопасности вплоть до ее реорганизации в 2011 г. За это время, работая в тесном взаимодействии с моими старшими наставниками – профессорами кафедры Владимиром Петровичем Лавровым и Александром Фомичем Волынским, я не только набирался опыта административной работы, но и все больше погружался в криминалистику, особенности ее методического обеспечения и преподавания под чутким присмотром моих наставников.

В ходе дальнейшей совместной работы, в том числе в Академии управления МВД России, Владимир Петрович для меня был примером того, как необходимо относиться к своей работе, к науке криминалистике, быть преданным своему делу. И еще не раз Владимир Петрович играл ключевую роль в определении моей дальнейшей судьбы. Только сейчас осознаешь, как не хватает его общения, мудрых советов, а порой и справедливой критики.

Особо хочу отметить весьма серьезное отношение Владимира Петровича к рецензированию научных работ и оппонированию по диссертациям, подготовленных как уже состоявшимися учеными-криминалистами, так и молодыми учеными. Базировалось это на том, что Владимир Петрович не просто на феноменальном уровне знал предмет, но и постоянно совершенствовал свои знания: следил за последними изменениями законодательства, отслеживал новые работы по криминалистике и смежным наукам, всегда был в курсе последних событий, крупных научно-представительских мероприятий, посвященных криминалистической тематике, защит кандидатских и докторских диссертаций по наиболее важным темам исследований. Такой рецензент всегда видел халтуру, поверхностность работы, отсутствие научной и практической составляющих.

Свой неподдельный интерес к развитию и совершенствованию криминалистических знаний Владимир Петрович использовал с пользой для своих учеников и коллег. Многие, если не все ученики, помнят, как он бережно накапливал, а в последующем передавал информацию, газетные вырезки, авторефераты, монографии и другие работы по соответствующим направлениям исследований каждого из нас, помещая их в персональные накопители. Это и забота, и побуждение интереса к совершенствованию своих криминалистических знаний и расширению кругозора.

Еще одна особенность заключается в том, что Владимир Петрович все научные работы изучал исключительно на бумаге, а собственные статьи, пособия и монографии, а также рецензии и отзывы готовил в виде рукописного текста, которые в последующем набирались на компьютере. В этом тоже прослеживался элемент обучения, поскольку к набору этих документов, как правило, привлекались ученики или коллеги Владимира Петровича. Так, по ходу дела, молодые ученые могли первыми ознакомиться с мыслями автора, уяснить логику построения документа, его структуру и аргументацию, в целом позицию автора по тем

или иным дискуссионным вопросам; общими и частными замечаниями, содержащимися в рецензиях и отзывах; осознать требовательность и одновременно лояльность автора к рецензенту и его работе, выражающиеся, как правило, в общей позитивной оценке работы «одобрить», «рекомендовать» и т. п.

На своем опыте отмечу, что очень интересно не только первым знакомиться с работами Владимира Петровича, но и в последующем наблюдать за публичным выступлением учителя, улавливать его настрой, расстановку акцентов, дискуссию в вопросно-ответной части.

Отдельного внимания заслуживают рецензии и отзывы на докторские диссертации, подготовленные Владимиром Петровичем. Каждая такая рецензия или отзыв – это самостоятельная научная работа, если судить и по объему и, прежде всего, содержанию. Например, рецензии на диссертационные исследования: А. В. Шмолкина (6 страниц, содержащих 34 замечания), И. С. Федорова (15 страниц, содержащих 40 замечаний), С. Ю. Журавлева (20 страниц, содержащих 116 замечаний) и многих других авторов, ныне – известных ученых, докторов наук, профессоров.

Владимир Петрович всегда работал вдумчиво, вникая в суть работы, порой смотря намного глубже самого автора, а его замечания – это не формальность, а содержательные смысловые замечания, требующие более серьезно, системно взглянуть на проблему, исключить поверхностное, упрощенное и беглое отношение к изучению вопроса (по принципу «и так сойдет»).

Я полагаю, что как указанные уважаемые авторы, так и многие другие коллеги, столкнувшиеся с требовательным рецензентом В. П. Лавровым, вынесли для себя из таких рецензий и последующего обсуждения замечаний много полезного.

Владимир Петрович всегда осознавал ответственность рецензента не только за формальное отражение замечаний, но за то, чтобы это было сделано корректно, без издевательства. Доведение ошибок, неточностей и заблуждений должно помочь автору в дальнейшем их устранении в кратчайшие сроки. Важно в таких ситуациях поддержать того, кому такая помощь необходима и напротив – поставить заслон проникновению в науку невежд и рвачей. По этому поводу весьма иронично отмечал В. П. Лавров: «в начале XXI в. в России в науку пошел «бедняк» (люди без должных знаний, опыта, эрудиции, элементарной грамотности)».

Принципиальность, требовательность, доброжелательность и взыскательность, высокая эрудированность, честность отличали отношение В. П. Лаврова к делу. На всем протяжении научного пути В. П. Лаврову неоднократно приходилось отстаивать свои взгляды в научных спорах и дискуссиях, но он всегда оставался верен своим принципам и убеждениям, был корректен и вежлив. Он полагал, что не нужно бояться говорить правду, как бы она ни была кому-либо неприятна. Другое дело – в какой форме. Эта подлинная интеллигентность, стремление понять позицию оппонента и разобраться в проблеме вызывали у всех глубокое уважение к Владимиру Петровичу Лаврову.

Несмотря на достаточно плотный график научной и педагогической деятельности, Владимир Петрович всегда находил время и для участия в общественных мероприятиях.

На протяжении многих лет свято чтит традицию общих сборов выпускников юридического факультета Московского государственного университета и до последних дней не пропускал таких встреч без уважительных причин, с горечью отмечая, что однокурсников становится с годами все меньше.

Как истинный патриот с любовью и теплотой относился к своей малой родине, был членом Поморского землячества, участвовал во встречах и поездках в составе делегаций в родной Вельский район, сотрудничал с Вельским краеведческим музеем имени В. Ф. Кулакова.

И, конечно, нельзя не отметить такую важную составляющую нашей жизни, как дружба. В этом смысле Владимиру Петровичу повезло, так как его окружали в большинстве своем достойные и бескорыстные люди, дружеские отношения с которыми были проверены годами и сохранились до последних дней его жизни. В круг его друзей входили как его учителя, коллеги, так и ученики. У Владимира Петровича для всех находилось и время, и темы для обсуждений, которые отнюдь не ограничивались вопросами науки.

Родные, друзья, коллеги, товарищи и ученики, когда не стало Владимира Петровича, мгновенно осиротели, но в душе каждого из них сохранится его имя и добрые воспоминания. Надеюсь, что каждый из учеников Владимира Петровича вспомнит его наставления, советы и рекомендации, ощутит ту заботу и теплоту, которыми они были наполнены, и передаст эту частицу добра своим ученикам – продолжая славные традиции криминалистической школы Р. С. Белкина и притворяя в жизнь идеи наших учителей.

Я благодарен судьбе, что мне посчастливилось работать и общаться с Владимиром Петровичем! Я горжусь тем, что являюсь его учеником. За этот пусть и сравнительно небольшой период общения я многому научился у Владимира Петровича, усвоил его советы и наставления и не только в научном плане, но и черпал колоссальный житейский и служебный опыт, а в отдельных сложных и, казалось бы, безвыходных ситуациях – ощущал крепкое плечо и поддержку Владимира Петровича.

Оценивая вклад Владимира Петровича в науку, следует признать, что ему удалось впитать и передать молодому поколению те традиции, которые бережно накапливались криминалистическим сообществом в лице А. И. Винберга, Р. С. Белкина, И. М. Лузгина, Г. Г. Зуйкова, и многих достойных людей и известных ученых-криминалистов.

Жизненный и трудовой путь Владимира Петровича – достойный пример служения Отечеству.

Владимир Петрович – выдающийся ученый-криминалист и заботливый наставник, а его имя всегда останется в нашей памяти.

Осяк В. В.¹,

заведующий кафедрой криминалистики

Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии

Следственного комитета,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Организация работы по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных в прошлые годы, является одним из приоритетных направлений работы Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России).

В научной литературе нет единого понятия «преступления прошлых лет», не определено оно и в федеральном законодательстве. Вместе с тем п. 1.1. приказа Следственного комитета Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» определено, что преступлениями прошлых лет являются те, по которым предварительное следствие по уголовным делам приостанавливалось до начала текущего отчетного года по основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В вышеназванном приказе закреплены и основы организации работы по преступлениям прошлых лет в системе Следственного комитета Российской Федерации.

Организация работы по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет в подразделениях Следственного комитета Российской Федерации возложена на отделы (управления) криминалистики. Помимо этого, в 2019 г. в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации созданы специализированные подразделения по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет.

При образовании в 2007 г. Следственного комитета Российской Федерации при прокуратуре Российской Федерации из органов прокуратуры были передано около 280 тысяч уголовных дел о преступлениях прошлых лет. Более 5,5 тыс. преступлений, совершенных в прошлые годы, было раскрыто сотрудниками ведомства в 2022 г., из них 800 преступлений – убийства. Как сообщил в интервью ТАСС председатель СК России А. И. Бастрыкин: «...подобная раскрываемость преступлений, которые совершались десятки лет назад, стала возможной благодаря использованию современных методов криминалистики и техники. В их числе специальные аппаратно-программные комплексы, комплексы для улучшения и анализа фото-, аудио- и видеоматериалов, для осмотра массивов открытых данных и многое другое» [1].

Бесспорно, успех деятельности по раскрытию преступлений прошлых лет во многом зависит от соблюдения рекомендаций ученых-криминалистов и в этой связи нельзя не отметить значительный вклад профессора Владимира Петровича Лаврова в методику расследования нераскрытых преступлений прошлых лет.

¹ © Осяк В. В., 2023.

Следует отметить, что тактика производства следственных действий по возобновленным производством делам о преступлениях прошлых лет имеет ряд особенностей, которые связаны в первую очередь с временным фактором. Так, по возобновленному производством уголовному делу проводится ряд следственных действий, в том числе направленных на получение доказательств причастности определенного лица к совершению преступления, при этом наибольшую специфику имеют такие следственные действия, как отдельные виды осмотра, эксгумация и др.

Как показывает анализ судебно-следственной практики при производстве отдельных следственных действий, в частности следственного осмотра, характерны типичные ошибки. К ним можно отнести следующие:

Игнорирование в ходе производства осмотра негативных обстоятельств, т. е. противоречащих представлению об обычном для подобных ситуаций порядке вещей и связей между ними, свидетельствующих о возможной инсценировке. Игнорирование указанных обстоятельств приводит к тому, что следователями не выдвигаются и не проверяются версии о возможной инсценировке преступления.

Осмотр места происшествия по возобновленному производством уголовному делу, как правило, дополнительный или повторный. С учетом прошедшего времени его результативность резко снижена. Но, как показывает следственная практика, возможность выявления новых обстоятельств при выполнении данного следственного действия даже спустя значительный период времени не исключается.

Так, например, длительное время следствие по уголовному делу об убийстве Т. в одном из районов Волгоградской области было приостановлено. Труп обнаружен в сгоревшем доме, где Т. проживал с сожительницей. Накануне убийства он возвратился домой с большой суммой денег. После убийства сожительница пропала, ее объявили в розыск. Через пять лет в следственном управлении «подняли» материалы уголовного дела, проведен повторный осмотр места происшествия, поскольку при первичном осмотре разбор сгоревшего дома не осуществлялся. Обнаружены обгоревшие костные останки, экспертным путем установлено, что они принадлежат сожительнице Т. Данные обстоятельства способствовали выдвигению новой версии по уголовному делу – совершение преступления двумя фигурировавшими в материалах оперативно-поискового дела лицами, которые в свое время спешно выехали на постоянное место жительства в другую область. В дальнейшем данная версия нашла подтверждение.

В свое время выдающийся ученый-криминалист Владимир Петрович Лавров сказал: «...каждая капля крови, каждый волос, оставленный преступником, каждый окуроч (со слюной неустановленного преступника), находящиеся в материалах приостановленных дел, приобретают важнейшее значение как идентифицирующие объекты, идентификационная роль которых со временем не снижается, а наоборот, возрастает при условии их надлежащего хранения и правильного использования в поисковой работе» [2, с. 31–34].

В этой связи хочется отметить, что молекулярно-генетические экспертизы, проведенные в разные периоды становления этого криминалистического направления, по объективным факторам не могут быть равнозначными. Возможности молекулярно-генетической экспертизы постоянно совершенствуются. Кроме того, данный вид экспертизы является одним из самых эффективных и быстро развивающихся направлений криминалистического исследования вещественных доказательств. В первую очередь появляются новые высокотехнологичные приборы, химические реактивы. Это позволяет значительно расширить круг объектов, на которых остаются биологические следы, исследовать следы, которые ранее считались непригодными для ДНК-анализа, ускорить сроки производства исследований, повысить надежность экспертных методик.

Во-вторых, кардинально меняются объекты ДНК-исследования. Так, если ранее наиболее частыми объектами исследования была кровь, сперма, слюна, то сейчас значительное количество исследованных объектов составляют эпителиальные клетки, сопутствующие следам пота – так называемые латентные контактные следы, которые не видимы в обычном освещении и произошли в результате контакта одежды или тела жертвы с преступником. Высокая сохранность биологического материала при соблюдении правил упаковки и хранения вещественных доказательств позволяет устанавливать генетические признаки в биологических следах спустя годы и даже десятилетия после совершения преступления. Поэтому в последнее время все чаще объектом молекулярно-генетической экспертизы (помимо традиционных следов – крови, спермы, тканей, костных останков и др.) становится потожировое вещество следов пальцев рук, так называемые контактные следы – места соприкосновения участков кожи преступника с телом и одеждой жертвы. *Так, в экспертной практике известны случаи изъятия биологических следов (потожирового вещества) в местах гематомы, имеющейся на теле трупа жертвы. С данных следов удалось получить геномную информацию, которая позволила установить лицо, совершившее преступление* [3, с. 76–78].

Помимо этого, при работе над раскрытием преступлений прошлых лет активно используются возможности ДНК-учета по установлению родственных связей на уровне «родитель – ребенок». Алгоритм такого поиска был внедрен в ФГКУ «СЭЦ СК России» и показал высокую эффективность при расследовании преступлений, в том числе совершенных в прошлые годы [4, с. 9–10].

Все это позволяет проводить ревизию вещественных доказательств по делам о нераскрытых преступлениях с целью назначения повторных экспертиз для выявления следовых количеств биоматериала и установления генетических признаков лица, возможно причастного к совершению преступления. В этой связи одним из основных направлений работы по раскрытию преступлений прошлых лет является проверка фактического наличия вещественных доказательств.

На практике нередко возникает ситуация, когда в силу объективных причин необходимо провести работу по восстановлению утраченных материалов уголовного дела (возможно подвергнувшихся действию воды, высоких температур и др.).

Как правило, восстановить утраченные материалы возможно путем изъятия их из экспертных учреждений, проводивших судебные экспертизы, из прокуратуры (например, надзорные материалы), судебных органов, из материалов в рамках обжалования следственных действий и т. д. Важно отметить, что уголовное дело должно быть восстановлено в том объеме, который будет достаточен для принятия предусмотренного уголовно-процессуальным законом решения.

Таким образом, развитие экспертных возможностей, в частности, криминалистического ДНК-анализа, экспертизы запаховых следов человека являются предпосылкой для проведения комплекса мероприятий по инвентаризации (ревизии) расследуемых уголовных дел о преступлениях прошлых лет, поскольку установление фактического местонахождения вещественных доказательств, их исследование с использованием современных экспертных возможностей, проверка по экспертно-криминалистическим учетам имеет большое значение в раскрытии преступлений прошлых лет.

В то же время раскрытие преступлений прошлых лет во многом осложняется и отсутствием оперативной информации, утратой тех или иных следов преступления и т. д. Поэтому эффективность деятельности в этом направлении зависит не только от следственных органов, криминалистических и экспертных служб, но и от инициативности оперативных подразделений, уровня межведомственного взаимодействия, причем не только в рамках дачи поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий, а совместное с оперативным аппаратом изучение уголовных дел, проведение совместных коллегии, координационных совещаний с участием сотрудников оперативных служб, составление совместных планов следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Только совместный комплекс действий различных подразделений, использование всего потенциала и наработанного ими опыта возможно добиться успеха в расследовании преступлений, совершенных в прошлые годы и реализовать принцип неотвратимости наказания.

Список литературы

1. Бастрыкин А. И. Более 5,5 тысячи преступлений прошлых лет раскрыл Следственный комитет за 2022 год // Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/crime/50024276>.
2. Лавров В. П. Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и некоторые пути ее решения // Предварительное следствие. Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации. 2009. Вып. 4 (6). С. 31–34.
3. Расследование преступлений прошлых лет : практическое пособие / под ред. А. А. Бессонова. М. : Следственный комитет Российской Федерации, 2020. С. 76–78.
4. Информационно-методическое письмо Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации «О практике расследования и раскрытия преступлений прошлых лет в системе Следственного комитета Российской Федерации». М., 2022.

Пилякин М. И.¹,

начальник кафедры криминалистики

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ КРУПНОКАЛИБЕРНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ

В течение всего периода развития нашего государства общество постоянно сталкивалось с фактом использования различного типа и вида огнестрельного оружия. В одних случаях оно, в том числе и огнестрельное, использовалось для защиты законных интересов России как внутри, так и за ее пределами. В другом – средством решения оперативно-служебных задач уполномоченных на то органов [1]. Однако, как показывает практика, огнестрельное оружие является прекрасным средством достижения и решения криминальных целей и задач. Трагические страницы истории нашего Отечества неразрывно связаны с фактом применения оружия для насильственного свержения власти и правительств, устранения неугодных политиков, журналистов, представителей федеральных и местных властей, нередко случаи применения огнестрельного оружия для банального убийства представителей среднего и малого бизнеса, использования в примитивных бытовых разборках. Законодатель давно уже ввел ответственность за те или иные незаконные действия с различными типами и видами огнестрельного оружия, обозначив их в ст.ст. 222-226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [2]. Вместе с тем с момента введения в правовое поле России в 1996 г. указанного кодекса экономические политические и социальные реалии стремительно претерпевали изменения. Вполне естественно, что законодатель регулярно вносил поправки в действующие нормы УК РФ, дабы обеспечить конкурентно способные правовые меры противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия. Так, одним из массовых и серьезных изменений УК РФ подвергся в 2021 г., когда Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была введена ст. 222.2 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему» [3]. Данные поправки внесли серьезные изменения в рассматриваемые нормы УК РФ. Фактически законодатель подчеркнул повышенную общественную опасность незаконного оборота крупнокалиберного огнестрельного оружия и, как следствие, предусмотрел более серьезные санкции, выводя рассматриваемый вид оружия из юрисдикции гипотезы ст. 222 УК РФ.

Однако текстовое и смысловое содержание введенной статьи вызывает ряд вопросов при более тщательном изучении.

¹ © Пилякин М. И., 2023.

Так, в примечании № 2 к данной статье (далее по тексту – примечание № 2) дано понятие «крупнокалиберного огнестрельного оружия». Законодатель интерпретировал рассматриваемое понятие следующим образом – это оружие (за исключением гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия) калибра от 20 мм и более.

При этом примечание № 2 к ст. 222.2 УК РФ не конкретизирует конкретный тип крупнокалиберного огнестрельного оружия (например, ручное стрелковое или станковое, нарезное или гладкоствольное), но оговаривает, что исключается уголовная ответственность по указанной норме за незаконный оборот гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия. Из этого следует, что конструкция рассматриваемого понятия, изложенного в Приложении № 2, явно привязана к классификации типов и видов оружия, изложенной в Федеральном законе «Об оружии» [1] (далее – ФЗ «Об оружии»). Однако в данном законе как основном документе российского правового поля, регламентирующем вопросы оборота оружия, в том числе огнестрельного, понятие крупнокалиберного огнестрельного оружия вообще не разъясняется. Очевидно, что понятие крупнокалиберного огнестрельного оружия в той форме, какой она изложена в Приложении № 2, не совсем удачна, тем более что она идет в разрез с позицией, изложенной в иных официальных источниках.

Так, согласно ГОСТ Р 51888–2002 «Государственный стандарт Российской Федерации. Оружие гражданское и служебное огнестрельное и газовое. Классификация» [4] под крупнокалиберным огнестрельным оружием необходимо понимать вид оружия, имеющий нарезное строение канала ствола и калибр свыше 9, но не превышающее 20 мм или гладкоствольное строение канала ствола калибром более 16 мм.

ГОСТ 28653–2018 «Межгосударственный стандарт. Оружие стрелковое. Термины и определения» [5] было дано несколько иное разъяснение понятию крупнокалиберного стрелкового оружия – это оружие, имеющее нарезное строение канала ствола, стрелковое оружие, калибр которого составляет более 9 мм. Согласно этому же стандарту огнестрельное оружие является разновидностью стрелкового.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что санкция ст. 222.2 УК РФ предусматривает ответственность за незаконный оборот стрелкового огнестрельного оружия калибра свыше 20 мм. Под данный критерий не подпадает не только гражданское огнестрельное и служебное огнестрельное оружие, как указано в Приложении № 2 к данной статье, но и ручное боевое огнестрельное оружие. Принцип его конструирования предусматривает использование образца с удержанием в обеих руках, с опорой на сошку или с упором приклада оружия в плечо. Кроме того, к стрелковому огнестрельному оружию калибром свыше 20 мм уже относятся артиллерийские образцы оружия, которые к ручному не относятся.

Учитывая вышеизложенное, еще одно недоумение вызывает предусмотренная ст. 222.2 УК РФ ответственность за незаконную пересылку крупнокалиберного оружия, т.к. учитывая габариты и массу рассматриваемого типа оружия выполнение данного действия просто невозможно. Напомним, что постановление

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [6] в отличие от иных незаконных действий с огнестрельным оружием понятие пересылки также не раскрывает.

Вместе с тем, подводя итог, отметим, что ст. 222.2 УК РФ вписывается в логику действий законодателя, который проводит постепенную и постоянную работу по разграничению вида и степени ответственности за совершение тех или иных незаконных действий с огнестрельным оружием. Также становится понятным, что работа над логикой и текстом рассматриваемой нормы УК РФ требует дальнейшего продолжения. Фундаментальной основой дальнейшей научно-теоретической разработки данной нормы должен стать понятийный аппарат, не вызывающий споров.

Поэтому очевидно, чтобы избежать двусмысленности толкования термина «крупнокалиберного огнестрельного оружия» в отечественном правовом поле, необходимо конкретизировать понятие, изложенное в Приложении № 2 к ст. 222.2 УК РФ, или ввести данное понятие в ст. 1 ФЗ «Об оружии» в следующей редакции «крупнокалиберное огнестрельное оружие – это комплекс, включающий ствольное огнестрельное оружие калибра 20 мм и более, а также боеприпасы к нему, конструктивно предназначенный для сообщения направленного движения метаемому снаряжению для поражения живой или иной цели».

Список литературы

1. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 06.02.2023) // Российская газета. 1996. № 241.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
4. ГОСТ Р 51888–2002 «Государственный стандарт Российской Федерации. Оружие гражданское и служебное огнестрельное и газовое. Классификация» принят и введен в действие постановлением Госстандарта России от 25 апреля 2002 г. № 171-ст. М. : Издательство стандартов, 2002.
5. Межгосударственный стандарт ГОСТ 28653-2018 «Межгосударственный стандарт. Оружие стрелковое. Термины и определения». Принят и введен в действие в качестве национального стандарта Российской Федерации с 1 июля 2019 г. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 января 2019 г. № 1-ст взамен ГОСТ 28653–90
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (ред. от 11.06.2019) // Российская газета. 2002. № 48.

Попов В. А.¹,

начальник кафедры криминалистики Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Рудавин А. А.²,

доцент кафедры криминалистики Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ

На фоне бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий, ставших неотъемлемой частью нашей жизни, зародилось новое явление криминального мира, получившее название «киберпреступность». По данным официальной статистики МВД России, за последние четыре календарных года было зарегистрировано 1 844 592 преступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (табл.) [1].

Таблица

Сводная таблица статистических сведений о преступлениях, совершенных
с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Год	Всего преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	Из них тяжких и особо тяжких	В том числе совершенных с использованием или применением:					
			Расчетных (пластиковых) карт	Компьютерной техники	Программных средств	Фиктивных электронных платежей	Сети Интернет	Средств мобильной связи
2019	294409	142726	34383	18261	6283	984	157036	116154
2020	510396	267613	190167	28653	10050	1374	300337	218739
2021	517722	288312	165658	27519	7216	954	351463	217552
2022	522065	272233	127149	29140	7649	1325	381112	212963

В этой связи особую актуальность приобретают методические рекомендации по расследованию таких преступлений. В первую очередь тех из них, что связаны с посягательством на материальное благосостояние простых граждан, которые в отличие от юридических лиц являются наименее защищенными участниками экономических отношений. Более того, именно заявления граждан в большинстве случаев являются основанием для возбуждения уголовного дела. В связи с этим в представленной научной статье будут рассмотрены вопросы, связанные с тактикой проверки заявлений и сообщений по делам о киберпреступлениях.

Как известно, сбор материалов о признаках преступления и их проверку проводит орган дознания. Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на

¹ © Попов В. А., 2023.

² © Рудавин А. А., 2023.

признаки преступления. Такие данные устанавливаются посредством предъявления требований, поручений или запросов (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), а также в соответствии с порядком рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ). В свою очередь перечень обстоятельств, которые требуется установить для принятия решения о возбуждении уголовного дела, рачительно отличается в каждом конкретном случае. Зависит он, как не сложно догадаться, от диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы, по элементам и признакам которой планируется возбуждение уголовного дела.

Если к примеру речь идет о вынесении постановления о возбуждении уголовного дела по факту хищения со счета клиента банка его денежных средств, должен быть установлен ряд обстоятельств. Во-первых, собственник счета должен подтвердить факт отсутствия его согласия на списание денежных средств. Во-вторых, должен быть подтвержден факт перечисления денежных средств со счета потерпевшей стороны на счета других лиц. В-третьих, в кредитной организации требуется получить информацию о характеристиках произведенной транзакции: номер счета списания и зачисления денежных средств, дата и время проведения операции по переводу денег, информация о точной сумме списания, данные отправителя и получателя денежных средств.

На стадии возбуждения уголовного дела по факту преступления в сфере компьютерной информации возможны разные ситуации проверочного характера, которые не следует путать со следственными ситуациями. Однако типичными из них является две. В одном случае признаки состава преступления могут быть выявлены органом дознания в рамках реализации оперативно-разыскных мероприятий. В другом – такая информация может поступить в правоохранительные органы непосредственно от лица, чьим интересам был причинен вред преступными действиями.

В рамках первой ситуации оперативные подразделения органов дознания должны предоставить органу предварительного расследования ряд сведений (документов).

Во-первых, это рапорт, в котором будет информация о времени, обстоятельствах, месте совершения преступления, особенностях, ранее проведенных ОРМ и объектах доказательственного характера, полученных в их рамках: электронные хранилища данных, фотоснимки, видеозаписи и т. п.

Во-вторых, подписанное руководителем соответствующего подразделения постановление о предоставлении должностному лицу следственного органа материалов оперативно-разыскной деятельности. В указанном постановлении помимо прочего перечисляются документы, которые передаются следователю.

В случае проведения оперативного эксперимента или оперативного внедрения в следственные органы также передается постановление руководителя соответствующего органа о проведении этих оперативно-разыскных мероприятий.

Иногда сведения о тактике проведения и организации мероприятий оперативно-поискового характера составляют государственную тайну. Это касается информации полученной в ходе привлечения штатных негласных сотрудников, использования ряда технических средств, например, прослушивающего характера и т. д. В таком случае помимо всех документов в следственный орган также

передается постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну.

В том случае если ОРМ ограничивали законные права и свободы лица, в отношении которого они проводились, также требуется передать копию судебного решения, легализующего такие оперативно-разыскные мероприятия. Речь, прежде всего, идет о мероприятиях оперативного характера, связанных с тайной переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений.

В-третьих, документы, фиксирующие содержание и результаты проведения оперативно-разыскных мероприятий, в том числе объяснения лиц, располагающих информацией, имеющей значение для дела.

В-четвертых, заключение представителя экспертной организации, в котором представлены выводы по ранее проведенному исследованию. Предметом последнего традиционно выступают компьютерное оборудование, носители ценной для следствия информации и другие объекты, представляющие оперативный интерес. В некоторых случаях также могут быть представлены видеозаписи, сделанные с камер наружного или внутреннего видеонаблюдения, в том числе банкоматов, полученных от кредитных учреждений, а также других организаций различных форм собственности.

В случае сотрудничества оперативного подразделения органа дознания с НЦБ Интерпола в числе документов, передаваемых органам следствия, могут быть копии соответствующего запроса. В рамках такого сотрудничества может быть получена самая разная информация, в том числе о наименовании коммерческих организаций, их месторасположении, анкетных данных их руководителей, собственности за рубежом, направлениях деятельности, связях криминального характера и т. д. Также иногда удается получить информацию, составляющую банковскую тайну (открытие и закрытие счетов, движение денежных средств).

В рамках второй, описанной нами выше ситуации, необходимо выполнить ряд действий. В первую очередь следует получить от заявителя письменное объяснение, в котором были бы подробно расписаны обстоятельства произошедшего с его участием события криминального характера. В этом объяснении должна содержаться информация о размере причиненного вреда, подозреваемых лицах, способе хищения (обмана), времени совершения преступления, техническом оборудовании, которым пользовался потерпевший, и т. д.

Если говорить о распространенных в наши дни киберпреступлениях с использованием электронных средств платежа, список обстоятельств, которые требуется выяснить, может быть расширен. Помимо вышеперечисленного, устанавливаются: наименование и юридический адрес кредитной организации; номер счета потерпевшей стороны, деньги которой были незаконно списаны; сервис дистанционного банковского обслуживания, используемый заявителем; дата и время получения уведомлений по факту списания денежных средств со счета; способ работы в системе дистанционного банковского обслуживания, включая информацию об оборудовании потерпевшего (мобильный телефон, компьютер, банкомат и т. д.).

После того как от заявителя получена информация о конкретном оборудовании (банкомат, компьютер, ноутбук, планшет), с помощью которого он работал в системе дистанционного банковского обслуживания, выполнял команды от злоумышленника или же обнаружил сам факт списания денежных средств, оно должно быть изучено на предмет обнаружения информации, представляющей оперативный интерес. Это можно выполнить в рамках осмотра места происшествия. В таком случае в протоколе осмотра можно зафиксировать информацию об этом устройстве (его марка, модель), наличие в нем сервисов дистанционного банковского обслуживания (например, «мобильный банк»), а также содержание SMS-оповещений о ранее проведенных транзакциях. В любом случае такое мобильное устройство подлежит обязательному изъятию и переводу в авиарежим (компьютер в так называемый режим сна – гибернации). В последствии следователь осматривает изъятые объекты и в случае обнаружения на них информации, которая может представлять следственный интерес, выносит постановление о признании их вещественными доказательствами и приобщении к материалам уголовного дела.

Следующим шагом на пути поимки преступника является обращение в кредитную организацию с целью получения информации о счете заявителя, с которого ранее были списаны денежные средства. Необходимо помнить о том, что на данной стадии расследования орган дознания вправе получить такие сведения только на основании судебного решения. В связи с этим действия органа дознания по обращению в суд, а потом и в кредитную организацию необходимо предпринимать очень оперативно, а лучше незамедлительно. Информация о владельцах банковских карт и абонентских номеров, о движении денежной массы на лицевом счете играет первостепенное значение для решения вопроса о вынесении следователем постановления на предмет возбуждения уголовного дела.

Наконец, немаловажную роль играет назначение судебной экспертизы (чаще всего компьютерной) по ранее изъятим в ходе осмотра места происшествия предметам. Такие экспертизы, как и решение вопроса о получении информации из кредитной организации, желательно назначать как можно быстрее. Ввиду отсутствия большого количества высококлассных специалистов в области компьютерной техники (программного обеспечения) и, как следствие, наличие больших очередей на производство именно этих экспертиз, получение ответов на поставленные вопросы может затянуться. Кроме того, методика их проведения одна из самых сложных, зачастую требует применения дорогостоящего и редкого оборудования, что само по себе является препятствием на пути положительного решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

После того как орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, соберет вышеуказанные документы, они должны быть переданы в орган предварительного расследования для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В момент передачи должны быть приняты все необходимые меры по обеспечению сохранности и целостности таких объектов. В то же время они должны содержать данные, однозначно указывающие на признаки конкретного преступления: о лице, его совершившем (если он известен); о месте, времени,

способе и других обстоятельствах совершения преступления; очевидцах злодеяния (если имеются); местонахождение похищенных товарно-материальных ценностей или иных предметов и документов, которые могут проходить по делу в качестве вещественных доказательств и т. д.

В результате оперативно-разыскных мероприятий могут быть получены сведения, представляющие собой большой объем цифровой информации, среди которой оперативный (следственный) интерес представляет лишь малая часть. В этом случае нет необходимости передавать в орган юстиции весь массив информации, выявленной, например, при прослушивании телефонных переговоров или снятии данных с технических каналов связи. Достаточно предоставить распечатки наиболее значимых телефонных переговоров или справку, включающую распечатку электронных писем, имеющих непосредственное отношение к событию расследуемого преступления.

Как показывает практика, иногда орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, игнорирует указанную рекомендацию. В результате этого следователям приходится проводить десятки часов за прослушиванием звукозаписей телефонных переговоров или, читая сотни сообщений, теряя ценное время. В лучшем случае оперативный сотрудник может подсказать следователю, в каком месте на цифровом носителе может содержаться интересующий его диалог или SMS-сообщение. Встречаются также случаи предоставления бумажного носителя формата А-4, на котором могут быть перечислены интервалы времени, на которые следует обратить внимание. Так или иначе в процессе осмотра предметов и документов (видеозапись, звукозапись, переписка и т. д.) следователь отражает в соответствующем протоколе наиболее важные моменты, имеющие отношение к событию преступления. Например, когда потенциальный преступник вошел и вышел из комнаты со стационарным компьютером. Информация о том, кто проходил мимо двери, ведущей в эту комнату, не заходя в нее, будет малоинтересна органам следствия и суда.

По результатам предварительной проверки сообщения о событии преступления в сфере компьютерной информации может быть принято одно из трех решений. Следователь может отказать в возбуждении уголовного дела или, наоборот, вынести постановление о его возбуждении. Также нередки случаи передачи сообщения о преступлении по подследственности в порядке ст. 151 УПК РФ.

Еще каких-то 10–15 лет назад передача материалов по подследственности являлась вполне заурядным решением следователей на местах. Однако чуть позже были выявлены факты злоупотребления подобными решениями, особенно в отношении преступлений, по которым установить виновное лицо не представилось возможным. Тем самым хоть и вполне законным, но, по сути, искусственным образом улучшалась статистика некоторых отделов полиции. В связи с этим руководители следственных органов стали менее лояльными, принимая решение о санкционировании подобных действий следователей на местах.

Однако совсем по-другому обстоит ситуация в отношении преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации. По делам данной категории установить реальное место преступления достаточно проблематично, а тем вре-

менем именно от этого зависит место производства предварительного расследования. Подобная ситуация, как известно, обусловлена тем, что механизм рассматриваемых преступлений включает несколько локаций: местонахождение преступника; местонахождение потерпевшего; адреса открытия и обслуживания банковских счетов преступника и потерпевшего, задействованных в транзакции. Опять же сам подозреваемый для совершения преступления может воспользоваться как домашним интернетом, так и условно-бесплатной сетью Wi-Fi в общественном месте (в аэропорту, на железнодорожном вокзале, в кафе и т. д.). Кроме того, ввиду отсутствия у следователей на местах узконаправленных знаний и навыков по расследованию киберпреступлений последние зачастую умышленно занимались перенаправлением подобных дел в порядке ст. 152 УПК РФ.

Думается, что в подобных случаях решение вопроса о территориальной подследственности должно быть в первую очередь связано с местом реализации злоумышленником объективной стороны преступления. Как показывает практика, именно в этом месте удастся найти наибольшее число доказательств, а также следов преступления. У этой точки зрения есть и противники, считающие, что местом совершения киберпреступлений надо считать место наступления общественно опасных последствий. Такое место зачастую совпадает с местом нахождения потерпевшей стороны. Также есть мнение, согласно которому местом преступления по делам рассматриваемой категории следует признавать местонахождение наибольшего числа лиц, проходящих по материалам уголовного дела [2]. Например, если злоумышленник осуществлял свою преступную деятельность на территории Рязанской области, а потерпевшие в своем большинстве проживают на территории города Москвы, вести расследование должен столичный следователь. Тем самым работа сотрудника юстиции, ведущего предварительное расследование, существенно образом облегчается.

В какой-то степени точку в решении данного спора поставил Следственный департамент МВД России. Согласно его указанию с 1 июля 2014 г. в органах предварительного следствия МВД России на региональном и городском (окружном) уровнях организовано закрепление следователей, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Соответствующий штат следователей был создан с учетом специальных познаний в области борьбы с киберпреступностью и большим опытом работы в органах предварительного следствия.

В связи с этим менее опытные следователи, специализирующиеся в своей основе на расследовании преступлений общеуголовной направленности, довольно часто сталкиваются с необходимостью выполнения отдельных поручений следователей, специализирующихся на борьбе с киберпреступностью. Процессуально такие поручения оформляются через руководство следственного органа на региональном и городском (окружном) уровнях. Чаще всего приходится составлять протокол осмотра места происшествия. Довольно часто таким местом является местонахождение банкомата, посредством которого жертва преступления выполняла команды злоумышленника. Распространено также придание статуса потерпевшего путем вынесения соответствующего постановления с последующим допросом такого лица. Подобные поручения достаточно распространены ввиду

большого количества потерпевших по делам данной категории, которые могут проживать в самых разных регионах России.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за 2019–2022 год // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф>.
2. Пинчук Л. В., Рудавин А. А., Куфтерин А. Н. Методика расследования преступлений в сфере компьютерной информации : учебно-методическое пособие. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

Сафонов Г. И.¹,

*заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Деятельность следователя по розыску является одним из условий обеспечения принципа неотвратимости наказания за преступление, ибо обнаружение местонахождения скрывшегося преступника, иных лиц, ценностей, орудий преступления и других объектов позволяет всесторонне и полно провести расследование, выяснить все обстоятельства совершения данного преступления, установить и изобличить виновных, принять все предусмотренные законом меры к их наказанию [1, с. 220].

В классическом понимании розыскные действия, осуществляемые следователем в ходе расследования, являются неотъемлемой частью процесса расследования и характеризуются их процессуальным статусом. Они проводятся исключительно с использованием процессуальных или организационно-технических средств и представляют собой одно из направлений расследования.

Под розыском в этом отношении понимается та часть поисковой деятельности следователя и иных компетентных лиц, которая направлена на обнаружение известных (установленных, определенных), но скрывающихся от органов расследования лиц, скрываемых предметов, ценностей – местонахождение которых неизвестно, а также без вести пропавших лиц, разыскиваемых по расследуемому делу [2, с. 183].

Основное направление розыскной деятельности следователя заключается в проведении следственных действий. Например, при осмотре места происшествия, в результате воздействия на вещную обстановку преступником могут быть обнаружены следы его пребывания, такие как следы рук, ног, зубов, выделения человеческого организма, части одежды, орудия преступления и другие предметы, принадлежащие ему. Также в процессе обыска могут быть обнаружены письма, записки, дневниковые записи и другие документы, которые могут помочь в идентификации данного лица. Фотографии, видеозаписи, кинофильмы и аудиозаписи, найденные в ходе обыска, также могут служить цели обнаружения и идентификации объектов. Кроме того, обыск может привести к обнаружению других предметов, являющихся доказательствами и обладающих отличительными признаками или признаками, указывающими на их принадлежность определенному лицу. Также стоит учитывать допросы свидетелей, потерпевших, контроль и запись переговоров, а также наложение ареста на корреспонденцию обвиняемого или его родственников, что может привести к получению соответствующих сведений о разыскиваемых объектах.

¹ © Сафонов Г. И., 2023.

Стоит отметить необходимость разработки новых методов и технологий в сфере розыска, которые станут неотъемлемой частью работы следователя, поскольку преступники все чаще используют информационные технологии для совершения преступлений. Поэтому осмысление и изучение особенностей современной розыскной деятельности в контексте ИТТ становятся важным шагом для обеспечения эффективности и результативности в борьбе с преступностью.

Однако важным аспектом этой деятельности является возможность применения ИТТ в розыскной деятельности следователя при отсутствии «специальных знаний», где мы согласны с мнением А. В. Шарова и И. А. Архиповой в части того, что знания в области ИТТ со временем становятся бытовыми знаниями практически любого человека [3, с. 260], таким образом следователь имеет возможность применять методы ИТТ, не требуя специальных знаний или помощи специалиста, путем использования программных средств, ориентируясь на их возможности и доступность.

Использование ИТТ позволяет следователю получать доступ к различным источникам информации, проводить оперативный анализ данных, устанавливать связи и выявлять паттерны.

Одним из инструментов розыскной деятельности следователя могут являться прикладные сервисы обеспечения оперативно-служебной деятельности подразделений МВД России – единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД), среди них можно выделить:

- 1) информационно-поисковый сервис «Следопыт-М»;
- 2) федеральную информационную систему ГИБДД МВД России – ФИС ГИБДД-М;
- 3) сервис НЦБ Интерпола – СОДИ;
- 4) сервис экспертно-криминалистической деятельности – ЕАИС ЭКП;
- 5) банк отпечатков пальцев – ЦИАДИС-МВД и др.

Актуальным остается вопрос возможности использования следователем инструментов OSINT, т. е. поиска и анализа сведений по открытым источникам информации (Open Source Intelligence) В настоящее время наиболее развиты следующие программы и сервисы:

1. Maltego – программа для сбора и анализа открытых данных. Maltego позволяет следователю визуализировать и анализировать связи между людьми, организациями, местами и т. п. Maltego интегрируется со множеством открытых источников данных, таких как социальные сети, почтовые службы, базы данных и др.

2. Shodan – поисковая система, специализирующаяся на обнаружении устройств и систем, подключенных к интернету. Используя Shodan, можно искать уязвимости, находить открытые порты, анализировать сетевую инфраструктуру.

3. Recon-ng – является готовым набором инструментов (фреймворк) для сбора открытой информации. Recon-ng предоставляет набор модулей, которые позволяют автоматизировать процесс сбора информации из различных источников, таких как социальные сети, почтовые службы, домены и др.

4. TheHarvester – инструмент для поиска информации о доменах, электронных адресах, именах пользователей и других сущностях. theHarvester использует

открытые источники данных, такие как поисковые системы, DNS-серверы, социальные сети и другие, чтобы собрать ценную информацию.

5. SpiderFoot – автоматизированный инструмент для сбора данных из различных источников. SpiderFoot предоставляет возможность проводить исследование веб-присутствия, собирать информацию о доменах, IP-адресах, электронных адресах, социальных сетях и других аспектах.

Овладение навыками использования ИТТ позволит следователю значительно сократить время, затрачиваемое на сбор и анализ информации, повысить качество проводимых розыскных действий и мероприятий и увеличит вероятность раскрытия преступлений.

Список литературы

1. Криминалистика : учебник для вузов МВД СССР / [В. С. Аханов и др.] ; под ред. Р. С. Белкина, И. М. Лузгина. М. : Академия МВД СССР, 1978–1980.
2. Лавров В. П. Проблемы розыскной деятельности в криминалистике и уголовном процессе // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сборник статей. Рязань : ИП Коняхин А. В., 2021. С. 182–186.
3. Шаров А. В., Архипова И. А. Совершенствование применения следователем специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 259–263.

Светличный А. А.¹,
*заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела
Тульского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О НЕДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЙ «ЧАСТНАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ» И «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ» В КАЧЕСТВЕ СИНОНИМОВ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Для приобретения, хранения, воспроизводства и передачи специальной информации в науке используются термины, образующие в своей совокупности особую систему языкового выражения специальных понятий – терминологический аппарат науки, который не является неким статическим образованием, а наоборот, постоянно меняется, в том числе, за счет пополнения новыми терминами, образовавшимися вследствие, например, научно-технического прогресса, усовершенствования той или иной области знания.

Согласимся с позицией ученых о том, что «каждая наука имеет свои терминологию и понятийно-категориальный аппарат, усвоение и пользование которым является свидетельством профессионализма в той или иной области знания» [1, с. 101], в то же время «сформированность понятийно-терминологического аппарата науки является одним из показателей, характеризующим ее качественное состояние на текущий момент времени» [2, с. 178]. Не является исключением и криминалистическая наука, также обладающая своей «системой понятий и их определений, а также обозначающих их терминов и знаков» [3, с. 43], в совокупности именуемых языком криминалистики.

Как отмечал И. Ф. Пантелеев, «Язык науки – это ее лицо. Высокий уровень его развития является одним из ярких показателей зрелости, совершенства теоретических положений науки. Как форма выражения результатов научного знания, язык науки должен адекватно отражать содержание ее идей, выводов и практических рекомендаций, быть ярким, точным, определенным, однозначным, экономным (особенно в условиях бурного роста научной информации) и прочно связанным со своей основой – естественным литературным языком. Только при этих условиях профессиональный язык может успешно выполнять свою познавательную и информационную роль, а также функцию профессионального общения» [4, с. 106].

Современный терминологический аппарат уголовно-правовых наук в целом и криминалистики, в частности, имеет ряд противоречий и несогласованностей, что создает определенные проблемы как в теории, так и на практике, осложняя процесс взаимодействия между субъектами правоприменительной деятельности из-за неоднозначности восприятия ими того или иного понятия, и, соответственно, сложности взаимопонимания.

¹ © Светличный А. А., 2023.

Для уголовно-правовых наук, на наш взгляд, эта проблема еще более усложняется тем, что уголовное право, криминалистика, судебная экспертология, уголовно-исполнительное право, криминология, уголовный процесс, теория оперативно-разыскной деятельности, преследуя единую общую цель, – противодействие преступной деятельности, двигаются к ее достижению с различных сторон, но тем не менее при совместном выполнении ряда промежуточных задач, что предполагает необходимость четкого понимания решаемых задач между всеми участниками правоохранительной деятельности, т. е. единого восприятия всех терминов, используемых во всех этих науках.

На наш взгляд, причина данных сложностей заключается в том, что формирование терминологического аппарата данных наук в основном проходило без учета существующих специально разработанных правил терминологии как самостоятельной области знания, что и стало причиной обозначенных выше проблем. Естественно, неоднозначность восприятия того или иного термина, приводящая к недопониманию субъектов в процессе их взаимодействия, приводит к снижению эффективности противодействия преступности, что, в свою очередь, требует обсуждения и выработки научным сообществом путей решения указанных проблем.

Важность и актуальность проблемных аспектов терминологического аппарата криминалистики подчеркиваются повышенным вниманием ученых к данному вопросу. Вопрос этот является крайне актуальным, но далеко не новым, как показывает анализ научной и учебной литературы, многие ведущие ученые в своих трудах уже довольно давно рассматривали вопросы разработки терминологии криминалистики, отмечая при этом необходимость решения существующих понятийных и терминологических проблем в качестве первостепенных задач [5; 6, с. 411–419; 7, с. 51–59; 8, с. 351–359].

Хотелось бы обратить внимание на одну терминологическую проблему: многие авторы отождествляют частную криминалистическую теорию с учением, а также ставят знак равенства между частной теорией и разделом криминалистической техники. Вызвано это тем, что на сегодняшний день четких и общепризнанных критериев разграничения между терминами «теория» и «учение» нет, также нет единого мнения и о том, на какой именно ступени развития и накопления научного знания можно уже однозначно говорить о возможности их формирования. Эта терминологическая неопределенность и дает возможность некоторым ученым свободно оперировать данными дефинициями в научных исследованиях и массово создавать различные учения и теории, что, на наш взгляд, недопустимо и свидетельствует о недоработках в методологии криминалистики.

О важности криминалистических теорий говорил еще Р. С. Белкин. Посвятив им второй том своего трехтомного «Курса криминалистики», он заложил основу для дальнейшей теоретической работы по данному направлению на долгие годы. Но и в его трудах понятия «учение» и «теория» также используются в качестве синонимов [9, с. 136–145]. С точки зрения Р. С. Белкина, каждая из этих частных теорий (учений) отражает, как и вся их система в целом, результаты познания объективных закономерностей действительности, составляющих предмет науки криминалистики [10, с. 5–6].

Профессор А. А. Эксархопуло отмечал, что криминалистическая теория (он выделял только три теории: идентификации, диагностики и принятия решений) – это всегда высшая ступень познания криминалистической науки, разрешающая фундаментальные криминалистические проблемы [11, с. 69].

В. П. Лавров под частной криминалистической теорией предлагал понимать совокупность научных положений, отражающих одну или несколько неразрывно связанных между собой наиболее важных сторон предмета криминалистики. Данный автор выделял уже 12 частных криминалистических теорий [12, с. 85–90].

Анализ научной и учебной литературы за последние годы показывает, что количество предлагаемых некоторыми авторами частных криминалистических теорий (учений) существенно возросло. Так, различными авторами предлагаются следующие: частное криминалистическое учение о видеозаписи следственных действий, криминалистическое учение о борьбе с преступностью несовершеннолетних, общие положения методик расследования преступлений экономической направленности как частная криминалистическая теория и др.

На первый, поверхностный, взгляд данное явление говорит нам об эволюционном движении в науке, развитии ее методологических основ, с другой стороны, при более глубинном изучении сущности данных учений (теорий) возникает вопрос: а насколько предлагаемые для выделения новые «научные формирования» обоснованы, и соответствуют ли они содержательным критериям совокупности знаний, позволяющим говорить о них, как об отдельном теоретическом обособленном образовании, призванном разрешать фундаментальные криминалистические проблемы?

Следует отметить, что данная терминологическая проблема разграничения понятий «теория» и «учение» свойственна не только криминалистике. Во многих других областях знания в научной и учебной литературе термины «теория» и «учение» также не имеют однозначного понятия и довольно часто аналогично используются в качестве синонимов.

Обратившись к некоторым словарям и энциклопедиям, можно найти несколько вариантов, когда термин «теория» рассматривается в качестве синонима термина «учение», а именно, как «учение, являющееся отражением действительности, обобщением практики, человеческого опыта» [13, с. 673]. Мы полагаем, что подобного рода трактовки недопустимы и противоречат нормам и правилам терминоведения. Не может быть у одного термина более одного значения.

На наш взгляд, следует придерживаться другой позиции ученых-научковедов, согласно которой, *теория* – это наиболее сложная форма выражения научных знаний, которая возникает лишь на достаточно высокой ступени развития познания определенной совокупности явлений и включает в себя целый ряд элементов, представляющих собой более простые формы выражения знаний [14, с. 10]. *Учение* является структурным элементом любой теории и рассматривается учеными как совокупность теоретических положений (системы воззрений) о какой-либо области явлений или процессов действительности.

Следовательно, учения, наряду с классификациями, законами и частными теориями, составляют общую теорию любой науки, в том числе и криминалистики. Поэтому и в криминалистике учение следует рассматривать как структурный элемент любой как общей, так и частной теории.

Список литературы

1. Саламатов А. А. Проектирование понятийно-категориального аппарата диссертационного исследования // Педагогическое образование и наука. 2012. № 12. С. 100–103.
2. Берестнев М. А. Криминалистическая характеристика преступления: терминологические подходы, содержания понятия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 176–185.
3. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : Норма, 2001.
4. Пантелеев И. Ф. О понятийном аппарате и языке криминалистических наук // Советское государство и право. 1985. № 4.
5. Селиванов Н. А. Советская криминалистика : система понятий. М. : Юридическая литература, 1982.
6. Гаврилов Б. Я. Проблемы совершенствования законодательства о производстве судебных экспертиз // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 411–419.
7. Толстухина Т. В., Светличный А. А. Некоторые проблемы соотношения терминологии уголовно-процессуального права в системе наук о противодействии преступлениям // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 4. С. 51–59.
8. Светличный А. А., Панарина Д. В. Понятийно-терминологический аппарат криминалистики и судебной экспертизы и его связь с естественным языком // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы : сборник статей, 2022. С. 351–359.
9. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М. : Юридическая литература, 1987. 272 с.
10. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997.
11. Экспархопуло А. А. Криминалистика : учебник. СПб., 2009.
12. Лавров В. П. Частные криминалистические теории: современное состояние и тенденции развития // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-3. С. 85–90.
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2013.
14. Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания. М. : Наука, 1979.

Серова Е. Б.¹,
*заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Расследование убийств неоднократно становилось предметом научных исследований, однако, до настоящего времени все вопросы, связанные с противодействием данным преступлениям, своего полного решения в криминалистической литературе не нашли. Несомненно, имеющиеся теоретические разработки, оказывают существенную помощь следователям на всех этапах расследования. Частная криминалистическая методика расследования убийства и его отдельных разновидностей является мощным оружием в руках следователя. Ее использование существенно облегчает поиск виновного лица, доказывание его причастности к совершению преступления, а также иных обстоятельств, имеющих значение для дела. Однако даже грамотное использование криминалистических рекомендаций на фоне неукоснительного соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства далеко не всегда позволяет полно и своевременно решить сначала задачи раскрытия, а затем и расследования убийства. Если же следователь не считает нужным или не умеет пользоваться имеющимися в его арсенале криминалистическими средствами и методами, проявляет пассивность, незаинтересованность в исходе дела, отступает от требований закона, судебная перспектива для такого дела представляется весьма туманной. И это проявляется не только в том, что следователь не получает оснований для признания расследования законченным. Относительно часто такие убийства в течение длительного времени остаются нераскрытыми и переходят в разряд так называемых «убийств прошлых лет».

По справедливому утверждению Л. Я. Драпкина, «проблема нераскрытых преступлений прошлых лет по делам, которые были приостановлены производством, будучи одной из основных для правоохранительных органов, к сожалению, не только далека от разрешения, но и с каждым годом все больше обостряется. Последовательный рост годовых остатков нераскрытых уголовных дел приводит к невозможности практической реализации принципа неотвратимости наказания и, более того, грозит совершением невыявленными преступниками новых, более тяжких криминальных деяний» [3, с. 105].

Следует отметить, что до настоящего времени не сформировалось единого подхода к определению понятия преступлений прошлых лет. А. С. Нефедьев, исследовавший данное понятие, отмечает изменчивость подходов ученых в разные годы и констатирует, что еще около пятидесяти лет назад, в 70-е гг. XX в., поня-

¹ © Серова Е. Б., 2023.

тие «преступления прошлых лет» не конкретизировалось до такой степени, которая позволила бы правильно понять его смысл и содержание [8, с. 78–80]. Проведенный нами анализ имеющихся в криминалистической литературе позиций по данному вопросу показывает, что абсолютное большинство авторов сходится во мнении, что преступление прошлых лет – это преступление, предварительное расследование по которому приостановлено в соответствии с пп. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а сроки давности привлечения в уголовной ответственности не истекли. Отдельные авторы уточняют при этом, что расследование и (или) приостановление производства по делу должно было иметь место в истекшем календарном году [2, с. 68; 9, с. 158–163; 10, с. 5 и др.]. Другие полагают, что это те дела, которые были возбуждены ранее 1 января текущего года и затем по истечении срока расследования приостановлены из-за необнаружения виновных [3, с. 105; 5, с. 12]. По мнению третьих, это уголовные дела, производство по которым приостановлено и срок следствия по ним превышает один год [7, с. 14–15].

Ряд авторов относит к преступлениям прошлых лет также преступления, длительное время остававшиеся латентными [9].

По нашему мнению, данные подходы имеют право на существование, поскольку все они выделяют в качестве системообразующего признака данных преступлений значительный период времени, прошедший с момента совершения деяния до момента окончания расследования.

При изучении данного вопроса нам встретилось мнение о включении в группу преступлений прошлых лет преступлений, совершавшихся длительное время (серийные преступления) [9, с. 160]. Данная позиция представляется нам недостаточно корректной, поскольку серийные преступления являются по своей сути множеством однотипных противоправных посягательств, в связи с совершение каждого из которых возбуждается уголовное дело. Появление серии свидетельствует, что следственные органы не смогли эффективно раскрыть первые эпизоды серии, которые приобретают характер преступлений прошлых лет. Однако последующие эпизоды серии таким свойством могут и не обладать, поскольку будут своевременно раскрыты и возможные проблемы в доказывании в этом случае будут обусловлены иными причинами.

Также мы не можем согласиться с позицией Р. Ш. Муллажанова, который полагает, что методика расследования преступлений прошлых лет охватывает случаи, когда: обнаруженное преступление раскрыть не удалось; виновные в его совершении не были установлены; уголовное дело о нераскрытом преступлении в соответствии с уголовно-процессуальными нормами приостановлено в связи с истечением сроков следствия, и перед следователем и органами дознания стоит задача продолжить работу по выявлению лиц, совершивших нераскрытое преступление [6, с. 134]. Как известно, установление лица, совершившего противоправное деяние, является одной из задач раскрытия преступления, а потому выделение уважаемым автором первых двух, якобы самостоятельных, групп представляется необоснованным и излишним.

Предпринятая нами попытка систематизации имеющихся в литературе определений понятия преступления прошлых лет имеет непосредственное отношение

к теме настоящего исследования, поскольку позволяет выявить наиболее характерные черты преступления прошлых лет (в нашем случае – убийства), которые должен учитывать субъект расследования при планировании и осуществлении своей деятельности. Приведенные выше определения и авторские подходы позволяют выявить такую характерную черту, оказывающую существенное влияние на всю деятельность следователя. Это значительный временной период, прошедший с момента совершения деяния до определенного момента расследования. Поскольку преступление было совершено в относительно далеком прошлом, существенным образом меняется следовая картина. С течением времени отдельные следы преступления утрачиваются или видоизменяются, создаются предпосылки для постановки под сомнение имеющейся доказательственной информации, существенно снижается актуальность привлечения к ответственности лица, совершившего преступление в далеком прошлом. Все это должен учитывать следователь на всех этапах расследования, в том числе и на заключительном этапе.

На сегодняшний день не оспаривается, что заключительный этап расследования связан с принятием следователем решения об окончании расследования, ознакомлении заинтересованных лиц с материалами уголовного дела и разрешении их ходатайств. Завершается данный этап принятием решения о дальнейшей судьбе дела: либо составляется обвинительное заключение, либо выносится постановление о прекращении производства по делу. Анализ правоприменительной практики показывает, что следователи подчас подходят к решению задач данного этапа недостаточно ответственно, нередко случаи немотивированного отказа в удовлетворении заявленных сторонами ходатайств, обвинительное заключение составляется с применением шаблонов и штампов, без учета специфики конкретного преступления.

По нашему мнению, главная задача заключительного этапа расследования убийств прошлых лет заключается в анализе всей собранной по делу информации для получения ответа на ключевой вопрос: решены ли в полном объеме все задачи расследования убийства. Иначе говоря, можно ли считать преступление раскрытым, обеспечено ли привлечение виновного лица к ответственности, предприняты ли все необходимые меры по возмещению вреда, причиненного преступлением, выявлены ли причины совершения преступления и условия, способствовавшие совершению преступления, и предприняты ли в полном объеме меры по их устранению. В зависимости от полученного ответа и принимается решение о необходимости дополнительной проверки тех или иных версий, включая версии защиты.

Решение данной задачи связано с необходимостью оценки значительного объема информации, полученной в ходе расследования. По нашему мнению, можно выделить несколько направлений такой оценки:

- оценка доказательственной информации, полученной в ходе расследования, позволяющая судить о доказанности предъявленного обвинения;
- оценка хода и результатов расследования для выявления причин перехода убийств в группу преступлений прошлых лет и прогнозирования возможного осложнения судебной ситуации, которая будет формироваться в ходе судебного производства по делу;

– оценка обстоятельств, при которых преступление было раскрыто, с позиции достоверности данной информации и выявления причин, препятствовавших получению данной информации ранее.

Многие ученые неоднократно обращались к исследованию вопроса о причинах, препятствующих своевременному раскрытию убийства. Результатом этих исследований является общепризнанное мнение о том, что указанные причины можно подразделить на объективные и субъективные. Если первые не зависят от воли и желания субъекта расследования и обусловлены обстановкой и механизмом совершения преступления, личностью преступника, особенностями следообразования и своевременностью получения информации о криминальном событии, то вторые кроются в ненадлежащей организации расследования и следственных ошибках, допускаемые, прежде всего, на первоначальном этапе расследования [1, с. 156–157; 3, с. 108–109; 6, с. 135; 11, с. 205–207]. Не останавливаясь подробнее на этом вопросе, отметим лишь, что на заключительном этапе расследования убийства следователь должен стремиться к максимально объективной оценке всей проделанной в ходе производства по делу работы. Необходимо выявить следственные ошибки, допущенные в досудебном производстве и оценить их с позиции значения для дальнейшего производства по делу и достижения целей уголовного судопроизводства.

Так, в случае несущественного отступления от криминалистических рекомендаций (например, неприменении в ходе следственного действия всех возможных технико-криминалистических средств при условии, что необходимая следовая картина была обнаружена и зафиксирована надлежащим образом) целесообразно продумать вопрос о путях получения отсутствующей информации либо возможности компенсации ее отсутствия. Невозможность получения этой информации в силу прошествия значительного промежутка времени (например, в ходе осмотра места происшествия не осуществлялся поиск следов ног) не влияет на принятие решения о дальнейшем движении дела.

В случае неправильного определения предмета следственного действия, нарушения требований уголовно-процессуального закона при его производстве, подмене одного следственного действия другим и т. п., иными словами при совершении ошибки, затрудняющей достижение целей уголовного судопроизводства, следователь должен принять решение о признании соответствующего доказательства недопустимым и провести следственное действие заново. Схожий характер имеют ошибки, допускаемые при принятии определенных процессуальных решений (например, некорректно формулируется постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, своевременно не принимаются решения о применении меры пресечения, наложении ареста на имущество и т. д.). В этих случаях следователь должен принять новое решение, соответствующее требованиям закона (перепредъявить обвинение, изменить меры пресечения и др.). В ряде случаев может потребоваться проведение новых следственных и процессуальных действий, например, допрос свидетелей, назначение повторных и дополнительных судебных экспертиз и др.

Самая сложная ситуация формируется при совершении ошибок, не позволяющих достичь целей уголовного судопроизводства, поскольку создают неустраняемые противоречия в доказательственной базе и сомнения в виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Так, некачественный осмотр места происшествия, в ходе которого следователь не выявил сохранившиеся следы преступления, не зафиксировал обстановку, не позволит в дальнейшем доказать факт присутствия заподозренного лица на месте преступления и выполнения им действий, образующих объективную сторону состава преступления. Проведение обыска до возбуждения уголовного дела не позволит использовать в качестве доказательств изъятые в ходе данного следственного действия объекты и т. д. В совокупности это повлечет за собой невозможность доказывания причастности лица, совершившего деяние, к преступлению и, следовательно, невозможность его привлечения к уголовной ответственности. Прекращение уголовного преследования данного лица в данном случае будет обоснованным, а производство по делу будет приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Несомненно, данная ситуация влечет за собой нарушение прав потерпевшего, интересов государства и общества.

Выше мы уже отмечали, что характерным признаком убийств прошлых лет является значительный период времени с момента совершения преступления до момента его раскрытия. В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что в ряде случаев это может способствовать привлечению лица к уголовной ответственности. Так, Р. Ш. Муллажанов выделяет такие положительные моменты как снижение осторожности и чувства самоконтроля преступника с течением времени, появление его желания поделиться информацией или даже похвастаться совершенным преступлением. К тому же преступник может раскаться, либо рассказать о давнем убийстве после изобличения в иных преступлениях [6, с. 135–136]. Аналогичной точки зрения придерживается А. В. Хмелева [11, с. 209–210] и некоторые другие авторы. Разделяя данную позицию, отметим, что на заключительном этапе расследования следователь должен тщательно проанализировать источники информации совершенном преступлении, оценить добровольность явки обвиняемого с повинной, если таковая имелаась, достоверность показаний свидетелей, а также соответствие требованиям закона оперативно-разыскной деятельности, если информация о преступлении получена в ходе оперативно-разыскных мероприятий. При наличии малейших сомнений в достоверности полученных сведений необходимо продолжить их проверку следственным путем. Это тем более важно, поскольку в дальнейшем дело может слушаться судом с участием присяжных заседателей, которые могут критически оценить доказательственную информацию, ставить под сомнение ее достоверность, сомневаться в законности ее происхождения.

В заключение отметим, что на заключительном этапе расследования убийства прошлых лет заканчивается формирование системы доказательств, подлежащей в последующем проверке и оценке в ходе судебного следствия, что требует от следвателя особой ответственности при принятии решения о направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору.

Список литературы

1. Волынкин Е. Н. О некоторых мерах по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 154–159.
2. Гнеушев А. Г. О понятии преступлений прошлых лет // Научные труды Омской высшей школы МВД СССР. 1979. Вып. 31. С. 68–91.
3. Драпкин Л. Я. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // Российский юридический журнал. 2014. № 4 (97). С. 105–113.
4. Купин А. Ф. Использование учета следов рук в раскрытии преступлений прошлых лет // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3 (23). С. 44–47.
5. Лавров В. П. Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет : учебное пособие. М. : Академия МВД СССР, 1979.
6. Муллажанов Р. Ш. К вопросу расследования преступлений прошлых лет // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сборник статей. Ростов н/Д : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 134–139.
7. Низамов В. Ю. Вопросы теории и практики расследования и раскрытия убийств прошлых лет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2005.
8. Нефедьев А. С. Понятие «убийства прошлых лет»: проблемы толкования / А. С. Нефедьев // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 2 (39). С. 78–80.
9. Рыжкова А. К. Преступления прошлых лет против жизни и здоровья: современное состояние проблемы их раскрытия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 158–163.
10. Фирсов Г. Е. Организационно-тактические основы раскрытия убийств прошлых лет органами внутренних дел (по материалам Украинской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1974.
11. Хмелева А. В. Особенности раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. № 3 (27). С. 205–210.

Берестенко Е. Д.¹,

доцент кафедры криминалистики

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат медицинских наук, доцент

Ростовцев А. В.²,

доцент кафедры криминалистики

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ОЛЬФАКТОРНОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время возрастает значимость ольфакторного метода исследования по сравнению с методами ДНК-анализа ввиду санкционных ограничений на поставки оборудования и расходных материалов для геноскопических исследований. Экспертиза пахнущих следов человека предстает как равноценная среди других судебных экспертиз, отработанная в методическом плане, в том числе и с позиций защиты от проявлений многих факторов субъективного характера. Сегодня методики ольфакторного исследования пахнущих следов человека – это уникальный продукт российской разработки. Следует отметить, что методические возможности определения групповых характеристик человека отработаны только в отечественной практике анализа пахнущих следов человека. Ольфакторное исследование даже позволяет идентифицировать по запаховым следам и монозиготных близнецов, что в принципе нельзя осуществить методами ДНК-анализа. Еще одна отличительная черта ольфакторного метода состоит в том, что он относится к неразрушающим методам исследования, обеспечивает сохранность на объектах исследования иной ценной информации: следов пальцев рук, клеточного материала, микрообъектов без изменения их локализации.

Криминалистическая одорология берет начало с 1965 г., когда группа криминалистов под руководством профессора А. И. Винберга выступила с идеей изымать запаховые следы и консервировать их. Когда по делу появится подозреваемый, использовать результаты исследования запаховых следов с использованием специально обученных собак путем проведения одорологической выборки с приданием статуса документа-доказательства акту (справке) о ее проведении [1, с. 132].

Эта идея первоначально подвергалась жесткой критике, мешающей экспериментальной проверке ее обоснованности. Утверждалось, что в ходе таких исследований собака подменяет эксперта, хотя на самом деле исследование проводит эксперт, использующий собаку-детектор как прибор, который нужно подготовить, перед началом исследования проверить исправность, настроить на решение

¹ © Берестенко Е. Д., 2023.

² © Ростовцев А. В., 2023.

задачи, правильно считать его показания и корректно их интерпретировать, оценить, на основе чего сформулировать конкретный вывод [2, с. 383].

Второе часто выдвигаемое возражение: «Замените собаку прибором, и тогда вопросы отпадут сами по себе!». Идея разработки «электронных носов», одорографии, преподносимая в качестве альтернативы обонянию собак-детекторов, к сожалению, не теряет актуальности уже более полувека. Но это тупиковый путь: запаховые следы индивидуумов включают многие сотни веществ, для детекции которых чувствительности современной аналитической техники, в отличие от обонятельного аппарата собак-детекторов, недостаточно. Попытки же концентрирования запаховых веществ приводят к изменению их качественного состава. Кроме того, изымаемые запаховые следы нередко представляют собой смесь запахов нескольких индивидуумов, которая прибором воспринимается как один запах, тогда как собака-детектор в смеси запахов нескольких человек уверенно дифференцирует характеристики каждого. Таким образом, разработанные до сих пор приборы не смогли заменить обонятельный аппарат собаки.

В результате серьезной доработки во ВНИИ МВД СССР был методически обоснован метод криминалистической одорологии [3], приобретя новое качество, в результате чего был признан судебной практикой нашей страны и ряда стран Европы. Заслуга авторов, ускорившая подготовку собак-детекторов, состояла в отказе:

- от использования в подготовке собак-детекторов дрессировщика;
- закладки лакомства в объекты выборки;
- использования прямолинейного выборочного ряда с переходом к ряду круговой конфигурации;
- применения вместо одной собаки-детектора к трем, повысивших достоверность результатов исследований.

Принципиально важное предложение по введению в выборочный ряд эталонного образца принадлежит В. И. Старовойтову, который успешно вошел в коллектив разработчиков в 1982 г.

В совокупности с другими изменениями эта методика кардинально отличается от западного прототипа в лучшую сторону глубокой научной проработкой всех рекомендаций, осуществленной К. Т. Сулимовым [4].

Ольфакторная характеристика, определяющая индивидуальность в пахнущих следах человека, как показали экспериментальные данные [5, с. 266], сохраняется как в поте, так и в крови человека. В следах сухой крови он законсервирован в течение длительного времени, измеряемого годами, независимо от влияния различных экзо- и эндогенных причин: сезонных перепадов температуры, подвижности субъекта, его возраста, заболеваний, изменений в питании, обмене веществ. Результаты показали, что смешение в равных пропорциях крови двух человек не исключает возможность конкретизировать источник происхождения (определенный человек) каждого компонента смеси. Примесь к крови человека крови животных не влияет на результаты его идентификации по пахнущим следам. Наложение следов парфюмерных или производственных пахнущих веществ также не препятствовало проведению идентификации лица по запаховым образцам, полученным из его крови.

В настоящее время эксперты уделяют следам крови, как наиболее информативным объектам, особое внимание по ряду причин [6, с. 141]:

- вследствие их уникальной информативности. В следах крови содержится комплекс структур и веществ, дающих информацию о субъекте (характеризирующие субъекта пахнущие вещества, ядерная и митохондриальная ДНК, клеточные структуры, белки, ферменты, групповые антигены и др.);
- сравнительно легкое обнаружение при проведении различных следственных и оперативных действий;
- из-за природной способности консервировать пахнущие вещества (высохшие следы крови могут годами удерживать в своей структуре пахнущие ингредиенты);
- кровь служит оптимальным, свободным от внешних помех источником характеризующих субъекта пахнущих веществ и используется для получения относимых, достаточных и качественных сравнительных образцов для судебной экспертизы пахнущих следов человека.

Выявление индивидуализирующего фактора в следах крови человека стало определенной вехой в становлении данного экспертного направления, сделало этот источник пахнущих веществ уникальным объектом исследования и оптимальным сравнительным материалом для ольфакторного анализа [7, с. 133].

Оценивая прикладное значение накопленных за четверть века данных можно увидеть, что в методологии и практических возможностях ольфакторных исследований состоялся качественный прорыв. Судебная экспертиза пахнущих следов человека по резонансным преступлениям, совершенным в условиях неочевидности, востребована следственной практикой, поскольку позволяет установить личность преступника в тех случаях, когда это затруднительно сделать средствами иных экспертиз. Например, при совершении убийств, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности на исследуемых объектах нередко обнаруживаются смешанные биологические следы двух и более лиц. Это обстоятельство, как правило, негативно сказывается на возможности применения молекулярно-генетического ДНК-анализа.

В экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации в настоящее время функционируют специализированные лаборатории по производству судебной экспертизы пахнущих следов человека: в ЭКЦ МВД России, ЭКЦ МВД по Республике Марий Эл, ГУ МВД России по Алтайскому, Ставропольскому краям, Московской, Волгоградской, Самарской областям, УМВД России по Кировской и Новгородской областям, а также ЭКО УМВД России по городу Казани. По отчетным данным в 2018 г. специалистами этих лабораторий выполнено 1828 экспертных исследований пахнущих следов. Всего же за последние пять лет лабораториями указанного профиля произведено свыше 11 400 экспертиз пахнущих следов человека, установлено более 950 лиц, причастных к совершению преступлений [6, с. 144]. Судебная экспертиза пахнущих следов человека продолжает внедряться в деятельность территориальных органов внутренних дел Российской Федерации.

Список литературы

1. Новое в криминалистике / [В. В. Безруков и др.] // Социалистическая законность. 1965. № 10. С. 132.
2. Хрусталеv В. Н. Куда подевалась криминалистическая одорологическая экспертиза? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : сборник статей. М. : Блок-Принт, 2023. С. 383.
3. Старовойтов В. И., Сулимов К. Т. Использование запаховой информации с мест происшествий в раскрытии и расследовании преступлений : методические рекомендации. М. : ВНИИ МВД СССР, 1989.
4. Сулимов К. Т. Кинологическая идентификация индивидуума по обонятельным сигналам : автореф. дисс. ... канд. биол. наук : 03.00.08. М. : Институт проблем экологии и эволюции, 1995.
5. Кинологическая идентификация запаха, извлеченного из следов крови / [М. В. Кисин и др.] // Внедрение достижений науки и техники в практику борьбы с преступностью : сборник материалов. Вильнюс : НИИСЭ МЮ Литовской ССР, 1986. С. 266–269.
6. Старовойтов В. И. Идентификация по пахнущим следам, зафиксированным на объектах кровью потерпевших // Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. С. 141–145.
7. Семенов А. Ю. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / под ред. А. Ю. Семенова, В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2012. С. 133–156.

Воронцов Д. О.¹,

*доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия,
кандидат экономических наук*

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ

Проведенная в России декриминализация части уголовно наказуемых деяний экономической направленности послужила основанием каскадного снижения регистрируемой преступности в 2010–2014 гг., когда ее показатели снизились с 276 435 до 107 797 преступлений, в период с 2015 по 2022 г. величина регистрируемой преступности экономической направленности имеет среднее значение 109 412 преступлений при стандартном отклонении 4 135 преступлений, в связи с чем можно говорить о некоторой стабилизации преступности экономической направленности. Предварительно расследовано из находящихся в производстве в 2016 г. – 61,78 %, 2017 г. – 61,6 %, 2018 г. – 60,84 %, 2019 г. – 60,99 %, 2020 г. – 61,04 %, 2021 г. – 63,75 %, 2022 г. – 71,10 %. Иными словами, раскрываемость преступлений экономической направленности также характеризуется относительной стабильностью. При этом наблюдается разнонаправленная динамика величины ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности. В 2015–2022 гг. среднее значение величины ущерба составило 384 млрд руб., но стандартное отклонение – 117 млрд руб., а пиковое значение достигнуто в 2021 г., когда сумма такого ущерба составляла 641,9 млрд руб. [1]. Таким образом, несмотря на некоторую стабилизацию величины преступности экономической направленности, задача по повышению ее раскрываемости не достигается, что обусловлено стремительно совершенствующимися способами совершения и противодействия расследованию, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

А. Ф. Волынский справедливо отмечает, что «преступность в сфере экономики для защиты своего преступного бизнеса, для обеспечения безопасности его организаторов и руководителей откровенно пользуется услугами общеуголовной преступности, в том числе в целях противодействия расследованию совершаемых преступлений. Отсюда заказные убийства, захват заложников, похищение людей. Экономический интерес лежит в основе терроризма, бандитизма и многих других тяжких и особо тяжких преступлений» [2, с. 201]. «Экономическая преступность органически связана с действиями, направленными на противодействие деятельности правоохранительных органов по выявлению соответствующих преступлений и их расследованию» [2, с. 202].

Специфической чертой противодействия расследованию преступлений экономической направленности является то, что такое противодействие выступает

¹ © Воронцов Д. О., 2023.

неотъемлемой частью самого преступления. По оценкам исследователей, противодействие отмечается в не менее чем 70 % уголовных дел о преступлениях в экономической сфере [2, с. 205].

Конкретные формы и способы противодействия расследованию преступлений экономической направленности обусловлены статусом субъектов противодействия, а именно должностным и процессуальным положением лиц. При этом отличительной чертой от общеуголовного противодействия является то, что значительно затруднено выявление так называемых внешних субъектов противодействия, поскольку они, как правило, не состоят в родственных или иных очевидных связях с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. Например, в делах о хищениях в сфере государственных закупок типичной является ситуация, когда в аукционах и конкурсах принимают участие фирмы-конкуренты, которые проиграли аукцион или конкурс, что, казалось бы, должно их стимулировать на содействие следствию, но являясь бенефициарами коррумпированных или мошеннических схем по другим закупкам представители таких фирм умалчивают на допросах о значимых для следствия фактических обстоятельствах.

В этой связи представляется дискуссионной позиция А. Ф. Волынского, что «в противодействии расследованию экономических преступлений криминализованные связи устанавливаются с большей легкостью, чем при противодействии расследованию общеуголовных преступлений. Объясняется это не только неким сочувствием к тем, кто совершает экономические преступления, но и непосредственной служебной зависимостью потенциальных свидетелей от организаторов экономических преступлений, их материальными и административными возможностями воздействовать на таких лиц» [2, с. 206].

Более того, зачастую расчеты между субъектами противодействия расследованию осуществляются в наличной форме или с использованием подставных лиц для транзакций, в связи с чем такие операции не оставляют документального следа. В настоящее время особую сложность представляют расчеты с использованием криптовалют, в первую очередь основанные на технологии контролируемого блокчейн.

Современный мир стал свидетелем резкого развития криптовалюты, которая является одним из самых быстро растущих секторов экономики. Несмотря на свои преимущества, криптовалюта стала причиной возникновения новых проблем, связанных с борьбой с преступностью в целом и с экономической преступностью в частности. Противодействие расследованию экономической преступности приобрело новые способы совершения в условиях развития криптовалюты, поскольку оплату «услуг» субъектов противодействия крайне затруднительно выявить в силу анонимности транзакций. Это связано с тем, что криптовалюта позволяет пользователям скрыть свои финансовые операции от властей и правоохранительных органов. В результате в настоящее время криптовалюта становится одним из ведущих инструментов как для совершения экономических преступлений, так и дальнейшего противодействия их раскрытию и расследованию.

Одним из главных препятствий для борьбы с экономической преступностью и реализации мер преодоления противодействия расследованию в условиях раз-

вития криптовалюты является отсутствие полноценного регулирования ее оборота. Согласно ч. 4 ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) организация выпуска и (или) выпуск, организация обращения цифровой валюты в Российской Федерации регулируются в соответствии с федеральными законами. Однако до настоящего времени это положение не получило своего развития в законодательстве.

При этом ч. 5 ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) в Российской Федерации запрещено принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Представляется обоснованным утверждение А. А. Гусевой, что «фактически указанная норма ставит под сомнение не только оборотоспособность цифровой валюты, но и целесообразность закрепления ее в законе» [3, с. 88]. При этом, как верно указывает Н. М. Письменный «государственная политика по формированию правовой основы использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в качестве средства платежа имеет сдержанный и неторопливый характер» [4, с. 158].

Криптовалюта не имеет централизованного контроля, что позволяет пользователям свободно обмениваться валютой и скрывать свои финансовые операции. Это создает трудности для правоохранительных органов в расследовании экономических преступлений и реализации мер преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с использованием криптовалюты.

В условиях ограничения использования криптовалюты и отсутствия должного регулирования разрешенных форм ее использования в Российской Федерации активное распространение получили криптовалюты, не входящие в юрисдикцию Российской Федерации. При этом в настоящее время развитие технологии блокчейн, на которой строятся криптовалюты, идет по направлениям общедоступного и контролируемого. Общедоступный блокчейн с точки зрения потенциала для использования в преступных целях представляет меньшие риски, нежели контролируемый. Это связано с тем, что общедоступные блокчейны, на которых основаны такие криптовалюты, как «Биткоин», «BNB Chain», «Ethereum» и другие, характеризуется полной прозрачностью, так записи о движении (операциях) находятся в открытом доступе и проследить направления транзакций возможно, затруднение возникает только с идентификацией лиц. В контролируемом же блокчейне доступ не свободный, а только по приглашению, а весь процесс контролируется валидаторами, что дает возможность не осуществлять открытый доступ к регистрам записей и, более того, размещаться в даркнете, что создает необходимую для преступников конфиденциальность. Именно контролируемый блокчейн представляет в этом смысле существенный риск стать инструментом преступных целей, в том числе как способ противодей-

ствия расследованию экономической преступности, посредством которого осуществляются полностью скрытые, практически не выявляемые расчеты между субъектами противодействия расследованию.

Существует множество способов использования криптовалюты для противодействия расследованию, но наиболее типичными являются два из них. Во-первых, использование анонимных кошельков: при совершении транзакций на криптовалютных биржах можно выбирать кошельки, которые не требуют верификации личности. Это позволяет скрыть свою идентичность и усложнить расследование. Во-вторых, использование миксеров: миксеры – это сервисы, которые смешивают различные криптовалюты с целью усложнения отслеживания их происхождения.

Поскольку преступность, использующая криптовалюту, имеет трансграничный характер, проблема выявления операций с криптовалютой в целях совершения преступлений экономической направленности и противодействия расследованию особенно проявились в условиях ограничения сотрудничества России с международными организациями, в первую очередь с приостановкой членства в международной группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF). Это существенно усложняет борьбу с экономической преступностью и реализацию мер преодоления противодействия расследованию.

Для решения проблемы преодоления противодействия расследованию экономической преступности в условиях развития оборота криптовалюты необходимо создать эффективную систему регулирования. Это позволит контролировать использование криптовалюты и предотвратить ее использование для совершения экономических преступлений.

Противодействие преступному использованию блокчейн технологии может быть осуществлено путем установления соответствующих правовых и регуляторных механизмов. Это предполагает создание правовых норм, которые обеспечивают защиту конфиденциальности данных, а также мер по борьбе с незаконными действиями, связанными с использованием блокчейн технологии. Кроме того, необходимо обеспечить надежную систему идентификации пользователей и соответствующего контроля. Важно также развивать инфраструктуру и экосистему блокчейн технологий, чтобы облегчить их легальное использование в различных отраслях экономики и повысить уровень безопасности.

Кроме того, необходимо разработать новые технологии для отслеживания финансовых операций, связанных с криптовалютой, что позволит правоохранительным органам эффективно бороться с экономической преступностью, в том числе выявлять операции с криптовалютой в целях совершения преступлений экономической направленности и противодействия расследованию. Новые технологии для борьбы с экономической преступностью могут включать в себя использование искусственного интеллекта, блокчейн технологии, аналитики данных и машинного обучения. Например, использование искусственного интеллекта может помочь в выявлении необычных финансовых транзакций, которые могут быть связаны с экономической преступностью. Блокчейн технология может помочь в улучшении прозрачности финансовых операций и их контроля.

Аналитика данных и машинное обучение могут помочь в улучшении анализа больших объемов информации, что окажется полезным для выявления связей и шаблонов в преступной деятельности.

В целом проблема преодоления противодействия расследованию экономической преступности, особенно с использованием криптовалюты, является сложной и многогранной, ее решение требует усилий со стороны правоохранительных органов, государственных и международных организаций. Однако только при совместных усилиях можно достичь успеха в борьбе с этой формой преступной деятельности.

Развитие криптовалюты является одним из значительнейших событий в экономике нашего времени. Однако она также стала причиной возникновения новых проблем, связанных с борьбой с экономической преступностью и преодолением противодействия расследованию. Для решения этих проблем необходимо создать эффективную систему регулирования и разработать новые технологии для отслеживания финансовых операций, связанных с криптовалютой. Только в этом случае можно эффективно бороться с экономической преступностью в условиях развития оборота криптовалюты.

Список литературы

1. Состояние преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics>.
2. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / [Б. Я. Гаврилов и др.] ; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.
3. Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 76–93.
4. Письменный Н. М. Способы манипуляций на рынке криптовалют, роль судебной экономической экспертизы в эпоху цифровизации // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика : сборник статей. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023.

Данилкина В. М.¹,

доцент кафедры криминалистики

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ВИДЕОФИКСАЦИИ «БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД» ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

В настоящее время в России совершается более 5 000 преступлений за сутки [1]. Такое огромное количество преступных посягательств порождает необходимость у правоохранительных органов использовать огромный комплекс сил и средств, предназначенных для противодействия общественно опасным деяниям.

Всего за 2022 г. удалось раскрыть более одного миллиона преступлений. Из них более 22 тыс. были расследованы с помощью системно-аппаратных средств «Безопасный город» [2].

Использование современных информационных технологий позволяет раскрывать преступления по горячим следам. Именно эта система позволяет в кратчайшие сроки прояснить все обстоятельства произошедшего преступного события, установить виновных лиц, составить маршрут передвижения преступников, определить их местонахождение, а также задержать их после совершения преступления.

Как известно, во многих случаях успешное раскрытие и расследование преступлений по горячим следам зависит от своевременности доведения до нарядов полиции, несущих службу в системе единой дислокации, скриншотов с камер наружного наблюдения и композиционных портретов скрывшихся преступников. При организации данной работы следует учитывать современные возможности информационных технологий. Именно созданные в интересах правоохранительных органов системы «Безопасный город» позволяют в автоматическом режиме идентифицировать их, используя все имеющиеся камеры наружного наблюдения, которых, например, только в городе Москве более 236 тыс. [3].

Интеллектуальные и технические возможности рассматриваемых систем достаточно широки. В настоящее время они заключаются в следующих направлениях функционирования систем видеофиксации и контроля:

- в рамках данной системы предусмотрена возможность организации круглосуточного видеонаблюдения за придомовой территорией; данная функция позволяет контролировать происходящие события, которые представляют интерес для органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений по горячим следам;

- именно с помощью комплекса «Безопасный город» представляется допустимым применение алгоритмов распознавания автомобильных номеров, которые предназначены для контроля и отслеживания маршрута передвижения скрывшихся преступников;

¹ © Данилкина В. М., 2023.

- становится возможным обеспечение дежурными службами силовых ведомств оперативного доступа к видеоархивам, которые в свою очередь могут содержать необходимую информацию, требуемую для скорейшего раскрытия и расследования преступлений;

- система имеет профилактическое значение, заключающееся в возможности наблюдения за местами, наиболее подверженным преступным проявлениям и нарушениям общественного порядка.

Стоит отметить, что данная система постоянно совершенствуется. Имеется множество примеров ее эффективного использования при раскрытии и расследовании преступлений по горячим следам всех категорий преступлений, а в особенности тяжких и особо тяжких.

Так, с использованием АПК «Безопасный город» 13 марта 2022 г. в 15:13 на станции метро «Спортивная» был задержан гражданин С., который 11 марта 2022 г. совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 118 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). На этой же станции метрополитена г. Москвы 19 июня 2022 г. задержан гражданин Д., разыскиваемый в связи с совершением им 16 июня 2022 г. преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение и хранение наркотических средств).

Приведем еще несколько примеров с использованием АПК «Безопасный город».

В помещении фитнес-клуба, расположенного в г. Москве, 12 апреля 2021 г., в 14:45, неизвестный, кавказкой внешности, из неустановленного оружия произвел несколько выстрелов в сторону гражданина Г., причинив ему ранения, от которых он скончался на месте. Непосредственно место совершения преступления не попадало в зону контроля камер, входящих в систему городского видеонаблюдения. Однако в результате профессиональных действий сотрудниками ГУ МВД России по г. Москве при работе по имеющимся алгоритмам путем изучения видеоархивов, содержащихся в ГИС ЕЦХД, «ПАРСИВ», а также путем использования информационных ресурсов ЕИП Правительства г. Москвы и УГИБДД ГУ МВД России по г. Москве были обнаружены, зафиксированы и установлены следующие события после совершения преступления:

- маршрут движения предполагаемого преступника после совершения преступления;

- адрес нахождения магазина одежды, в котором предполагаемый преступник приобрел верхнюю одежду в г. Москве;

- автомобиль, используемый предполагаемыми преступниками до и после совершения преступления – Hyundai Solaris;

- адрес местонахождения предполагаемого преступника в г. Москва, где он и был задержан по горячим следам.

В один из отделов МВД России по району г. Москвы 8 июля 2021 г. в 21:40 с заявлением обратился М. и сообщил, что примерно в 15:00 на домашний городской телефон поступил звонок с неизвестного номера, где в ходе разговора неизвестная женщина, представившись племянницей Наташей сообщила, что попала

в ДТП, после чего заявитель передал трубку жене – И., которой также неизвестная, представившись племянницей, пояснила о ДТП с пострадавшей женщиной, также сообщила, что они находятся в полиции. Далее по телефону с ними стал общаться якобы старший следователь центрального управления МВД майор К., который пояснил, что авария произошла по вине племянницы и пострадавшая сторона требует компенсацию 1 000 000 руб., так как данная сумма отсутствовала было предложено 300 000 руб. Позже за данной суммой приехал неизвестный мужчина, представившись из полиции, которому были переданы денежные средства в пакете, завернутые в постельное белье и полотенце. Позже, созвонившись с дочерью, М. выяснил, что с племянницей все в порядке и ДТП не было. Ущерб составил 300 000 руб. Приметы: мужчина славянской внешности, 30–40 лет, среднего роста, в медицинской маске, одет синие джинсы, через плечо сумка темно-зеленого цвета. Материал был зарегистрирован в КУСП ОМВД. Сотрудниками ГУ МВД России по г. Москве в результате изучения видеоархивов, содержащихся в ПАРСИВ ГИС «ЕЦХД», а также использовании информационных ресурсов ЕИП Правительства г. Москвы и УГИБДД ГУ МВД России по г. Москве, были обнаружены, зафиксированы и установлены:

- время входа предполагаемого преступника в подъезд, где проживает потерпевший – 8 июля 2021 г. в 16:17;
- автомобиль, используемый предполагаемым преступником (которому был передан пакет, в котором находились деньги потерпевшего) до и после совершения преступления – Volkswagen Polo;
- фактическое место нахождения автомобиля Volkswagen Polo в г. Москве с находившимся в нем предполагаемым преступником, в котором он и был задержан по горячим следам.

Сам же принцип работы данной системы заключается в том, что при появлении лица в объективе видеокамеры происходит его мгновенное фотографирование, сравнение с имеющимися в базе данных МВД России фотографиями, а далее при совпадении фотографии разыскиваемого преступника и лица, проходящего в пределах видимости видеокамер, сотрудникам патрульных и иных служб поступает соответствующий сигнал, который позволяет оперативно задержать интересующее правоохранительные органы лицо.

Важность раскрытия и расследования преступлений по горячим следам невозможно отрицать. Именно в первые сутки после совершения общественно опасного деяния должен быть произведен максимальный комплекс действий, направленных на изобличение и задержание преступника. Для этого сотрудникам правоохранительных органов приходится прикладывать огромное количество усилий. В целях облегчения их деятельности и усовершенствования методики раскрытия и расследования преступлений по горячим следам необходимо более активно внедрять систему видеоконтроля и фиксации «Безопасный город», которая позволяет в кратчайшие сроки обеспечивать розыск лиц, нарушивших общественный порядок и стремящихся уйти от наказания.

Необходимо расширять данную систему по территории всей Российской Федерации, организовать единую систему доступа ко всем видеокамерам, располо-

женным на придомовых территориях, детских площадках, подъездах жилых домов, а также присоединить к единому комплексу системы видеофиксации дорожные камеры, позволяющие фиксировать множество правонарушений, совершающихся на дорогах, а также способствующих розыску преступников, передвигающихся на автотранспорте.

Дальнейшее целенаправленное и системное развитие и использование АПК «Безопасный город», несомненно, будет способствовать повышению результативности и оперативности работы правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и профилактике преступлений.

Список литературы

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total.
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Официальный сайт ГУ МВД России по г. Москве. URL: <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/>.

*Меркулова М. В.¹,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Московского университета имени С.Ю. Витте,
кандидат юридических наук*

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Информационно-телекоммуникационные технологии в их связи с преступной деятельностью в настоящее время стали обыденностью для следственной практики. Появление новых вариативных способов преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, наряду с прорастанием IT-преступности в различные сферы общественных отношений создает серьезную угрозу социуму и требует от правоохранительных органов соответствующих мер реагирования.

Официальная статистика показывает, что только за январь-февраль 2023 г. в России зарегистрирован рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на 17,1 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. [1]. При этом наиболее распространенными IT-преступлениями имущественного характера по-прежнему остаются кражи и мошенничества.

Еще несколько лет назад интернет-пользователи часто сталкивались с мошенническими рассылками, в которых сообщалось о крупном выигрыше или выплате, для получения которых необходимо было перечислить некоторую сумму в виде комиссии на подложный счет. Другой способ мошенничества эксплуатировал рост интереса граждан к игре на фондовой бирже и заключался в активном привлечении клиентов на сайты, где предлагалось обучение инвестированию за определенное денежное вознаграждение и т. п.

В последнее время на смену подобным способам приходят десятки новых, в том числе намного более сложных. Практически любая сфера, связанная с финансовыми операциями, производимыми частными лицами, сегодня может стать благоприятной почвой для мошеннических действий: жилищно-коммунальное хозяйство, банковская деятельность, торговля и др. При этом одним из самых распространенных инструментов такого интернет-мошенничества является так называемый «фишинг» – цепочка действий, направленных на получение доступа к денежным средствам на банковской карте потенциального потерпевшего. Данная схема включает побуждение интернет-пользователя пройти по предоставленной мошенником адресной ссылке на страницу, являющуюся точной копией какого-либо официального сайта, где предлагается ввести данные банковской карты, после чего к ним получает доступ преступник.

Так, пользуясь тем, что в конце года управляющие компании производят перерасчет за жилищно-коммунальные услуги, преступники направляют потенциальным потерпевшим по электронной почте уведомление о якобы имеющихся долгах по оплате жилищно-коммунальных услуг и просят погасить долг онлайн,

¹ © Меркулова М. В., 2023.

предоставляя поддельные квитанции, причем сумма «долга» может исчисляться десятками тысяч рублей. Если потерпевший начинает процесс оплаты онлайн и вводит реквизиты своей карты на сайте, перейдя на него по ссылке из письма, то мошенники получают доступ к его банковскому счету. В случае же игнорирования письма потерпевшему поступает звонок якобы от лица управляющей компании для проверки совершенных ранее в этом году платежей. Преступник убеждает абонента в наличии «долга по квартплате», пытаясь при этом выяснить способы оплаты и реквизиты карты, по которой ранее проводился платеж, после чего предлагают совершить «тестовую транзакцию для проверки» и сообщить им код из SMS. Подобная схема приобрела особую актуальность в условиях недавней пандемии COVID-19 и удаленной работы в связи с резким возрастанием расходов на коммунальное обслуживание.

В сфере торговли набирает обороты использование фальшивых страниц интернет-магазинов и фишинговых рассылок с информацией о скидках на товары, пользующиеся спросом. Для совершения мошеннических действий активно используются агрегаторы частных объявлений, в том числе одна из наиболее популярных в настоящее время торговых площадок – интернет-сайт частных объявлений Avito. Рассмотрим подробно одну из применяющихся при этом схем мошеннических действий.

Выбрав объявление о продаже конкретной вещи (не обязательно дорогостоящей), мошенник под видом покупателя из другого региона связывается с продавцом, убедительно изъявляя готовность приобрести эту вещь. При этом продавец выбирается среди лиц, сравнительно недавно пользующихся данной торговой площадкой с расчетом на неопытность потенциального потерпевшего в сфере интернет-продаж. Если в диалоге с продавцом мошенник убеждается в его неосведомленности относительно сервисных функций сайта и правил продаж, то незамедлительно предлагает помощь в оформлении покупки с доставкой. Преступник сообщает, что товар им оплачен и направляет продавцу ссылку с адресом, максимально сходным с адресом торговой площадки (например, <https://avito-my.com/seller/2486410393>), для зачисления денежных средств на карту. При переходе по данной ссылке продавец попадает на страницу с логотипами сайта Avito и службы доставки (например, Vohberry), фотографией товара, фиктивными данными покупателя и якобы уплаченной за товар суммой. Под обозначенной суммой находится кнопка «Получить средства» и комментарий «Проведение платежей безопасно». Кроме того, на странице размещается инструкция по получению средств, содержащая информацию, вводящую пользователя в заблуждение относительно предстоящей операции по карте. Текст такой инструкции нередко изобилует фактическими, логическими и грамматическими ошибками, однако информация воспринимается продавцом как достоверная и с помощью кнопки «Получить средства» совершается переход на следующую страницу – форму «Зачисление средств». В форму предлагается ввести реквизиты карты (в том числе CVC-код) и помимо этого указать баланс, что служит дополнительной гарантией для преступников. Нажатием кнопки «Зачислить» с карты продавца списываются денежные средства в пользу мошенников.

Не менее распространенными остаются и так называемые «телефонные» мошенничества, в ходе которых преступник, представляясь сотрудником банка или правоохранительных органов, вступает в телефонный разговор с потенциальным потерпевшим и под различными убедительными предложениями («возбуждено уголовное дело», «в настоящий момент со счета карты осуществляется перевод денежных средств» и т.п.) вынуждает его сообщить персональные данные, реквизиты платежных карт, сведения о совершенных по карте операциях, коды из SMS-сообщений и т. д. Полученная информация используется для хищения денег со счетов граждан.

Отметим, что особенно активный рост численности «телефонных» мошенничеств наблюдался в период пандемии COVID-19, а потерпевшими в большинстве случаев становились лица, не пользовавшиеся ранее дистанционными банковскими услугами.

В каждой подобной мошеннической схеме наряду с расчетом на низкий уровень финансовой и правовой грамотности потерпевших присутствует психологическая составляющая. Страх потерять деньги или привлечь внимание правоохранительных органов в совокупности с правдоподобным ограничением во времени для принятия решения (убеждение в необходимости срочной отмены операции, перевода денежных средств на безопасный счет и т. п.) заставляют потерпевшего действовать по указанию мошенника.

Лица, занимающиеся преступной деятельностью подобного рода, имеют возможность избегать идентификации путем использования технологии «подменных» абонентских номеров посредством IP-телефонии.

IP-телефония представляет собой способ голосовой связи через Интернет путем преобразования человеческого голоса в цифровой сигнал, который передается на устройство вызываемого абонента. Для этого используются коммуникационные протоколы, технологии и методы, обеспечивающие набор номера, дозвон и двустороннее голосовое общение или видеосвязь. В настоящее время также используется термин «SIP-телефония» в силу того, что наиболее популярным IP-протоколом является SIP (Session Initiation Protocol) – протокол передачи данных, описывающий способ установления и завершения пользовательского сеанса связи, включающего обмен мультимедийным содержимым в ходе телефонной связи, видеоконференций, отправки мгновенных сообщений, онлайн-игр и т. д. При этом кроме SIP существует ряд других IP-протоколов: стандарт H.323 (система протоколов, которые позволяют передавать медиаданные по пакетным сетям), MGCP (протокол управления медиашлюзами) и др.

Данный сервис позволяет редактировать характеристики исходящих вызовов, в том числе вводить в программу телефонии любые желаемые цифры, на которые будет заменен настоящий номер инициатора вызова. Этим активно пользуются преступники, совершая звонки с подключением через защищенную сеть VPN. VPN (Virtual Private Network) – совокупность технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений (логическую сеть) поверх другой сети (например, Интернет). Применяемые в ней способы шифрования данных не

позволяют определять IP-адреса серверов пользователей и отслеживать их активность, что порождает комплекс проблем, связанных с установлением абонента в процессе раскрытия преступлений.

В решении Коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3км «О мерах по совершенствованию организации работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» было подчеркнуто, что анализ складывающейся оперативной обстановки, связанной с IT-преступностью, свидетельствует о наличии ряда проблемных вопросов, препятствующих эффективной организации соответствующих направлений оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и требующих скорейшего разрешения. В частности, указано на отсутствие эффективных механизмов взаимодействия органов внутренних дел с заинтересованными ведомствами и коммерческими организациями, предусматривающие возможность оперативной блокировки сайтов интернет-пирамид, фишинговых сайтов и мошеннических колл-центров, а также номеров телефонов, с использованием которых осуществляются мошеннические действия. Среди негативных факторов названо неисполнение операторами сотовой связи, IP-телефонии, интернет-провайдерами Правил хранения текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2018 г. № 445, по срокам хранения информации в течение 6 месяцев с даты окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. Отмечена необходимость систематизации в рамках единой базы данных «Дистанционное мошенничество» информации о зарегистрированных IT-преступлениях, а также создания автоматизированных систем мониторинга сети Интернет, в частности информационных систем поиска по метаданным [2].

За истекший период благодаря предпринятым мерам наметился ряд положительных перемен в сфере борьбы с IT-преступностью. В контексте рассматриваемой проблематики хотелось бы отдельно отметить развитие межведомственного сотрудничества на данном направлении, а также вступление в силу норм законодательства, предусматривающих блокировку подменных номеров и административную ответственность операторов связи. Так, в соответствии со ст. 46 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» операторы связи при передаче коротких текстовых сообщений, голосовых сообщений, установлении телефонных соединений обязаны передавать в неизменном виде абонентский номер или уникальный код идентификации, выделенный абоненту, инициировавшему соединение. Если у оператора связи, участвующего в установлении соединения, в том числе для передачи SMS-сообщения, отсутствует информация об абонентском номере или уникальном коде идентификации абонента, инициировавшего это соединение, то он обязан прекратить оказание услуг. Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 480-ФЗ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнен ст. 13.2.1, которая предусматривает ответственность за неисполнение указанных обязанностей в виде административного штрафа.

Не вызывает сомнений необходимость дальнейшей работы по противодействию IT-преступности, в том числе мошенничествам с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Требуется внимания организация мероприятий по соответствующей переподготовке и повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов, проведение научно-исследовательской работы по изучению новых способов мошенничества, совершенствование методов информирования населения о них, а также разработка эффективных технических мер защиты от мошеннических действий.

Список литературы

1. Материалы ФКУ ГИАЦ. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-февраль 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/-item/36479770/>.
2. Приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 878 «Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3 км» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>. Режим доступа : по расписанию.

Мозговая Д. А.¹,

доцент кафедры криминалистики

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОЛУЧЕНИЮ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Теме противодействия расследованию и путях его преодоления неоднократно посвящали свои исследования отечественные ученые-криминалисты [1; 2]. Среди многочисленных трудов доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Петровича Лаврова данная тема также заняла достойное место. Ученый обосновал свой интерес тем, что преступная деятельность как один из наиболее экстремальных видов человеческой деятельности изначально предполагает наличие весьма развитого компонента, обеспечивающего безопасность ее субъектов. Поэтому деятельность, направленная на воспрепятствование расследованию совершенных и совершаемых преступлений, имеет многообразные проявления и довольно сложную структуру [3, с. 73]. В связи с появлением новых видов объектов, на которые может быть направлено противодействие, возникают и новые его способы. Следовательно, данная тема не теряет своей актуальности. Неоднократно подчеркивалось и ее большое практическое значение [3, с. 74].

Как ранее нами отмечалось, любое противодействие легче предотвратить, чем затем преодолевать. Приступая к проведению следственного действия, следователю необходимо уметь прогнозировать возможное поведение его участников, заранее выбирая нужную тактику, не давать им возможности солгать или фальсифицировать доказательства [4, с. 238–239]. Это в полной мере относится и к получению образцов для сравнительного исследования, предусмотренное ст. 202 УПК РФ. Но справедливым будет это утверждение только при условии получения образцов на стадии предварительного расследования, когда у следователя, дознавателя в арсенале уже имеется необходимый объем информации о возможном поведении участников, включая и такое деструктивное, как противодействие расследованию.

Существующая на сегодняшний день процессуальная возможность получения образцов на стадии возбуждения уголовного дела существенно ограничивает возможности прогнозирования противодействия. Проверку информации о преступлении, как правило, проводит сотрудник органа дознания, ставящий перед собой определенную цель: собрать необходимые данные, достаточные для принятия решения о возбуждении уголовного дела в сжатые сроки, конечно, о прогнозировании вариантов поведения участников в большинстве случаев речь не идет.

На первый взгляд вопрос противодействия при получении образцов для сравнительного исследования не является актуальным, поскольку выполнение ст. 202 УПК РФ – это не единственная возможность их получения. Свободные образцы, как известно, попадают в распоряжение сотрудников правоохранительных органов при проведении соответствующих следственных действий, например обыска;

¹ © Мозговая Д. А., 2023.

не редкостью является и принятие образцов для сравнительного исследования, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий. При наличии различных иных вариантов стоит ли акцентировать внимание на противодействии получению образцов для сравнительного исследования, предусмотренном ст. 202 УПК РФ? Полагаем, что стоит, поскольку несомненность происхождения образцов в полной мере может быть установлена следователем или дознавателем только в этом случае.

Как известно, результатом процессуального действия, предусмотренном ст. 202 УПК РФ, не является получение вещественного доказательства и здесь мы согласимся с авторами, которые указывают на отсутствие как его познавательного характера, так и направленности на собирание, проверку и оценку доказательств [5, с. 93]. Но у него есть несколько иных важных функций: во-первых, получение образцов осуществляется под контролем следователя, в необходимых случаях к его участию могут привлекаться и специалисты, что повышает результативность процессуального действия; во-вторых, в числе прочих условий результаты рассматриваемого процессуального действия в последующем позволяют эксперту сформулировать однозначный вывод в заключение. Исходя из анализа судебно-следственной практики, одной из причин невозможности решения вопросов, поставленных перед экспертом, является именно недостаточность или непригодность образцов для сравнительного исследования.

Для дальнейшего рассмотрения вопроса, следует определить место противодействия при получении образцов для сравнительного исследования в общей системе классификации. Авторы единодушно выделяют такое системообразующее основание для классификации, как тип объекта, на который направлено воздействие участника, в результате чего различают следующие формы:

- воздействие на вербальную доказательственную информацию, на ее источники и носители;
- воздействие на материально отображаемую доказательственную информацию, ее источники и носители;
- противодействие без воздействия на доказательственную информацию;
- воздействие на цифровую доказательственную информацию, ее источники и носители [6, с. 65].

С учетом приведенной классификации любые способы воспрепятствования получению образцов для сравнительного исследования можно с уверенностью отнести к противодействию без воздействия на доказательственную информацию, выше мы уже обосновывали эту позицию. Внутри обозначенной формы полагаем целесообразно выделить следующие виды противодействия:

1. Воздействие на процессуальную (формальную) сторону получения образцов для сравнительного исследования:

- уклонение от явки для производства рассматриваемого процессуального действия;
- отказ выполнить постановление о получении образцов для сравнительного исследования;
- отказ подписать протокол получения образцов для сравнительного исследования.

2. Воздействие на объекты-носители признаков:

- симуляция какого-либо заболевания, препятствующего получению образцов, например осиплость голоса;
- сокрытие предмета, который используется для получения образцов и проб, например, обувь, печати, штампы, принтеры;
- умышленное искажение признаков, например, искажение голоса, речи, почерка, подписи;
- уничтожение или повреждение предмета, который предполагалось использовать для получения образцов и проб;
- подмена предмета-носителя признаков, например печати.

Осознавая значимость образцов для сравнительного исследования при производстве экспертизы, лица, противодействующие их получению, желают чтобы в распоряжение следователя не попало такое доказательство, как заключение эксперта. Задача следователя в этой связи своевременно принять меры, которые бы позволили не допустить или тактически верно преодолеть такое противодействие. Выделение видов противодействия получению образцов для сравнительного исследования является первым шагом на пути дальнейшего исследования этих вопросов.

Список литературы

1. Бабаева Э. У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : Московская государственная юридическая академия, 2006.
2. Тишутина И. В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности как объект криминалистического анализ : монография / под ред. А. Ф. Волынского. Тула : ТулГУ, 2011.
3. Лавров В. П., Рубцов В. Г. К вопросу о способах и методах противодействия расследованию преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2007. № 12. С. 73–77.
4. Кротова Л. Е., Мозговая Д. А. Некоторые аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений // Уголовная политика и культура противодействия преступности : сборник статей. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 238–241.
5. Дьяконова О. Г. Получение образцов и проб для сравнительного исследования как процессуальное действие // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 100–107.
6. Тишутина И. В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию: современное состояние и перспективы развития // Развития учения о противодействии расследования преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей. М. : Академия управления МВД России, 2021. С. 60–69.

Неупокоева И. А.¹,

*доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

Клопертанец М. А.²,

*слушатель следственного факультета
Омской академии МВД России*

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Технико-криминалистическое обеспечение играет важнейшую роль в раскрытии и расследовании преступлений. По мере развития технологий меняются и методы, используемые преступниками, что делает все более важным наличие ресурсов и опыта для надлежащего расследования и раскрытия преступлений. Техническая поддержка предоставляет правоохранным органам инструменты, необходимые для сбора и анализа цифровых доказательств, в то время как судебно-медицинская поддержка может помочь идентифицировать подозреваемых с помощью ДНК, отпечатков пальцев и иных вещественных доказательств. Хочется обратить особое внимание на значение технико-криминалистического обеспечения в уголовном расследовании, а также проблемы, связанные с предоставлением результатов экспертиз.

Стоит упомянуть о важности технической и судебно-медицинской поддержки в уголовных расследованиях. В ней будут обсуждаться различные виды технико-криминалистического обеспечения и как они используются, проблемы, связанные с предоставлением результатов экспертиз, а также преимущества инвестирования в техническую и судебно-медицинскую поддержку правоохранных органов. Цель состоит в том, чтобы обеспечить всестороннее понимание того, как техническая и судебно-медицинская поддержка может улучшить результаты уголовного расследования и обеспечить безопасность для общества. Освещая преимущества и проблемы технико-криминалистического обеспечения, наши предложения помогут оценить роль технологий в системе уголовного правосудия и важность предоставления адекватных ресурсов для поддержки этих усилий. Начнем с технической поддержки. Техническая поддержка – это комплекс услуг, которые предоставляют правоохранным органам инструменты, необходимые для сбора, обработки и анализа цифровых доказательств. Эти услуги включают, в том числе, проведение компьютерной и радиотехнической экспертиз, которые включают в себя анализ, сетевую трафика и восстановление удаленных данных. Техническая поддержка должна предоставляться специализированными подразделениями правоохранных органов, такими как подразделения по борьбе с компьютерными преступлениями и высокими технологиями, или сторонними поставщиками, специализирующимися на цифровом

¹ © Неупокоева И. А., 2023.

² © Клопертанец М. А., 2023.

криминалистическом анализе. Это предполагает использование технологий для сбора и анализа цифровых доказательств, таких как электронные письма, записи телефонных разговоров и посты в социальных сетях, которые могут быть использованы для идентификации подозреваемых и установления их вины. Кроме того, техническая поддержка также важна для сохранения доказательств, поскольку она помогает предотвратить потерю или уничтожение цифровых данных, которые могут иметь отношение к делу [1].

Так, правоохранительным органам доступно несколько видов технической поддержки. Компьютерная экспертиза включает в себя сбор и анализ данных из компьютерных систем, включая жесткие диски, карты памяти и USB-накопители. Радиотехническая экспертиза, или исследование мобильных устройств, – это процесс сбора и анализа данных с мобильных телефонов и других портативных устройств. Сетевое изучение включает в себя анализ сетевого трафика для выявления подозрительной активности и сбора доказательств. Восстановление данных включает в себя восстановление утерянных или поврежденных данных, которые могут иметь решающее значение для идентификации подозреваемых и установления их вины.

В качестве примера эффективного использования технической поддержки в уголовных расследованиях можно привести расследование взрыва на Бостонском марафоне в 2013 г. После нападения правоохранительные органы использовали комбинацию компьютерной экспертизы и видеоанализа, чтобы идентифицировать двух подозреваемых, которые позже были задержаны и привлечены к ответственности [2]. Аналогичным образом, в ходе расследования стрельбы в Сан-Бернардино в 2015 г., правоохранительные органы использовали исследование мобильных устройств для извлечения данных с телефонов подозреваемых, что помогло установить их мотивы и связи с террористическими организациями.

Судебно-медицинская экспертиза является важнейшим компонентом уголовных расследований, включающим изучение и анализ вещественных доказательств, помогающих идентифицировать подозреваемых и установить причину смерти или причиненный вред. Необходимо отметить, что судебно-медицинская экспертиза имеет важное значение для определения способа и причины смерти, а также идентификации жертв преступления и часто используется в сочетании с другими судебно-медицинскими методами, такими как анализ ДНК и снятие отпечатков пальцев.

Судебно-медицинская экспертиза – это комплекс услуг, которые включают в себя изучение и анализ вещественных доказательств, связанных с преступлением. Эти услуги включают судебную патологию, токсикологию и медицинское фотографирование. Эксперты судебной медицины тесно сотрудничают с правоохранительными органами в сборе и анализе вещественных доказательств, таких как ДНК, образцы крови и тканей, чтобы помочь идентифицировать подозреваемых и установить причину смерти или повреждений [3].

Существует несколько видов судебно-медицинской экспертизы, доступной правоохранительным органам. Судебно-медицинская патология включает в себя исследование трупов для определения причины и способа смерти, а также сбор

вещественных доказательств, которые могут иметь отношение к делу. Токсикология включает в себя анализ жидкостей и тканей организма для выявления наличия наркотиков, ядов или других токсичных веществ, которые могут быть связаны с преступлением. Медицинская фотография включает в себя документирование травм, ранений и других вещественных доказательств с использованием фотографии и методов визуализации.

Хочется привести пример использования судебно-медицинской поддержки в уголовных расследованиях. Например, судебный процесс над О. Дж. Симпсоном в 1995 г. Судебные патологоанатомы смогли предоставить важнейшие доказательства относительно причины и способа смерти жертв, что помогло установить вину подсудимого. Другим примером является расследование убийств бостонских душителей в 1960-х гг., когда судебно-медицинские эксперты смогли использовать анализ ДНК для идентификации исполнителя преступлений. Эти примеры демонстрируют важность судебно-медицинской поддержки в уголовных расследованиях и решающую роль, которую судебно-медицинские эксперты играют в системе уголовного правосудия.

Хотя техническая и судебно-медицинская поддержка являются важнейшими компонентами современных уголовных расследований, существует ряд проблем, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при использовании этих ресурсов. Эти проблемы включают стоимость технической и судебно-медицинской поддержки, наличие квалифицированного персонала, а также юридические и этические соображения. Одной из главных проблем технической и судебно-медицинской поддержки являются затраты, связанные с этими ресурсами. Оборудование и технологии, необходимые для цифрового криминалистического анализа и медицинских осмотров, могут быть дорогостоящими, а затраты на обучение и наем квалифицированного персонала могут быть значительными.

Еще одной проблемой технической и судебно-медицинской поддержки является наличие квалифицированного персонала. Цифровой судебно-медицинский анализ и медицинские экспертизы требуют специальной подготовки и опыта, и в этих областях ощущается нехватка квалифицированных специалистов. Этот дефицит может привести к задержкам в расследованиях и может привести к тому, что дела останутся нераскрытыми из-за нехватки доступных ресурсов. Существуют юридические и этические соображения, связанные с использованием технической и судебно-медицинской поддержки в уголовных расследованиях. Например, использование цифрового криминалистического анализа вызывает опасения по поводу конфиденциальности и защиты данных. Правоохранительные органы должны руководствоваться юридическими и этическими соображениями, чтобы гарантировать, что они используют техническую и судебно-медицинскую поддержку надлежащим и ответственным образом.

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить, что техническая и судебно-медицинская поддержка играют решающую роль в современных уголовных расследованиях, помогая правоохранительным органам собирать и анализировать вещественные доказательства, идентифицировать подозреваемых и устанавливать причину и способ смерти или повреждений. Однако существует ряд

проблем, связанных с использованием этих ресурсов, включая стоимость, наличие квалифицированного персонала, а также юридические и этические соображения. Решение этих проблем имеет решающее значение для обеспечения того, чтобы техническая и судебно-медицинская поддержка использовалась эффективно и ответственно для содействия общественной безопасности и правосудию. Несмотря на эти проблемы, достижения в области технологий и приемов постоянно расширяют возможности технической и судебно-медицинской поддержки, подчеркивая важность инвестирования в эти ресурсы для укрепления системы уголовного правосудия. В конечном счете эффективное использование технической и судебно-медицинской поддержки имеет важное значение для поощрения подотчетности и сдерживания преступного поведения, помогая создавать более безопасные и справедливые сообщества.

Список литературы

1. Карбо Э. К., Хикман М. Дж. Цифровая криминалистика и закон: вызовы и возможности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-i-vozmozhnosti-tsifrovoy-epohi-sotsiokulturnyy-aspekt>.
2. Уокер Дж. Т. Судебная медицина: клинические и патологические аспекты. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.
3. Хоук М. М. Основы судебной медицины. Академическая пресса. URL: <https://overdrive.com/media/619860/fundamentals-of-forensic-science>.

Николаева А. Н.¹,
*научный сотрудник отдела планирования
и контроля научных исследований
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Круг научных интересов В. П. Лаврова поражает своей широтой, заслуженный ученый посвятил более 300 научных трудов изучению проблем как общей криминалистической теории, так и криминалистической техники, криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. Примечателен факт того, что история и статистика публикаций авторов, аффилированных с Академией управления МВД России (на тот момент – Высшая школа МВД СССР), на elibrary.ru берет свое начало именно со статьи 1963 г. ученого-криминалиста В. П. Лаврова [1]. Несомненно, ключевой тематикой исследований В. П. Лаврова является изучение организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, изучению проблем которых он посвятил диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора наук. Значительное количество работ посвящено им как изучению проблем противодействия расследованию преступлений и мерам по его преодолению, так и криминалистическому обеспечению расследования преступлений [2; 3]. Также, В. П. Лавров рассматривал вопрос криминалистического учения об организации расследования преступлений [4].

Совершенно справедливо в своих трудах В. П. Лавров выделяет в качестве ключевых элементов криминалистической характеристики преступлений данные о способе совершения (действия по подготовке к совершению преступлений и действия по сокрытию преступления), следы преступления и личность преступника [5]. Не оставил без научного внимания профессор В. П. Лавров и проблемы расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

Говоря о теме нашего исследования, использование цифровых технологий стало ежедневной реальностью для большинства современных стран мирового сообщества. Цифровизация общества, а также развитие современных информационно-телекоммуникационных технологий прочно вошли во все сферы жизнедеятельности современного общества и имеют важное значение для обеспечения национальной безопасности.

Необходимо отметить, что преступность в свою очередь применяет возможности сети Интернет, в том числе сервисов, обеспечивающих анонимизацию действий в информационно-телекоммуникационных сетях, так как она хорошо осве-

¹ © Николаева А. Н., 2023.

домлена о средствах, приемах и методах оперативно-разыскной, уголовно-процессуальной и экспертно-криминалистической деятельности [6, с. 12]. Об актуальности проблемы уяснения механизма совершения преступлений рассматриваемой категории также свидетельствует повышенное внимание правоохранительных органов, органов государственной власти, институтов гражданского общества к результатам расследования преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Вследствие недостатков во взаимодействии при осуществлении расследования преступлений указанной категории лицу, осуществляющему расследование преступлений указанной категории, необходимо понимание способа совершения, специфики обстановки совершения преступления, слеодообразования, а также характерных особенностей личности преступника.

Анализу проблем расследования исследуемых преступлений посвящены труды Ю. В. Гаврилина [6], В. М. Быкова [7], И. П. Можяевой [8–11], В. Н. Карагодина [12; 13], Е. В. Смахина [14] и других ученых. В настоящий момент, организация расследования преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, не отвечает постоянно изменяющейся системе правоотношений в вышеуказанной сфере, вследствие чего мы можем наблюдать ошибки в деятельности субъектов, осуществляющих предварительное расследование. Можно предположить, что данные недочеты вызваны недостаточным опытом организации расследования преступлений, указанной категории, ограниченным объемом знаний о правовом регулировании в указанной сфере и криминалистической характеристике преступлений исследуемой категории.

Криминалистическая характеристика отдельных видов и групп преступлений в теории традиционно рассматривается как научная категория, представляющая собой систему обобщенных сведений об условиях и обстановке, типичных свойствах личности субъектов посягательств, способах совершения анализируемых деяний, механизмах слеодообразования и иных обстоятельствах, имеющих значение для проведения качественного расследования в разумные сроки [12, с. 25].

Необходимо остановиться на отдельных элементах криминалистической характеристики исследуемой категории преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, отражающих их особенности и требующих всестороннего научного исследования, учитывая их специфику, а также трудности в их выявлении, раскрытии и расследовании. К таковым относятся: способ совершения преступления, который включает способ подготовки, совершения, сокрытия, а также обстановку совершения преступления, особенности слеодообразования и особенности личности субъекта преступления.

Так, в зависимости от способа совершения преступления указанной категории можно разделить на те, которые совершены с использованием непосредственного доступа к компьютерной технике и информации, и те преступные деяния, которые совершены с удаленным или опосредованным доступом к компьютерной технике и информации [15].

Представляется необходимым отметить наличие специфических особенностей в вопросах, касаемых стадий совершения преступлений указанной категории. Так, преступник подходит с наибольшей долей ответственности к приготовлению к совершению преступления (сбор сведений о предмете преступления, времени и месте его совершения, особенностях оборудования, подбор средств совершения преступления и определение мер, направленных на сокрытие следов преступного деяния). На стадии совершения преступления, в зависимости от способа его совершения, имеются характерные особенности – при непосредственном доступе осуществляется проникновение к месту нахождения средства совершения преступления, получение доступа к предмету совершения преступления и его изменение (хищение, уничтожение, модификация, копирование, замена, блокирование). При дистанционном способе совершения преступления субъект преступления посредством использования локальной или глобальной сетей, а также путем использования вредоносных программ, применения считывающих информацию на расстоянии технических средств, а также перехват информации (при осуществлении передачи) удаленно (посредством исключения физического контакта) получает доступ к средству совершения преступления. Наличием соответствующей специфики в зависимости от способа совершения преступления характеризуется и стадия сокрытия следов преступления. При совершении преступления путем непосредственного доступа зачастую осуществляется уничтожение традиционных следов (следы рук, предметы, находившиеся при субъекте преступления и др.), при удаленном доступе субъект принимает меры по сокрытию месторасположения компьютерного оборудования и иных средств, используя который субъект осуществлял доступ, а также сокрытие следов воздействия на средство совершения преступного посягательства.

Обстановка совершения преступлений указанной категории включает место, время совершения преступления, а также особенности организации компьютерных систем и их сетей. Не может быть подвергнут сомнению тот факт, что место преступления может быть различным в зависимости от способа совершения преступления: при непосредственном доступе, место совершения – местонахождение средства (к примеру, компьютера) и предмета (к примеру, информации) совершения преступления; при совершении преступного посягательства посредством исключения физического контакта, место совершения преступления, место наступления последствий, место хранения результатов могут быть различными, также при выявлении, раскрытии и расследовании такого рода преступлений могут выделять место, которое было посредником между местом совершения преступного посягательства и местом хранения предмета преступного посягательства. Безусловно, необходимо понимать, что для восстановления исчерпывающей картины произошедшего события факт установления вышеуказанных мест имеет важное значение. Установление времени совершения преступления также имеет существенное значение для понимания причинно-следственной связи. Время в данном случае также может принимать различные значения, к примеру, можно различить время обнаружения события преступного посягательства, а также время наступления последствий.

Так необходимо отметить, что рассмотрение и анализ особенностей личности преступника занимает важное место в криминалистической характеристике любого преступления, но особенностям личности преступника, совершившего преступное посягательство в сфере компьютерной информации, отводится особое место с точки зрения выявления и расследования таких преступлений. Вполне возможны ситуации, когда способ совершения преступления или используемое средство практически однозначно характеризует личность правонарушителя [7]. Вместе с тем определенная характеристика субъекта указанных преступлений отсутствует. В большей степени преступные посягательства данного рода совершаются лицами мужского пола. Нужно понимать, что в связи с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности общества и интеграции цифровых технологий с начальных этапов социализации человека возраст субъекта преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, не является характерной особенностью.

Важной особенностью криминалистической характеристики является следовая картина. Специфика и отличительная особенность от остальных элементов заключаются в том, что в результате совершения преступления в различных ситуациях могут остаться как присущие обычному преступлению следы (традиционные следы преступления), так и специфические компьютерные следы, которые остаются в памяти используемых для совершения преступлений устройств [14, с. 270]. Данный факт только подтверждает то, что исследование цифровых следов требует наличие специальных знаний, а также соответствующей квалификации и, нередко и специализированные программы для электронно-вычислительных машин является важным аспектом противодействия преступлениям исследуемой категории.

К элементам криминалистической характеристики преступлений, указанной категории, можно отнести также обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. К данным обстоятельствам, как и при производстве по уголовным делам, по расследованию любого другого преступления подлежат доказыванию: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Кроме того, подлежат выявлению также и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Исследуемая в рамках данной научной статьи криминалистическая характеристика является обобщенной и может только определить направление методики расследования преступлений исследуемой категории. Оптимизация процесса расследования возможна только при учете криминалистической характеристики рассматриваемого преступления и каждого ее элемента во взаимосвязи, при определении методики расследования преступления указанной категории лицом, осуществляющим расследование.

Исследуя организацию расследования преступлений указанной категории как объекта криминалистического познания, следует отметить, что, несмотря на достижение известными учеными (И. П. Можая, Ю. В. Гаврилин, Е. В. Смагин, В. М. Быков, В. Н. Карагодин и др.) вопросов расследования исследуемых преступлений, тем не менее основные направления организации расследования не были всесторонне исследованы.

Подводя итоги предпринятого исследования, можно сформулировать вывод о том, что с целью достижения эффективного выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, необходим комплекс знаний о криминалистической характеристике преступлений рассматриваемой категории, на основе которого, в том числе, разработаны и применяются профильные рекомендации по организации расследования преступлений исследуемой категории.

Список литературы

1. Лавров В. П. О работе научного общества слушателей // Труды высшей школы МООП РСФСР. Вып. 8. М. : НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1963. С. 323–326.
2. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М. : Юрайт, 2017.
3. Лавров В. П. Некоторые современные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы : сборник научных статей. М. : Академия управления МВД России, 2017. С. 331–336.
4. Лавров В. П. К вопросу о соотношении криминалистики и организации расследования преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник статей. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 226–232.
5. Криминалистика : учебное пособие / [В. П. Лавров и др.]. М. : Проспект, 2015.
6. Гаврилин Ю. В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : научно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2021.

7. Быков В. М., Черкасов В. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы : монография. М. : Юрлитинформ, 2015.

8. Можаяева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.

9. Можаяева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений : учебное пособие. Саратов, 2015.

10. Можаяева И. П. Учение о противодействии расследованию преступлений и его соотношение с криминалистическим учением об организации расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 23–30.

11. Можаяева И. П. Концептуальные основы криминалистического учения об организации расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40). С. 126–130.

12. Методика расследования отдельных видов преступлений против личности : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Д. В.Алехин и др.] ; под общ. ред. В. Н. Карагодина. М. : Юнити-Дана, 2015.

13. Карагодин В. Н. Ситуационные особенности раскрытия некоторых видов преступлений, совершенных с использованием информационных технологий // Современные проблемы предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : материалы научно-практического семинара-совещания. Екатеринбург, 2017. С. 3–13.

14. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий : проблемы квалификации и особенности расследования : монография / [А. Ф. Абдулвалиев и др.]. Тюмень : Тюменский государственный университет, 2021.

Новикова Л. В.¹,

доцент кафедры криминалистики

Рязанского филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ: ЗНАЧЕНИЕ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ

Осмотр места происшествия – одно из наиболее часто проводимых следственных действий. При поступлении сообщения о преступлении – следственное действие приобретает особо важное значение, так как своевременное и качественное его проведение позволяет получить первоначальную информацию об обстановке, времени, условиях совершения преступления, причастных лицах. Обнаружение следов, орудий преступления и иных объектов при осмотре способствует не только установлению вышеуказанной информации, но и формирует доказательства уже на стадии доследственной проверки, а также способствует установлению иных источников добывания доказательств [1].

Любые действия, совершаемые в ходе проведения осмотра места происшествия, и их результаты должны быть документально оформлены.

Документальное отражение в установленной законом форме всего обнаруженного следователем на месте происшествия: описание произведенных действий, запечатление обстановки и свойств, состояния и признаков отдельных элементов происшествия называется фиксацией [2].

Процедура фиксации хода и результатов осмотра места происшествия различается: по юридической значимости, по объему и способу отражения фиксируемой информации.

Учитывая юридическую значимость, выделяют: основной способ фиксации хода и результатов осмотра происшествия, к которым относится составление протокола, и дополнительный (фото- и видеосъемка), составление плана места происшествия и т. д. [3].

Существуют общие и частные способы фиксации информации, это зависит от объема информации, когда следователь отражает общую картину происшествия или его отдельные объекты.

Учитывая, в каком виде отражена информация, можно выделить:

- вербальный, составление протокола;
- предметный, изготовление слепков, моделей и копий;
- графический, составление план-схем места происшествия;
- наглядно-обзорный, фото- и видеосъемка;

Основным юридически значимым документом фиксации осмотра места происшествия и его результатов считается протокол, который составляется с соблюдением точности и последовательности всего происходящего [4].

¹ © Новикова Л. В., 2023.

Он должен содержать полное объективное описание всего, что было обнаружено в ходе проведения следственного действия без лишних объяснений и рассуждений только то, что относится к осмотру. При его составлении необходимо соблюдать законность и наличие необходимых реквизитов. С этой целью разработаны и применяются специальные формы ведения протокола осмотра места происшествия.

Форма ведения протокола по своему содержанию имеет: вводную, описательную и заключительную части.

Обязательные реквизиты протокола – это время начала и окончания осмотра, должность, фамилия и инициалы того, кто проводит следственное действие; место осмотра; на каком основании проводится осмотр, характер происшествия, место и объект осмотра, личные данные понятых и лиц, участвующих в осмотре; отметка о разъяснении понятым и специалистам их прав и обязанностей, какие технические средства используются; погодные условия и время суток проведения осмотра.

Описательная часть протокола должна содержать полную информацию об осмотре места происшествия, позволяющая составить предварительную картину происходящего происшествия. Каким образом было совершено происшествие, какие средства использовались, какая доказательная база (что и где обнаружено) с полным описанием объектов. Все проделанные действия необходимо описывать в строгой последовательности, как они и осуществлялись, описание объектов в первоначальном виде, в каком их обнаружили. Следователь не должен при составлении протокола использовать лишних слов, своих рассуждений по делу, сложных терминологий.

Заключительная часть протокола отражает дополнительные средства фиксации информации с применением элементов фотографирования, видеосъемки или аудиозаписи и содержит информацию об обнаруженных объектах (что обнаружено при осмотре, куда и в каком виде изъято, где будет храниться), на основании чего специалистом составляется заявление об обнаружении и изъятии доказательств. Кроме этого прилагаются комментарии понятых с замечаниями о проделанных действиях при осмотре, схематические и масштабные планы места происшествия, схемы, фотографии и пленки видеозаписи, выполненные во время проведения осмотра. Если во время составления протокола не выявлено нарушений, это фиксируется, в результате чего он подписывается следователем, понятыми и всеми, кто присутствовал при осмотре места происшествия.

Составление планов, рисунков, схем осмотра места происшествия относится к графическим способам фиксации информации. Каждый из этих документов должен иметь заголовок, где указано, что именно изображено, и пояснительные надписи об изображенных объектах. Составление плана места происшествия происходит в определенном масштабе, с условными обозначениями объектов, в определенной проекции. Его предназначение – это обозначение места или местности, где совершено происшествие, с полным указанием обнаруженных следов и их расположения. При составлении плана осмотра следователю необхо-

димо соблюдать точность, конкретность, реальность, единый масштаб с указанием сторон света и условных обозначений, с указанием даты, подтвержденного подписями следователя и понятых [5].

Существуют планы масштабные (помещений) и схематические (местности). Если учитывать объем охватываемой территории, зафиксированной на плане, то они подразделяются на общие и частные. На общих планах фиксируется площадь места происшествия и окружающая его территория, частный план отражает место, где конкретно произошло происшествие – отдельный участок, при этом изображение объектов на полу с видом сверху – плоскостной план, а на другой плоскости – развернутый.

Использование элементов фотографирования и видеосъемки относится к дополнительным средствам фиксации информации осмотра места происшествия, они позволяют более точно отразить состояние объектов и места происшествия и значительно сократить время осмотра. Принято различать ориентирующую, обзорную, узловую и детальную фотосъемку.

Ориентирующая фотосъемка отражает место происшествия (общую площадь) и объекты, расположенные вокруг. Обзорная охватывает основной участок территории, где предположительно совершено происшествие, она позволяет зафиксировать обстановку в ее первоначальном виде, поэтому проводится безотлагательно, так как во время проведения следственных действий часть объектов может быть изъята для дальнейшего изучения, или место их расположения может быть изменено. Узловая фотосъемка позволяет получить детальный снимок наиболее значимых объектов или территории в крупном масштабе с изображением на весь снимок. Детальная фотосъемка, где используется линейка, фиксирует предметы крупным планом, с определением их размеров или расстояния между ними. Объектом детальной фотосъемки выступают предметы, имеющие первостепенную значимость для следствия (следы или потенциальные улики), она также осуществляется на первом этапе осмотра места происшествия, когда еще обстановка места происшествия не подверглась изменениям.

Использование технических средств (фотоаппаратов и видеокамер) относится к наглядно-образному способу фиксации хода и результатов осмотра места происшествия и считается более продуктивным в отличие от вербального и графического способа [6].

Результаты проведенной фотосъемки заносятся в протокол осмотра места происшествия, где указываются марка и модель использованного оборудования, при каких обстоятельствах проводилась съемка, какие объекты отражены на фотографии и какое количество снимков было сделано. Кроме того, отмечается об осведомленности использования фотосъемки лиц, участвующих в процедуре осмотра [7].

Полученные фотоснимки оформляются в виде таблицы, которая прилагается к протоколу осмотра места происшествия. Составление таблицы происходит по принципу от общего к частному, т. е. каждый последующий снимок должен быть продолжением предшествующего, например, на снимке большого формата необходимо отметить объекты, зафиксированные на снимке узловой, или детальной фотосъемки, меньшего масштаба.

Видеосъемка осмотра места происшествия проводится в случае, когда происшествие еще в процессе и его развитие можно зафиксировать (пожар).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что основным способом фиксации результатов осмотра места происшествия является составление протокола, который составляется следователем после проведенного осмотра, используя черновые записи, сделанные в ходе осмотра. Составление протокола обязательно на месте осмотра происшествия, так как в ходе работы могут возникнуть сомнительные обстоятельства по делу, которые можно будет решить только на месте осмотра места происшествия, он составляется от руки или с использованием компьютера. Протокол – это документ фиксирования информации хода и результатов осмотра места происшествия, который является основным источником доказательств.

Список литературы

1. Тактоева В. В. К вопросу о понятии и правовой природе осмотра места происшествия // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 215–219.
2. Мамонов В. С. О фиксации результатов осмотра места происшествия // Российский следователь. 2005. № 11. С. 2–6.
3. Мамонов В. С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты осмотра места происшествия в современных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2008.
4. Новикова Л. В. Значение осмотра места происшествия на первоначальном этапе расследования массовых беспорядков в исправительном учреждении // V международный пенитенциарный форум Преступление, наказание, исправление (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации года науки и технологий) : сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9 т. Т. 8. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. С. 75–79.
5. Франциров Ю. В., Смушкин А. Б., Рождествина А. А. Криминалистика : учебник для бакалавров. М. : Омега Л, 2014. 260 с.
6. Жарко Н. В., Данилова И. Ю. Проблемы проведения осмотра места происшествия в исправительном учреждении // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник статей. Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 204–206.
7. Аверьянова Т. В., Россинская Е. Р., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. Криминалистика : учебник. М. : Норма, 2015.

Посельская Л. Н.¹,

доцент кафедры криминалистики

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Организация деятельности органов предварительного расследования после поступления информации о преступном событии является работой по горячим следам и может рассматриваться как метод обнаружения информации в кратчайшие сроки о личности неизвестного лица, которое совершило преступление.

В. П. Лавров, рассматривая основные вопросы организации работы по раскрытию и расследованию преступлений по горячим следам, полагает, что расследование таких преступлений характеризуется как организованная деятельность органов предварительного расследования и взаимодействующих с ними сил в максимально короткие сроки по сбору доказательств и розыску лиц, совершивших преступление [1, с. 857].

Иными словами, можно сказать, что преступник, который совершил противоправное деяние и скрылся с места происшествия, должен быть обнаружен и изобличен в ближайшее время после совершения преступления.

М. В. Кардашевская отметила, что «...регистрация сообщения о преступлении в КУСП является моментом начала деятельности по раскрытию преступления» по горячим следам [2, с. 143–144]. Под регистрацией сообщения о преступлении следует понимать внесение оперативным дежурным в книгу учета заявлений и сообщений о совершенных преступлениях и административных правонарушениях краткой информации с присвоением соответствующего регистрационного номера. Различные условия среды, в которых совершалось преступление, оказывают существенное влияние на раскрываемость по горячим следам.

Наиболее плодотворным будут установление следов преступления, их фиксация и изъятие, а также проведение необходимых следственных действий и ОРМ тогда, когда преступление обнаруживается в течение первых суток после его совершения, т. е. в течение 24 ч.

Если общественно опасное деяние совершается в условиях крупного или какого-либо иного города, то на успешное раскрытие преступления отводится всего три часа: только за этот короткий промежуток времени предоставляется возможность собрать необходимый объем информации. Если же преступление совершается лицом в сельской местности, то благоприятные условия для сбора особо важной информации сохраняются в течение 12 ч. А. А. Александров по данному поводу отмечает, что в сложившейся ситуации независимо от обстановки совершения преступления, необходимо обеспечить, чтобы «...от получения сообщения о преступлении и до прибытия сотрудников правоохранительных

¹ © Посельская Л. Н., 2023.

органов, а также начала производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий прошло как можно меньше времени» [3, с. 59].

Как мы отметили ранее, значение имеют ситуационные особенности каждого конкретного события и объем полученной информации. Выделяют две основные исходные следственные ситуации, при которых совершается преступное деяние. Первая, когда совершение данного деяния осуществляется в условиях очевидности, вторая – деяние совершается в условиях неочевидности.

Однако в том и другом случае необходимы организация расследования по горячим следам и производство неотложных следственных действий, целью которых являются обнаружение и фиксация следов преступления и другой доказательственной информации. Неотложная ситуация представляет собой внезапное возникновение таких обстоятельств, которые явно указывают на признаки преступления, и существуют основания полагать, что промедление с совершением процессуальных и оперативно-разыскных действий может реально повлечь утрату следов преступления, сокрытие лиц, его совершивших, утрату возможности возмещения ущерба, причиненного преступлением.

При всем этом стоит отметить, что деятельность правоохранительных органов, направленная на раскрытие преступлений по горячим следам, требует немалых затрат и усилий, поэтому весь процесс предпринимаемых действий должен выстраиваться таким образом, чтобы экономно использовались предоставляемые силы и средства, а также рационально использовалось служебное время.

В этом смысле основная роль в работе по горячим следам отводится создаваемой в дежурные сутки следственно-оперативной группе. Следственно-оперативная группа (СОГ) – это важная форма организации взаимодействия круга участников следственных, оперативных и экспертных подразделений, определенных для выезда на место происшествия, а также поддержания связи и взаимодействия с дежурной частью органа внутренних дел. На этом этапе приоритетное значение имеет взаимодействие с дежурной частью органов внутренних дел.

На дежурные части возлагается обязанность обеспечения непрерывного управления силами и средствами органа внутренних дел для незамедлительного принятия решений и мер по определению круга лиц различных подразделений, необходимых на месте происшествия для помощи следственно-оперативной группе, а также снабжение ее необходимыми техническими средствами для обеспечения возможности раскрытия преступлений по горячим следам.

В. П. Лавров, рассматривая основные направления деятельности органов внутренних дел при работе по горячим следам после поступления заявления и сообщения о преступлении, отмечает, что взаимодействие должно быть организовано двустороннее. Имеются обязанности по взаимодействию оперативного дежурного с сотрудниками, включенным в СОГ, созданную для работы в дежурные сутки по организации раскрытия преступлений по горячим следам, и следственными и оперативно-разыскными подразделениями органов внутренних дел [4, с. 139–141].

Так, при обращении в дежурную часть органов внутренних дел (ОВД) граждан по телефону или лично с заявлением, сообщением о готовящемся, соверша-

емом или уже совершенном преступлении, взаимодействие дежурного с сотрудниками органа внутренних дел для решения вопроса организации деятельности по горячим следам состоит в следующем. Необходимо установить данные об обстановке совершения преступления и обстоятельствах, и при наличии информации о приметах лица, совершившего преступное деяние, в том числе зарегистрировать данное заявление в соответствии с установленным порядком. Но главная задача при организации работы по горячим следам – это оперативно организовать выезд на место происшествия следственно-оперативной группы и других служб полиции. Кроме этого, на нем лежит ответственность об обеспечении охраны места происшествия от случайной утраты следов преступления, и оказанию помощи потерпевшим.

Руководство работой следственно-оперативной группы в процессе выполнения следственных действий и ОРМ на месте происшествия осуществляет следователь (или дознаватель). Следователь (дознаватель), будучи лицом, осуществляющим руководство следственно-оперативной группы, выполняет две функции: организаторскую (следователь (дознаватель) обязан руководить работой членов группы, намечать перед ними задачи, которые необходимо выполнить, отдавать поручения участвующим сотрудникам в раскрытии преступления); процессуальную, которая заключается в сборе доказательственной информации и фиксировании в протоколах.

Если на этапе проверки заявления и сообщения задействован следователь (дознаватель), тогда по общему смыслу действующего уголовно-процессуального законодательства его указания и поручения относятся к сотрудникам, участвующим в неотложных следственных действиях, и обязательны в исполнении как в процессе подготовки к мероприятиям, так и при их проведении.

Главной определяющей чертой будут являться специальные знания в той или иной сфере деятельности, способствующие быстрому раскрытию преступления. А. Р. Сысенко в своей работе отмечает, «... что эффективность процесса собирания (поиска, обнаружения, фиксации, изъятия) материальных следов преступления и других доказательств зависит от участия в следственных действиях по расследованию преступлений по горячим следам специалиста» [5, с. 23].

В зависимости от сложившихся обстоятельств и ситуации специалистами, привлекаемыми для участия, могут быть назначены лица разных профессий. Для выявления, оценки и фиксации следов преступления происходит привлечение специалистов из экспертно-криминалистических подразделений. Такое взаимодействие возможно как на этапе проверки заявлений и сообщений о преступлении, так и в ходе предварительного расследования. Основная цель участия специалиста или эксперта на данной стадии состоит «... в обнаружении и фиксации следовой информации относительно лиц, совершивших преступление, о событии преступления в целом, а также иных фактах, подлежащих установлению. Для этого, по указанию следователя (дознавателя), эксперт-криминалист осуществляет предварительное исследование, оценку, фиксацию, изъятие следов и иных вещественных доказательств» [6, с. 123].

По указанию руководителя СОГ (дознавателя) эксперт-криминалист оказывает помощь в производстве отдельных следственных действий и ОРМ. По завершении осмотра места происшествия с учетом полученных в ходе осмотра результатов эксперт-криминалист может привлекаться к разработке версий совершенного преступления.

Работа по раскрытию и расследованию преступлений по горячим следам предполагает взаимодействие с сотрудниками оперативных подразделений. В основном взаимодействие направлено на установление и розыск лиц, совершивших преступление по горячим следам, что в большей степени возлагается на сотрудников оперативного подразделения.

В обязанности оперуполномоченного полиции входят также и установление очевидцев преступления, опрос данных лиц (опрос фиксируется на специальных бланках установленного типа), мест хранения и сбыта похищенного, организация взаимодействия с другими подразделениями ОВД. По поручению руководителя СОГ (следователя или дознавателя) либо как участник СОГ оперативный сотрудник осуществляет оперативно-розыскные мероприятия, результаты которых, относящиеся к расследуемому событию, должен сообщить следователю, оперативную информацию своему непосредственному руководителю.

Основные результаты ОРМ содержат в основном сведения о характере преступления, приметах подозреваемого (подозреваемых), об особенностях похищенного имущества, а также другие данные, имеющие значение для поиска и задержания лиц, совершивших преступление.

В целях раскрытия преступлений, осуществляя оперативно-розыскные мероприятия, оперативный уполномоченный может обратиться к различным оперативно-справочным и криминалистическим учетам с целью поиска предметов преступного посягательства и лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо скрывающихся после совершенного преступления. Далее полученную информацию может использовать при совместном со следователем участии в первоначальных следственных действий и осуществляемых им ОРМ.

В соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также иными нормативными правовыми актами, в том числе и внутриведомственными, «...сотрудник оперативного подразделения производит необходимые ОРМ по установлению, обнаружению и задержанию лиц, подозреваемых в совершении преступления, по горячим следам» [7].

Следует отметить, что важно постоянное взаимодействие между участниками СОГ, быстрый обмен информацией между структурными подразделениями при осуществлении раскрытия и расследования преступления по горячим следам, поскольку любое промедление в действиях сотрудников может повлечь утерю важной информации в дальнейшем. Поскольку задачей следователя (дознавателя) является сбор доказательственной информации и доказательств по делу, то при руководстве работой следственно-оперативной группы следователь (дознатель) должен ссылаться на особенности каждого участника мероприятия.

В. П. Лавров в свое время отмечал, что целенаправленное сочетание следственных действий с оперативными мероприятиями «...является эффективным

способом не только выявления и раскрытия преступления по горячим следам [8, с. 104–105], но и преодоления противодействия расследованию преступления в целом.

При собирании доказательственной информации особое внимание следует уделить следовой информации, обуславливающей установление личности лица, совершившего преступление. Данное понимание следов, по мнению А. А. Александрова подразумевает широкий смысл научного определения слова «следы», так как они могут фиксировать в себе не только материальные следы, но и вербальную информацию относительно свойств личности преступника [9, с. 60].

Относительно расследования преступлений по горячим следам необходимо обратить внимание на оснащенность ОВД технико-криминалистическими средствами.

Методы и средства постоянно совершенствуются в сфере научно-технического прогресса и деятельности правоохранительных органов. Возникают новые цифровые технологии и технические средства, в связи с чем происходит разработка новых методов, которые в свою очередь вводятся в практику применения информационных и цифровых технологий в деятельность ОВД.

При переходе в социальной и экономической сферах к цифровым технологиям оснащение органов внутренних дел по технико-криминалистическому обеспечению в настоящее время отстает от потребности практических органов. Поэтому достаточно часто ОВД сталкивается с недостаточностью технико-криминалистического обеспечения современными средствами.

Необходима разработка методических рекомендаций по использованию научно-технических средств и методов не только специалистами и экспертами, а также сотрудниками следственных подразделений для достижения стоящих перед ОВД задач.

В связи с чем вторая трудность, с которой сталкиваются органы внутренних дел при технико-криминалистическом обеспечении, – отсутствие необходимых знаний у сотрудников, применяющих современные технико-криминалистические средства, методы и приемы. Так, работа по раскрытию и расследованию преступлений по горячим следам требует не только слаженного взаимодействия, но и овладения практическими навыками применения и использования цифровых технологий.

Список литературы

1. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2013.
2. Кардашевская М. В. Раскрытие преступлений по горячим следам // Вестник юридической безопасности. 2018. № 1. С. 143–144.
3. Александров А. А. Особенности раскрытия преступлений по горячим следам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 2 (24). С. 59–62.
4. Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : курс лекций. М. : Академия управления МВД России, 2011.

5. Сысенко А. Р. Участие специалиста в обыске, проводимом при расследовании преступлений по горячим следам // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3 (46). С. 22–25.

6. Белоусов А. В. Особенности организации следователем взаимодействия при расследовании краж, совершаемых на железнодорожном транспорте из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 122–125.

7. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.

8. Лавров В. П. Противодействие раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений и криминалистические методы его нейтрализации // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. Спецкурс лекций : учебное пособие для вузов. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2003. С. 82–106.

9. Александров А. А. Особенности раскрытия преступлений по горячим следам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 2 (24). С. 59–62.

Рахматуллин Р. Р.¹,

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент*

НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ «РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» И РОЛЬ В. П. ЛАВРОВА В РАЗРАБОТКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Одним из выдающихся ученых-криминалистов современности, достойным и принципиальным продолжателем дела легендарных ученых-криминалистов прошлого двадцатого века (А. И. Винберга, Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова, И. М. Лузгина и др.) по праву является Владимир Петрович Лавров. Он уникален как личность, практик и ученый. Рассматривая ретроспективно его творческое наследие, нельзя не подивиться выбору им научных и практических проблем, которые нашли отражение в его трудах. Прежде всего, он брался за изучение самых сложных вопросов юридической практики: о раскрытии преступлений прошлых лет, противодействии расследованию преступлений и, что очень важно отметить, на протяжении всей своей научной деятельности не отходил от них, внес неоценимый вклад в науку и практику по указанным направлениям.

Докторская диссертация «Общие положения организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет» была защищена им еще в 1980 г., однако он не прекращал эту работу на протяжении всей своей научной деятельности, ярким свидетельством этому является работа, изданная в 2013 г. «Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет». Написание данной работы было вызвано тем обстоятельством, что современная практика растеряла наработанный годами опыт раскрытия преступлений прошлых лет. Так, результаты исследований под его научным руководством свидетельствовали о том, что раскрываемость таких преступлений в 10 раз ниже раскрываемости в 70–80-е гг., т. е. преступники чувствуют себя безнаказанными, если они не установлены в короткие сроки после совершения преступления. Но многие преступления можно раскрывать и через пять, и через 15 лет.

Испытанием прочности правоохранительной системы России стали события 90-х гг., когда преступность повела наступление по различным направлениям, при этом расследование преступлений стало осуществляться в условиях сильнейшего противодействия ему. По инициативе и при активном участии Владимира Петровича в вузах МВД России организуется фундаментальное исследование проблем раскрытия и расследования преступлений в условиях противодействия, под его руководством защищены диссертации И. А. Бобраковым, А. Б. Петруниной, А. С. Андреевым, А. В. Кучеровым, Е. В. Варфоломеевым и др.

В условиях, когда у многих следователей отсутствуют должные знания о приемах, признаках и факторах противодействия, а также умения и навыки по упреждению, выявлению и преодолению противодействия, благодаря во-многом

¹ © Рахматуллин Р. Р., 2023.

именно таким научным изысканиям были разработаны и реализованы на практике научные рекомендации в данном направлении. Более того, в ходе исследования указанных выше проблем практики был сделан вывод о закономерной связи деятельности по нейтрализации противодействия с деятельностью по раскрытию преступлений. Действительно, противодействие, выявленное следователем, а затем преодоленное, ведет к более интенсивным и планомерным действиям по раскрытию и расследованию преступления. В ответ на такие активные действия правоохранителей преступники прибегают к более изощренным действиям по противодействию раскрытию преступлений.

Нет ничего удивительного в том, что В. П. Лавров так часто обращался к научно-практической категории «раскрытие преступлений», ведь среди ученых и практиков давно стало аксиомой положение о том, что качественное расследование уголовных дел во многом предопределяется своевременным и быстрым раскрытием преступлений. Термин «раскрытие преступлений» стал общеупотребляемым и, кажется, уже незаменимым в науке и практике.

В настоящее время статистика раскрываемости преступлений вызывает тревогу. По данным уголовной статистики, за январь-декабрь 2022 г. совершено 1966,8 тыс. преступлений, их раскрываемость составляет менее 54 % [1]. Сравнение этих показателей с аналогичными показателями раскрываемости преступлений в СССР показывает, что в 1985 г. в СССР было совершено примерно столько же преступлений – 2 083,5 тыс., а раскрываемость составила 86,2 % [2].

Казалось бы, современная практика должна чаще обращаться к богатому наследию и более активно использовать положительный опыт по раскрытию преступлений. Однако среди ученых и практиков к термину «раскрытие преступлений» в последние годы сложилось неоднозначное отношение. Отдельные ученые увидели в нем фактор, ведущий к искусственному лакированию показателей и предлагали отказаться от использования его в качестве статистического показателя работы правоохранительных органов.

В этой ситуации прозорливо верным оказалось высказывание В. П. Лаврова о том, что «раскрытие преступлений... есть и будет одним из основных, приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов как в советской, так и в современной России [3]. Сегодня показатель «раскрываемость преступлений», как и в прежние годы, мотивирует сотрудников правоохранительных органов к более активной работе по выявлению преступлений, а также качественному их расследованию, оставаясь одним из основных критериев оценки работы правоохранительных органов.

Являясь умелым организатором крупных научных исследований по наиболее актуальным направлениям, В. П. Лавров умел увлечь своих учеников какой-то новой идеей, направленной на решение общей задачи. Не явился исключением и автор данной статьи, задавшись вопросами единообразного понимания термина «раскрытие преступлений», о юридической сущности раскрытия преступлений и др. Об отсутствии единого взгляда при определении данного правового феномена свидетельствуют разные позиции известных ученых и практиков (изучены точки зрения более 40 из них). Одни из них предлагали считать преступление раскрытым с момента появления фигуры подозреваемого, другие – с момента

предъявления обвинения, третьи – с момента вынесения обвинительного заключения и т. д. В целом изучение вопросов раскрытия преступлений зачастую носит фрагментарный характер, и это не может привести к единому взгляду на определение рассматриваемой категории.

Задача быстрого и полного раскрытия преступлений в современном уголовно-процессуальном законодательстве России отсутствует. Однако термин «раскрытие преступлений» часто употребляется в нормах материального и процессуального уголовного права (более 20 раз). Вместе с тем каких-либо пояснений, что означает «раскрыть преступление», законодатель не приводит, а в целом в нормах права отсутствует разъяснение понятия и сущности раскрытия. Имеются лишь в ведомственных актах разъяснения о том, с какого момента и при установлении каких обстоятельств преступление следует считать раскрытым.

Думается, определение понятия и сущности раскрытия преступления на нормативном уровне способствовало бы более единообразному пониманию и толкованию категории «раскрытие преступлений» всеми участниками уголовного судопроизводства. Конечно, речь идет, прежде всего, о таких участниках, как следователи, оперативные сотрудники и другие компетентные субъекты, преследующие цели установления истины по уголовному делу. Однако единый подход к данному термину должен быть у суда и стороны защиты.

Примечателен следующий пример из судебной практики, когда отсутствие единого подхода к понятию «раскрытие преступления» привело к серьезным ошибкам при толковании понятия в следственной и в судебной практике. М. был осужден судом первой инстанции по ст. 322.3 УК РФ. Защита обжаловала приговор в апелляционную инстанцию, ссылаясь на то, что суд необоснованно не признал действия М. активным способствованием раскрытию преступления и не освободил М. от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ. Суд первой инстанции исходил из того, что раскрытие преступления – деятельность правоохранительных органов, осуществляемая до возбуждения уголовного дела. Суд апелляционной инстанции правомерно отменил обвинительный приговор и освободил М. от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ [4]. Именно отсутствие единого подхода к термину «раскрытие преступления», вызванное в свою очередь отсутствием определения понятия и сущности категории «раскрытие преступления» в норме права, привело к существенному нарушению уголовного закона при вынесении приговора.

Изучение различных подходов и трактовок термина «раскрытие преступлений», а также правовых норм, в которых употребляется данный термин, позволили нам сделать некоторые выводы. Так, до сих пор специальных исследований проблем раскрытия преступлений на монографическом уровне не проводилось, однако усложнившиеся задачи современной практики раскрытия и расследования преступлений, а также недостаточная научная разработка возможности их решения требуют системного рассмотрения и концептуального осмысления существующих комплексов научных положений методики раскрытия преступлений и создания новых, отвечающих современным потребностям практики.

Одним из таких новых направлений в активизации изучения проблем раскрытия преступлений может стать обращение к научной категории «противодействие раскрытию и расследование преступлений», обладающей качественной научной продукцией, основанной на результатах фундаментальных исследований проблем противодействия раскрытию и расследованию преступлений (Э. У. Бабаева, В. Н. Карагодин, С. Ю. Журавлев, И. В. Тишутина и др.). При этом фундаментальные исследования по раскрытию преступлений до сих пор не проводились.

Думается, рассмотрение данных научных категорий в таком симбиозе позволит разработать различные методики по раскрытию преступлений, а в дальнейшем эффективно внедрить их в практику правоохранительных органов.

Другим важным направлением по разрешению проблем раскрытия преступлений является работа по совершенствованию правовой основы данной научной категории. На наш взгляд, до тех пор, пока термин «раскрытие преступления» не получит какого-либо разъяснения в УПК РФ или ином законодательном акте, споры и дискуссии о нем будут продолжаться бесконечно, что негативно скажется, прежде всего, на практике реализации научно-методических рекомендаций ученых по раскрытию преступлений.

Для решения указанного вопроса предлагаем свою редакцию ч. 2 ст. 21 УПК РФ: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по раскрытию преступления путем установления события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. С привлечением лица в качестве обвиняемого с момента предъявления ему обвинения преступление считать «предварительно раскрытым».

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что раскрытие преступлений носит вспомогательный характер к расследованию преступлений, является лишь инструментом по своевременному их выявлению и эффективному расследованию. Но как не может расследование быть эффективным без своевременного выявления и быстрого раскрытия преступления, так и полнота раскрытия, в свою очередь, – без полного и всестороннего расследования.

Список литературы

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics>.
2. Преступность в СССР // URL: <http://su90.ru/crime.html>.
3. Лавров В. П. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет : учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2013.
4. Адвокат добился прекращения дела, убедив суд в том, что обвиняемый способствовал раскрытию преступлений // Уголовный процесс. 2018. № 2. С. 88–92.

Рубцов В. Г.¹,

*доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз
Удмуртского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР

Внутренние и внешние миграционные процессы в России, как и во многих странах, заметно увеличили этническое разнообразие населения большинства регионов страны. В ходе межкультурного взаимодействия всегда, помимо взаимного обогащения культур, существуют и сложности, которые проявляются в различных сферах деятельности. Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений является той сферой, в которой такое взаимодействие (не только с подозреваемыми и обвиняемыми, но и с незаинтересованными лицами) имеет повышенную сложность.

Согласно проведенным исследованиям большой практический интерес при раскрытии и расследовании преступлений с участием либо в отношении представителей этнических диаспор, наряду со знаниями в области методик расследования отдельных видов преступлений, представляют знания в области перевода, а также о материальной и нематериальной этнической культуре [5; 10].

Изучение материальных объектов, содержащих элементы этнической культуры, может стать главным либо единственным источником информации о принадлежности к определенной социальной группе преступника, свидетеля-очевидца или о личности неопознанного трупа. Сведения об обычаях, традициях, знания в области этнопсихологии, социально-психологических особенностях поведения лиц, входящих в диаспоры, помогают в избрании тактики производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. При отсутствии возможности осуществить перевод невозможно и само производство процессуальных действий и мероприятий оперативно-разыскного характера.

При этом на большей части территории нашей страны отсутствуют специалисты как в области перевода языков диаспор, так и в области их этнической культуры. Если в столичных и нескольких других крупных городах, приложив определенные усилия и затратив некоторое время, можно найти лицо, владеющее одним из африканских языков, или специалиста по культуре автохтонных этносов Сибири, то в большинстве населенных пунктов таких специалистов (или носителей языка) нет.

Вопросам предоставления переводчиков участникам уголовного судопроизводства на разных его стадиях, оценке их компетентности посвящено немало научных работ, проведенных в последние годы [3; 8; 9; 11; 12]. Однако следует

¹ © Рубцов В. Г., 2023.

признать, что правоохранительные органы не находятся в постоянной готовности в повседневной практике к раскрытию и расследованию преступлений с участием представителей этнических диаспор в связи с отсутствием возможностей своевременно и эффективно использовать указанные выше специальные знания.

Проблема не в том, что соответствующих специалистов нет или их недостаточно. В крупных городах несколько десятков высших учебных заведений реализуют образовательные программы по подготовке специалистов как в области лингвистики практически всех официальных государственных языков зарубежных стран, так и в сфере этнографии и этнологии. Специалистов по преподаванию родного языка и культуры народов России обучают во всех соответствующих регионах страны. Большое количество иностранных студентов получили в России юридическое образование и продолжают учиться по программам магистратуры и аспирантуры. Не меньшее количество лиц – носителей языка народов нашей страны являются профессиональными юристами. Основная проблема – в удаленности таких специалистов от мест расследования, где в них возникает необходимость.

Возможность привлечения достижений науки в деятельность по выявлению и раскрытию преступлений в существенной степени зависит от правовых и организационно-методических условий их применения [4]. Недавние изменения в уголовно-процессуальном законодательстве ввели в уголовный процесс новую форму их производства – с использованием систем видео-конференц-связи. Полагаем, что, несмотря на неизбежные в период внедрения технические, организационные и методические сложности, данная форма значительно повысит эффективность расследования преступлений, и по мере накопления опыта, совершенствования следственной тактики и развития систем информационной безопасности эта форма станет допустима и для производства других следственных действий, помимо указанных в ст. 189.1 УПК РФ.

Предоставление переводчика, привлечение к участию в следственных действиях специалистов в области этнической культуры и этнопсихологии с использованием систем видео-конференц-связи, на наш взгляд, в настоящее время является наиболее перспективным для решения указанных проблем криминалистического обеспечения раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений. Но это не означает, что органы расследования и оперативно-разыскные подразделения уже готовы применять такую форму их участия. Для этого необходимо, как и для криминалистического обеспечения раскрытия и расследования других преступлений, в той или иной мере решить задачи правового, организационного, научно-технического, научно-методического, учебно-методического, материально-технического и теоретического характера [6, с. 56–57].

А. Ф. Волынский отмечает, что «самые совершенные, научно обоснованные криминалистические методы, средства и рекомендации остаются достоянием разработчиков или одиночек-энтузиастов, если их применение не допускается или его порядок не определен законодательством» [6, с. 57]. Действующая формулировка ст. 189.1 УПК РФ предусматривает дистанционное участие с использованием систем видео-конференц-связи в допросе, очной ставке, предъявлении

для опознания лиц, чьи показания необходимо получить, независимо от их процессуального статуса (а также их адвоката). Это очевидно. Однако относительно допустимости участия в указанных следственных действиях в такой (дистанционной) форме переводчика, специалиста, иного лица, участие которого является обязательным либо признано необходимым следователем или дознавателем, однозначного понимания нет. На наш взгляд, применение такой формы участия в следственных действиях и переводчика, и специалиста не влечет ограничения или нарушения прав участников уголовного судопроизводства, не противоречит его задачам и принципам, и во избежание различных толкований по этому вопросу необходимо внести соответствующие изменения в ст.ст. 168, 169, 189.1 УПК РФ.

Очевидно, что если обязать следователя, дознавателя, оперативного сотрудника самостоятельно искать среди десятков вузов и тысяч юридических учреждений специалиста, способного и готового осуществить перевод или провести исследование объекта материальной культуры, придется решать проблемы, сопоставимые с поиском переводчика (специалиста) в регионе, где производится расследование. На наш взгляд, наиболее эффективным организационным решением данной проблемы является создание специализированного подразделения на федеральном уровне в системе Министерства внутренних дел России, которое бы осуществляло поиск, отбор и вела единый реестр лиц, имеющих необходимые компетенции и готовых применить указанные специальные знания в ходе раскрытия и расследования преступлений с участием или в отношении представителей этнических диаспор.

Кроме того, представляется целесообразным наряду с таким реестром ввести учет лиц из числа сотрудников МВД России и других правоохранительных органов (Минюста, Росгвардии и др.), владеющих языками представителей диаспор, проживающих в нашей стране. Это позволит обеспечить перевод, а в некоторых случаях и получить консультации по вопросам этнической культуры, на стадии возбуждения уголовного дела и для решения задач оперативно-разыскной деятельности. Эффективность такого организационного подхода подтверждает многолетний опыт полиции Франции [1].

При создании указанных автоматизированных баз данных следователям, оперативным работникам будет достаточно сделать соответствующий запрос в системе и получить контакты лиц, которых можно привлечь в качестве переводчика (специалиста). При этом они не будут обязаны оценивать компетентность привлеченного лица, что на самом деле, не обладая специальными знаниями, сделать невозможно. Для создания такого подразделения можно использовать опыт сотрудников следственных и оперативных подразделений, специализирующихся на раскрытии и расследовании преступлений с участием и в отношении иностранных граждан, а также подразделений Национального бюро Интерпола и Федеральной миграционной службы.

Для научно-технического обеспечения раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений понадобится в первую очередь разработка специального программного обеспечения хранения и обмена данными. С учетом современного развития отечественных автоматизированных систем оперативно-справочных

и криминалистических учетов создание такого программного обеспечения не составит особых сложностей. Представляется перспективной разработка специализированных программ (содержащих специальную и жаргонную лексику наиболее востребованных практикой расследования языков) устного перевода и перевода текстов для мобильных устройств, предназначенных, в первую очередь, для оперативных сотрудников. Базой для создания таких программ могут стать разработки отечественных специалистов, в частности, приложения для мобильных операционных систем iOS и Android «Мгновенный перевод речи», «PROMT.One» и другие.

Устойчивые контакты лиц, производящих расследование, реализующих оперативно-разыскную деятельность, организующих их взаимодействие со специалистами в области перевода, этнической культуры и этнопсихологии, опыт, накопленный такими специалистами, может стать основой научно- и учебно-методического обеспечения расследования преступлений с участием и в отношении представителей этнических диаспор. Помощь в разработке такого обеспечения могут оказать профессиональные объединения переводчиков. Союз переводчиков России, являющийся постоянным членом Международной федерации переводчиков (FIT), активно выступает за профессиональную специализацию переводчиков для работы в области судебного и полицейского перевода [7]. Кроме того, для данных направлений криминалистического обеспечения расследования таких преступлений может быть полезен опыт деятельности полицейских и судебных органов стран, в которых уже десятки лет существуют институты присяжных (аттестованных, лицензированных) судебных переводчиков. Представляются весьма интересным и полезным исследование А. В. Винникова в данном направлении [1; 2]. Для хранения и обеспечения доступа к результатам таких разработок целесообразно создать единую автоматизированную базу данных, подобную уже имеющимся в распоряжении следователей, дознавателей (например, в составе «АРМ следователя»).

Повышению эффективности расследования рассматриваемых преступлений, на наш взгляд, может способствовать введение соответствующей специализации следователей и дознавателей, разработка образовательных программ повышения их квалификации, в том числе и с использованием дистанционных технологий.

Очевидно, что расширение возможностей привлечения к расследованию квалифицированных специалистов в указанных областях повлечет и увеличение расходов правоохранительных органов, реализующих деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, особенно в период создания и внедрения рассматриваемых технологий. Однако расходы на обеспечение непосредственного участия необходимых специалистов в расследовании преступлений в регионах, отдаленных от места их пребывания, несопоставимы с затратами на организацию их дистанционного участия с использованием телекоммуникационных технологий.

Использование информационных и телекоммуникационных систем для накопления и анализа эмпирического материала, отражающего закономерности

раскрытия и расследования преступлений с участием и в отношении представителей этнических диаспор, расширит возможности теоретического обеспечения данного направления правоохранительной деятельности.

Таким образом, в настоящее время есть потребность, предпосылки и условия для полноценного криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений с участием и в отношении представителей этнических диаспор. Реализацию указанных направлений криминалистического обеспечения (разрешив вопросы правового характера), на наш взгляд, можно начать с проведения эксперимента на базе нескольких подразделений МВД России и Следственного комитета России в столичном и ближних к нему регионах.

Список литературы

1. Винник А. В. Судебный и полицейский перевод: уроки мировой практики // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2 (11). С. 114–123.
2. Винник А. В. Судебный и полицейский перевод: уроки мировой практики // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 1 (12). С. 133–143.
3. Грибунов О. П., Родивилина В. А. Некоторые тактические особенности привлечения переводчика к участию в предварительном расследовании // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 125–128.
4. Игошин В. В. Использование достижений науки и техники в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании : сборник статей. В 4 ч. Ч. 3. М. : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2017. С. 206–210.
5. Каминский А. М., Рубцов В. Г. Современные возможности и перспективы использования специальных знаний при расследовании деятельности преступных формирований, организованных на этнической основе // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : сборник статей. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 154–159.
6. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : Юнити-Дана, 2008.
7. Ларин А. А., Обидина Л. Б., Сдобников В. В. О необходимости введения в России судебных переводчиков (некоторые комментарии по итогам заседания Научно-консультативного совета при Законодательном собрании Нижегородской области) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 131–135.
8. Нурдин Н. Ж. Особенности участия переводчика в досудебном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 97–102.
9. Обидина Л. Б. Участие переводчика в проверке сообщения о преступлении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 152–158.

10. Рубцов В. Г. Противодействие расследованию деятельности преступных формирований, организованных на этнической основе, и криминалистические методы его преодоления : дис... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России, 2010.

11. Шагбанова Х. С. Место и роль переводчика в уголовном процессе // Образование и право. 2021. № 6. С. 291–294.

12. Шигуров А. В. Проблемы правовой регламентации понятия и признаков переводчика как участника уголовного судопроизводства // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2018. № 3. С. 70–71.

Скороделова Е. И.¹,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЦИФРОВОЙ СЛЕД В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии [2] стали неотъемлемой частью практически всех сфер жизни современного человека, охватив все ресурсы, которые обеспечивают управление информацией (компьютеры, телекоммуникационные сети, программное обеспечение). При этом следует отметить, что существует и негативная сторона повсеместного распространения современных технологических достижений – рост преступлений, совершаемых с использованием ИТ-технологий и в сфере компьютерной информации.

На присутствие негативных факторов в установленной сфере деятельности обратил внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на международном конгрессе по кибербезопасности, указав на то, что «одной из приоритетных задач государства является обеспечение кибербезопасности. Для решения обозначенной задачи необходимо объединить усилия правоохранительных органов, деловых кругов, общественных организаций и самих граждан» [6].

Равным образом данную проблему затронул в своем выступлении 20 марта 2023 г. на расширенном заседании коллегии МВД России Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В. А. Колокольников, отметив, что «один из безусловных приоритетов вашей работы – это борьба с преступлениями с использованием информационных технологий. По итогам 2022 г. число таких преступлений уже превысило полмиллиона и составило четверть от всех уголовно наказуемых правонарушений» [7].

Прослеживаемая тенденция внедрения информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы деятельности общества и государства нашла свое отражение и в деятельности преступников, которые все активнее применяют разнообразные формы и методы совершения преступлений в установленной сфере деятельности. В этой связи представляется необходимым дальнейшее совершенствование различных направлений исследований, связанных с использованием ИТ-технологий. Так, помимо урегулирования целого ряда вопросов в действующем законодательстве, требуется активная проработка проблем, связанных с понятийным аппаратом, классификацией следов, цифровой криминалистикой и методикой расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. При этом особое внимание следует уделить процессу обнаружения, изъятия и фиксации следов преступления как объектов, являющихся первоначальными источниками доказательственной и криминалистически значимой информации.

¹ © Скороделова Е. И., 2023.

Следует также учитывать, что поскольку имеющаяся информация из посвященных рассматриваемой теме многочисленных источников носит исключительно фрагментарный характер, то и возможности получения подобной информации большинству практиков могут быть просто неизвестны, и тогда, как следствие, их успешная правоприменительная деятельность будет зависеть от наличия необходимого комплекса специальных знаний, включающих в себя технологию собирания, проверки и оценки электронных доказательств.

Отметим, что одним из ключевых направлений для получения таких знаний является изучение механизма слеодообразования, центральное место в котором занимает так называемый цифровой след.

Указанное словосочетание все чаще применяется как в научной литературе, так и практической деятельности. Однако следует обратить внимание, что ни в одном законодательном акте, так или иначе регулирующем вопросы высоких технологий, не закреплено определение рассматриваемого понятия, что, в свою очередь, приводит к проблеме и в правоприменительной практике.

Прежде всего, это обусловлено тем, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации используется термин «электронный носитель информации». Именно такой носитель информации, в отношении которого установлен специальный порядок изъятия и копирования с него информации (ст. 164.1 УПК РФ), может быть признан доказательством по уголовному делу.

В связи с этим бесспорным остается тот факт, что вся информация, зафиксированная на таких электронных носителях, образует некую следовую картину преступления, порядок обнаружения, изъятия и фиксации которой разрабатывает криминалистическая техника. При этом для каждой группы следов существует свой алгоритм, позволяющий наиболее полно и эффективно получить криминалистически значимую информацию в процессе расследования уголовного дела.

Для понимания сущности цифрового следа обратимся к определениям, сформулированным некоторыми исследователями, занимающимися рассматриваемой проблемой. Так, Н. А. Иванов под цифровым следом понимает определенную информацию, представленную в виде совокупности различных сигналов, оставленных (зафиксированных) на различных материальных носителях, информация с которых впоследствии может быть получена различными способами и использована в дальнейшем анализе при раскрытии и расследовании преступлений как понятие «цифровое доказательство» [2, с. 82].

В. А. Мещеряков предложил использовать понятие «виртуальные следы», под которым следует понимать любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления, представленное в виде компьютерной информации и зафиксированное на материальном носителе [3, с. 94–98]. Аналогичной точки зрения придерживаются В. О. Давыдов и А. Ю. Головин, заявляя о необходимости дополнения общей классификации следов виртуальными следами [4, с. 255–256].

Например, В. Б. Вехов, Б. П. Смагоринский, С. А. Ковалев о следах, содержащихся на определенных электронных носителях информации, говорят как об электронных следах. Авторы отмечают, что преступники, используя в качестве

предмета (средства) преступления компьютерную информацию, однозначно соприкасаются с системой материально-фиксированных следов, которые называют электронными [5, с. 14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в криминалистике на сегодняшний день используются различные понятия, обозначающие следы, отображенные на электронных носителях информации: виртуальные следы, цифровые следы, электронные следы, компьютерно-технические следы. Это обусловлено отсутствием нормативно закреплённого определения категории «преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных или цифровых технологий».

Изучение различных источников позволило определить, что под виртуальными следами понимается совокупность элементов отражения совершенного преступления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет посредством совершения любых действий (копирования, создания, удаления и т. д.), на электронно-виртуальных устройствах, в облачных хранилищах, виртуальных кошельках и т. п. Таким образом, это следы, оставляемые в виртуальном пространстве.

Компьютерно-технические следы представляют собой совокупность цифровых элементов – «отражателей», зафиксированных на электронных носителях информации, в компьютерной технике и технических средствах связи.

Электронные следы – информация, представленная в форме электрических сигналов, содержащаяся на материальных носителях, идентифицируемая посредством использования программно-технических устройств.

Справедливо отметить, что сущность категорий «компьютерно-технические следы» и «электронные следы» практически идентична. В связи с этим для целей криминалистической науки представляется наиболее верным объединить данные категории в единое понятие – электронные следы.

Определение понятия «цифровые следы» свидетельствуют о том, что данная категория следов по содержанию намного шире и может включать в себя и электронные, и виртуальные следы.

Понимание сущности цифрового следа позволит избежать неоднозначного толкования в правоприменительной практике и получить единый алгоритм работы с такими следами.

Рассмотрим наиболее типичные цифровые следы на примере самого распространенного преступления, совершаемого в сфере ИТ-технологий, с использованием вредоносного программного обеспечения, – мошенничества.

Наиболее специфичными следами являются следующие:

- файлы (исполняемые и различные скрипты, файлы динамически загружаемых библиотек, файлы электронной почты, архивы);
- записи журналов системных событий и событий информационной безопасности;
- список действующих и недавно установленных сетевых соединений;
- список запущенных процессов и служб;
- список локальных и доменных пользователей;

- информация о событиях информационной безопасности антивирусного программного обеспечения, экрана SIEM-систем;
- программы, предназначенные для удаленного или локального управления системой, для удаления системных данных, а также для кражи пользовательских данных и сбора сведений о системе;
- ключи реестра автозагрузки программ;
- данные планировщика заданий;
- метаданные запуска программ.

В целях совершения мошеннических действий преступники используют цифровой след, который оставляют пользователи сети Интернет на своих устройствах и браузерах при проведении платежей (данные об экране и операционной системе; часовом поясе; заголовках, которые браузер шлет серверу; установленных плагинах и др.), и данные, собираемые на основе расширенной аналитики и алгоритмов машинного обучения, в том числе файлы cookie и цифровые привычки пользователя.

Важное криминалистическое значение имеет информация о следах, оставляемых в результате работы антивирусных и тестовых программ, а также вредоносного программного обеспечения на компьютере или ином устройстве, например, мобильном телефоне потерпевшего. Какие бы действия не производились с устройством, независимо от того, кто инициировал его и в какое время оно произошло, интерес будут представлять сведения о прохождении информации по каналам связи между отдельными устройствами, объединенными в локальную сеть или подключенными к сети Интернет.

Подводя итог, следует сказать, что цифровой след является главным отражением следовой картины при совершении преступлений, совершаемых с использованием ИТ-технологий.

Одной из задач криминалистики применительно к цифровым следам является обеспечение перехода следовой информации в доказательство по уголовному делу. В связи с этим необходимо в процессе работы со следами использовать единую терминологию, понимать сущность и значение следов, которые могут содержаться на электронных носителях информации.

Появление такого вида следа, как цифровой, предопределяет необходимость совершенствования научных взглядов на механизм следообразования в целях их эффективного применения в правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

2. Иванов Н. А. Транснациональные преступления, совершаемые с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (классификация, теория и практика расследования) : специализированный учебный курс. Саратов, 2007.

3. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования : монография. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. С. 94–98.

4. Давыдов В. О., Головин А. Ю. Значение виртуальных следов в расследовании преступлений экстремистского характера // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3. С. 255–256.

5. Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Коваев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10–19.

6. Владимир Путин рассказал о действиях России для борьбы с киберпреступностью // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru>.

Шеховцова Л. С.¹,

доцент кафедры криминалистики

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О СОВЕРШЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Профессор В. П. Лавров в своих работах неоднократно отмечал значимость исследования темы разыскной деятельности следователя для повышения эффективности правоприменительной деятельности. Он писал, что успешная разыскная деятельность следователя является одной из важнейших задач правоохранительных органов в системе нашего государства [1].

Разыскная деятельность следователя – это систематическое применение сил следователя, направленное на обнаружение местонахождения установленных лиц и иных известных ему объектов, имеющих значение для раскрытия, расследования преступления, осуществляемая путем производства комплекса следственных, иных процессуальных действий и организационных мероприятий как в процессе расследования, так и в период приостановления производства по уголовному делу.

Начало осуществления данной деятельности традиционно совпадает с моментом вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и принятием его к своему производству. Именно это решение определяет начало розыска отдельных объектов, имеющих значение для уголовного дела. Однако в ряде случаев разыскная деятельность следователя начинается раньше, уже с момента получения сообщения о совершенном преступлении или иного повода к возбуждению уголовного дела и проведения его проверки.

Отечественные криминалисты не раз обращали свое внимание на тему недостаточного правового регулирования разыскной деятельности следователя в УПК РФ. В частности, В. П. Лавров определял отсутствие должного законодательного закрепления компетенции следователя при осуществлении им разыскной деятельности как одну из наиболее крупных проблем, препятствующих надлежащему выполнению задач правоприменения.

Действительно, в нормах УПК РФ содержится упоминание о разыскной деятельности следователя на стадии предварительного расследования, осуществляемой им, в том числе, при производстве следственных действий. Так, норма п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ предусматривает возможность объявления следователем в розыск подозреваемого или обвиняемого, если он скрывается от следствия. В ч. 4 ст. 182 УПК РФ сказано, что следователь может производить обыск в целях обнаружения разыскиваемых лиц и трупов.

Однако нормы УПК РФ не определяют разыскную деятельность следователя при проверке сообщения о совершенном преступлении. Более того, в п. 38 ст. 5 УПК РФ определено, что следователь вправе принимать разыскные меры для

¹ © Шеховцова Л. С., 2023.

установления лица, подозреваемого в совершении преступления, но возможно ли принимать данные меры до возбуждения уголовного дела и что это за меры в законе не сказано. Также в законе не говорится про иные объекты розыска.

Статья 140 УПК РФ относит к компетенции следователя проверку сообщения о совершенном преступлении. При этом следователь наделен широкими полномочиями: он вправе и выполнять иные предусмотренные законом действия для установления обстоятельств совершенного преступления, в том числе личности субъекта преступного посягательства и потерпевшего, похищенного имущества.

Проводя проверочные действия: получая объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребуя документы и предметы, назначая судебные экспертизы, осуществляя иные проверочные действия, следователь непременно принимает участие в розыскной деятельности, в том числе в процессе установления субъекта преступного посягательства. Более того, следователь в ряде случаев руководит деятельностью по раскрытию преступления, например, при работе в дежурной следственно-оперативной группе.

Напомним, что в юридической литературе ряд ученых не только соотносят понятия «розыск лица» и «раскрытие преступления» как взаимосвязанные, но и отождествляют их [2]. Анализ некоторых нормативных правовых актов также свидетельствует об идентичности этих понятий [3].

Положительным примером законодательного регулирования розыскной деятельности следователя могут служить нормы уголовно-процессуальных кодексов сопредельных государств.

Так, например, в соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 55 УПК Республики Армения следователь уполномочен до возбуждения уголовного дела по подготавливаемым материалам принимать меры по раскрытию преступлений, обнаружению без вести пропавших лиц и пропавшего имущества. В данном случае законодатель четко закрепил за следователем право на осуществление розыскной деятельности при проверке сообщения о совершенном преступлении и четко определил объекты розыска.

Иначе компетенция следователя определена в ст. 35 УПК Республики Узбекистан. Следователь не вправе осуществлять доследственную проверку, а значит, и розыскную деятельность. Эти полномочия отнесены к компетенции органа, осуществляющего доследственную проверку или оперативно-розыскную деятельность. Следователь вправе только давать данному органу обязательные для исполнения поручения.

Таким образом, складывается противоречивая ситуация, когда следователь выполняет не предусмотренную уголовно-процессуальным законом функцию розыска при проверке сообщения о совершенном преступлении. Полагаем, внесение изменений в УПК РФ позволило бы изменить сложившуюся ситуацию.

Список литературы

1. Лавров В. П. Проблемы розыскной деятельности в криминалистике и уголовном процессе // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сборник статей. Рязань, 2021. С. 182–186.

2. Хамизов В. Л. Соотношение понятий «раскрытие преступлений», «раскрытие преступлений по горячим следам» и «расследование преступлений» // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 246–250.

3. Приказ Генпрокуратуры России от 23 октября 2014 г. № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов», раскрытие преступления заключается в установлении лица, которое совершило преступление, и его местопребывания.

Шуваева М. С.¹,

доцент кафедры криминалистики

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Криминалистическая методика расследования преступлений по горячим следам обладает рядом специфических особенностей как в организационной, так и технико-криминалистической направленности.

Раскрытие и расследование таких преступлений достаточно специфическая деятельность должностных лиц правоохранительных органов. В круг субъектов, участвующих на первоначальном этапе в раскрытие преступления, входят не только следователи и дознаватели, как может показаться на первый взгляд, но и целый ряд сотрудников иных подразделений ОВД, а также специалистов, оказывающих помощь в раскрытии преступления.

Являясь участниками данной специфической деятельности, все участвующие лица сталкиваются с рядом условий, которые продиктованы в первую очередь сроками, за которые возможно раскрытие совершенного общественно опасного деяния.

Данные условия, по мнению А. А. Топоркова, можно разделить на две большие самостоятельные группы [1]:

- общие для организации расследования преступлений, независимо от этапа расследования;

- специфические для условий работы по горячим следам.

Более широко условия (факторы), определяющие специфику раскрытия и расследования по горячим следам можно представить следующим образом [2]:

- внезапность возникновения ситуации, требующей расследования;

- дефицит времени для принятия процессуальных и тактических решений, а также для их осуществления;

- большая динамичность процесса расследования, быстрая смена обстановки;

- недостаток информации (о характере, лице, совершившем преступление, и т. д.);

- необходимость безотлагательного использования новой поступающей информации.

Прежде чем приступить к рассмотрению первой группы условий, согласно классификации, представленной А. А. Топорковым, стоит отметить общие требования (принципы), которым должно отвечать любое раскрытие и расследование преступлений по горячим следам. Они заключаются в следующем:

¹ © Шуваева М. С., 2023.

- максимальное сокращение времени для прибытия следственно-оперативной группы на место происшествия;
- широкое сочетание типового программирования действий с индивидуальностью и конкретностью расследования;
- безотлагательное включение всех необходимых сил и средств в работу по раскрытию преступления;
- временное ограничение круга выясняемых вопросов;
- высокая интенсивность, оперативность следственных действий;
- широкое использование технических средств для достижения максимальной полноты фиксации информации при минимальной затрате времени [2].

Таким образом, учитывая все вышеизложенные факторы и требования, целесообразно рассматривать организационные особенности раскрытия и расследования преступлений по горячим следам исходя из временных, фактических, территориальных и иных обстоятельств, влияющих на изменчивость первичной обстановки.

Возвращаясь к первой группе условий, необходимо отметить то, что она включает в себя общие криминалистические положения, характерные для всех криминалистических методик. К ним относится первоначальное и одно из главных действий, требующих полной детализации и внимательности ко всем обстоятельствам, которые стали известны лицу, осуществляющему предварительное расследование в ходе первоначальных действий, а именно при осмотре места происшествия. В данном случае необходимо оперативно и грамотно организовать проводимую работу на месте совершения преступного деяния. При этом несмотря на оперативность, не стоит пренебрегать криминалистическими рекомендациями к данному необходимому следственному действию.

Во-первых, стоит помнить о типовых версиях, разработанных в теории криминалистики, построение которых во многом зависит от сложившейся следственной ситуации. При этом следователю (дознавателю) необходимо учитывать криминалистическую важность произошедшего события, а также фактически сложившуюся обстановку, проанализировав которую становится возможным осуществление оперативно-поисковых мероприятий по горячим следам не только с учетом положений криминалистической методики, но и с учетом субъективных установок и мнений.

Во-вторых, необходимо в кратчайшие сроки составить план расследования, который позволит произвести планомерный и оперативный анализ выдвинутых версий, путем правильного выстраивания алгоритма производства следственных и иных действий с учетом существующего дефицита времени. Также планирование в условиях раскрытия и расследования преступлений по горячим следам не должно быть типовым, оно должно опираться на фактически сложившиеся обстоятельства в момент обнаружения преступления, а также путем суммирования с уже полученной ранее информацией.

В-третьих, не стоит забывать о возможности производства неотложных следственных действий, использования экспресс-исследований, различных учетов и картотек.

Использование современных учетов, автоматизированных баз данных, которыми располагает в настоящее время МВД России, а также иные организации и органы, обусловливается необходимостью получения информации в условиях дефицита времени. Зачастую с помощью данных учетов становится возможно раскрытие преступлений по горячим следам, а в некоторых случаях данные, ставшие известны из вышеперечисленных источников, помогают изобличить виновного на первоначальном этапе, являясь единственным источником, доказывающим причастность того либо иного лица к совершению преступления.

Основополагающим условием, характеризующим каждую криминалистическую методику, является четкое взаимодействие между структурами и должностными лицами, полное и достойное обеспечение технико-криминалистическими средствами. В настоящее время данное положение вызывает ряд спорных вопросов, требующих скорейшего решения и модернизации.

Вторую группу условий во многом определяет сокращенное количество времени на раскрытие преступления. Данная организационная особенность возникает с момента фактического обнаружения преступления и прибытия следственно-оперативной группы на место происшествия. В данном случае необходимо отметить, что в труднодоступной местности это положение становится трудно осуществимо как из-за транспортных проблем, так и из-за проблем обеспечения ОВД различными средствами.

Говоря о временных рамках «раскрытия и расследования преступлений по горячим следам», стоит отметить, что они неоднозначны. В настоящее время нет единого мнения как среди ученых, так и среди практиков, какое время требуется для признания преступления раскрытым по горячим следам.

На сегодняшний день действует Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 20.02.2014) «О едином учете преступлений» [3], согласно которому если подозреваемый был установлен в течение 24 ч, то преступление считается раскрытым по горячим следам, о чем делается соответствующая пометка в статистической карточке, заполняемой в соответствии с приложениями к вышеуказанному приказу. Таким образом, указанный нормативный акт определяет срок раскрытия преступления по горячим следам – как 24 ч с момента обнаружения преступления.

Момент прибытия на место происшествия порождает особенности, требующие от следователя (дознателя) высокой самоорганизованности. Так, в условиях раскрытия преступления по горячим следам от должностного лица требуется принимать решение исходя из внезапно возникшей обстановки, дефицита времени на обдумывание, постоянно меняющейся следственной ситуации [4]. Во многом решения следователя (дознателя) являются ориентирами раскрытия преступления, и от поставленных ими задач будет решен вопрос об обнаружении виновного лица в кратчайшие сроки. Оплошность должностного лица в таких условиях может в итоге привести к нераскрытому преступлению или возникновению череды новых более опасных общественно опасных деяний.

Результативность данной деятельности также заключается в централизации управления многочисленными силами и средствами, используемыми для раскрытия преступления по горячим следам. Руководитель следственно-оперативной группы должен правильно распределить силы и средства ОВД и взаимодействующих лиц по направлениям. На месте происшествия таким руководителем является следователь или дознаватель, возглавляющий следственно-оперативную группу. Именно от его образованности, организованности, целеустремленности, умения организовать работу и взаимодействие всех привлекаемых сил и средств во многом зависит исход дела.

Первая группа сотрудников с обязательным участием оперативных сотрудников должна организовать розыск лица (лиц), совершивших преступное деяние, а также не позволить ему (им) уничтожить следы преступной деятельности или совершить новое преступление до того, как он (они) будет задержан.

Вторая группа организует осмотр места происшествия, сбор доказательств и их экспресс-исследование, если существует такая техническая возможность. Данные лица возглавляются следователем (дознавателем) с обязательным участием специалистов. Именно сбор первичных данных (доказательств) на месте происшествия во многом будет определять ход расследования. Все объекты, имеющие значения для уголовного дела, должны быть правильно сфотографированы, описаны в протоколе следственного действия и изъяты. От правильности сбора первичных доказательств во многом зависит, сможет ли следователь или дознаватель доказать причастность лица к совершению преступления.

Не стоит забывать о возможностях систем видеонаблюдения, помощи общестественности, средств массовой информации, а также ресурсов сети Интернет. Нередки случаи, когда именно благодаря вышеуказанным ресурсам становилось возможным задержание преступника, розыск похищенного имущества, выявление свидетелей, а также проведение отдельных следственных действий [5].

Все вышеперечисленные организационные особенности во многом зависят от субъективной стороны, а именно от профессиональной и психологической подготовки следователя, дознавателя, а также от технических и информационных возможностей конкретного территориального органа МВД России.

Таким образом, методика раскрытия и расследования преступлений по горячим следам, как самостоятельная криминалистическая система действий, в настоящее время обладает рядом хорошо разработанных организационных особенностей, которые при правильности их применения на практике помогают скорейшему изобличению виновных лиц.

Список литературы

1. Топорков А. А. Криминалистика : учебник. М. : Контракт : Инфра-М., 2012.
2. Криминалистика : курс лекций / [В. П. Лавров и др.]. М. : Проспект, 2016.
3. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 399 «О едином учете преступлений» (ред. от 15.10.2019)// СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951.

4. Травкин Е. А. О совершенствовании взаимодействия в форме следственно-оперативных групп // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2009. № 2-2. С. 275–281.

5. Криминалистика. Особенная часть : учебное пособие / [Н. И. Авакова и др.]. Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2018.

Щербич Л. А.¹,

*доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением
законов в оперативно-розыскной деятельности
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ТЕОРИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Следует констатировать, что интерес ученых-криминалистов к исследованию проблем противодействия уголовному преследованию с каждым годом возрастает. Это детерминировано необходимостью дальнейшей разработки криминалистической наукой теории преодоления противодействия уголовному преследованию, которая получила свое развитие в середине 60–х конце 80–х гг. прошлого века. Среди ученых-криминалистов, которые внесли весомый вклад в развитие рассматриваемой нами теории, следует выделить, Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина, А. Ф. Волынського и др., которые в разное время давали определение дефиниции «противодействие расследованию».

В одной из своих работ Ю. П. Гармаев, рассматривая криминалистические проблемы противодействия уголовному преследованию, выделяет три этапа развития рассматриваемой нами частной криминалистической теории. Следует согласиться с автором, что в настоящее время: «...в прикладном аспекте можно говорить о том, что на текущем этапе наиболее актуально частно-методическое направление развития теории, или «направление пополнения частных криминалистических методик» по конкретным категориям уголовных дел (в типичных ситуациях) и оптимизацией соответствующих средств его преодоления» [1, с. 463]. Вместе с тем к сказанному следует добавить, что в настоящее время не менее актуальным становится применением не только следователем (дознавателем) методов и приемов криминалистики в ходе расследования преступления, но и прокурором, поддерживающим государственное обвинение в суде. Если говорить о научных подходах к дефиниции «противодействие предварительному расследованию», то необходимо начать с того, что предварительное расследование – это стадия уголовного процесса, где круг участников, его осуществляющего, законом определен четко. Но верным нам представляется тезис о том, что этапом предварительного расследования, противодействие со стороны заинтересованных лиц не заканчивается. Совершенно справедливо пишет Э. У. Баева, что «...противодействие (воспрепятствование) заключается в создании по дсле- ственными, их защитниками, потерпевшими, свидетелями, иными субъектами уголовного процесса, а также другими лицами, заинтересованными в исходе уголовного дела, помех и преград осуществлению уголовного преследования – выде- лено нами Л. А. Щербич» [2, с. 14]. Именно об уголовном преследовании необ- ходимо вести речь, когда рассматриваются проблемы противодействия законной

¹ © Щербич Л. А., 2023.

деятельности следователя (дознавателя) и прокурора. Данный тезис подтверждается еще и тем, что уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, которую согласно ст. 37 УПК РФ осуществляет прокурор.

Вместе с тем, обращаясь к работам известных ученых-криминалистов, можно констатировать, что большинство из них под противодействием уголовному расследованию (в нашем понимании преследованию) понимают умышленную деятельность, осуществляемую участниками расследования и иными связанными с ними лицами, для создания препятствий при исследовании обстоятельств дела и воспрепятствовании в конечном счете – установлению объективной истины по уголовному делу (Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский, В. П. Лавров, В. Н. Карагодин, В. Е. Корноухов, А. М. Кустов и др.).

В более поздних работах некоторые авторы под противодействием уголовному преследованию понимали умышленное противоправное поведение (А. А. Навалихин), умышленное совершение поступков, поведение и действия (И. А. Климов, Г. К. Синилов). Фактически одни авторы рассматривают противодействие как умышленную деятельность, другие как поступки, поведение и действия. Анализируя существующие научные подходы, необходимо отметить, что всех авторов объединяет общий тезис, заключающийся в том, что противодействие – это не отдельный поведенческий акт, а тип поведения. Соответственно, «противодействие уголовному преследованию» необходимо рассматривать через призму деятельностного подхода. «Именно в деятельности многие философы видят исходную генетическую «клеточку» общественного развития, именно диалектические процессы индивидуальной и общественной деятельности (материальной или духовной, практической или теоретической) считают методологически ключевыми для объяснения социальных процессов» [3, с. 10]. Деятельность является основным методом целевого взаимодействия человека с обществом.

Любая деятельность имеет две стороны, связанные между собой, а именно внутреннюю и внешнюю. Где без познания внешней стороны деятельности (поведения) невозможно познать ее внутреннее наполнение. Мотивированность и осмысленность выступают в качестве содержательной стороны любой деятельности, следовательно, неосмысленное, немотивированное, произвольное действие по своей сути деятельностью не являются. Противодействие уголовному преследованию следует рассматривать как деятельность умышленную, преследующую строго определенную цель. Причем целью любой деятельности, в том числе и по противодействию уголовному преследованию, необходимо понимать мысленную модель будущего результата, к достижению которого стремится субъект. Цель любой деятельности формируется на основе ее мотива (и тех потребностей, которые обусловили мотив). По времени мотив всегда предшествует цели. В начале у человека возникают потребности, а затем он создает в своем сознании модель результата своей деятельности, при котором эти потребности окажутся удовлетворенными, т. е. появляется цель, к которой субъект начинает

стремиться. Цель, к которой стремится субъект, противодействующий уголовному преследованию, состоит в том, чтобы минимизировать последствия наступления уголовной ответственности либо избежать ее вовсе, но если рассматривать шире, то противодействие в конечном счете всегда преследует цель создания таких условия, которые не позволят сторонам реализовать представляемые им права и процессуальные обязанности.

Так, А. А. Максимов выделяет четырнадцать мотивов противодействия расследованию преступления, среди которых: «уклонение от иных видов правовой ответственности, создание информационной «пустоты» вокруг деятельности преступника или его сообщников в целях сохранения преступной деятельности как таковой, ложного понимания профессиональных интересов субъектами расследования, отсутствие профессионализма у сотрудников правоохранительных органов, которые неспособны осуществлять расследование и производить весь комплекс процессуальных и следственных действий, что влечет за собой приостановление производства по уголовному делу, а также профессиональная деятельность адвоката, осуществляющего противодействие предварительному расследованию в интересах своего подзащитного, исходя из профессиональных целей и задач» [4, с. 10].

С изложенным выше мнением можно было бы согласиться, однако, на наш взгляд, происходит смешение мотива и способов противодействия, что не одно и то же. Кроме этого, не может выступать в качестве мотива противодействия предварительному расследованию непрофессиональная деятельность органов предварительного расследования, в данном случае речь идет о качественной характеристике субъекта расследования, которая, безусловно, сказывается на его результатах, да и вряд ли, следуя логике, субъект, осуществляющий расследование будет противодействовать самому себе.

Рассматривая профессиональную деятельность адвоката, осуществляющего противодействие предварительному расследованию в интересах своего подзащитного, исходя из профессиональных целей и задач, следует согласиться с позицией О. И. Цоколовой о том, что «...нельзя бесконечно расширять круг деяний, которые можно считать противодействием расследованию. Относить к таковому допустимо только незаконные действия умышленного и целенаправленного характера: например, угрозы следователю либо участникам процесса, попытку постороннего вмешательства в ход расследования, уничтожение материалов уголовного дела или приобщенных к делу доказательств, организацию шумной пиар-кампании в СМИ и в интернет-ресурсах против органа расследования и в защиту обвиняемого и т.д. Каждое такое деяние должно быть надлежащим образом зафиксировано, и должен быть решен вопрос о возбуждении уголовного дела по ст.ст. 294, 296 и по иным статьям УК РФ» [5, с. 10]. Кроме того, представляется убедительной позиция Р. Р. Гизатуллина, утверждающего: «Государство гарантирует право на получение гражданами квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции Российской Федерации), что неразрывно связано с уголовно-процессуальным принципом состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) – равноправием перед судом стороны обвинения и защиты. Одной из составляющих данного принципа является их процессуальная конкуренция, где

каждая сторона аргументирует и доказывает свои доводы» [6, с. 10]. Поэтому противодействие получает свое развитие там, где происходит столкновение интересов сторон, которые представляют прокурор, следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, потерпевший, а также защитник, подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик, имеющие свой процессуальный интерес. Объективно существующее противодействие в ходе уголовного преследования всегда будет находиться в фокусе противоборствующих интересов.

На основании изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что противодействие уголовному преследованию – это умышленная и противоправная деятельность участников, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, а также иных заинтересованных лиц в целях воспрепятствования достижению целей уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Гармаев Ю. П. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействию уголовному преследованию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 461–470.
2. Бабаева Э. У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М. : Московская государственная юридическая академия , 2006.
3. Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. М. : МГУ, 1989.
4. Максимов А. А. Виды субъектов противодействия расследованию преступлений и их мотивация // Российский следователь. 2020. № 3. С. 7–13.
5. Цоколова О. И. Тезис об усилении противодействия расследованию преступлений с позиции уголовного процесса // Российский следователь. 2022. № 4. С. 32–35.
6. Гизатуллин Р. Р. Актуальные вопросы реализации процессуальных полномочий защитника в уголовном процессе при обжаловании судебных актов (первой, апелляционной и кассационной инстанций) на примере конкретного уголовного дела // Адвокатская практика. 2018. № 3. С. 42–46.

Дрога А. А.¹,

старший преподаватель кафедры криминалистики

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

Душенко М. М.²,

доцент кафедры криминалистики

Краснодарского университета МВД России,

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ ПРИ ДОПРОСЕ В ЦЕЛЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Исследованию вопросов оказания противодействия расследованию преступлений со стороны различных участников уголовного судопроизводства изучались многими учеными-криминалистами, но наиболее подробно и многоаспектно они были освещены в трудах заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженным профессором Академии управления МВД России, доктором юридических наук, профессором Владимиром Петровичем Лавровым. Своевременное выявление и принятие мер нейтрализации противодействия расследованию традиционно рассматривается в криминалистике как фактор, повышающий качество раскрытия и расследования преступлений [1, с. 16].

Наиболее значимым следственным действием, позволяющим реализовать весь комплекс тактических приемов, является допрос, занимающий большую часть рабочего времени следователя. Проблема применения в ходе допроса тактических приемов и тактических комбинаций крайне актуальна, поскольку от их эффективности зависит результативность самого следственного действия, установление истины и всех обстоятельств уголовного дела. Реализация тактических комбинаций зависит как от инициативы субъекта расследования, так от подготовленности и его профессиональной компетентности. Тактические приемы в совокупности образуют тактические комбинации, разработка рекомендаций для которых является весьма перспективным направлением в области дальнейшего формирования теоретических основ криминалистической тактики.

К допросу свидетеля, особенно если его показания имеют основополагающее значение для уголовного дела, следователь должен подойти ответственно. Целесообразно применить следующую тактику подготовки:

– собрать характеризующий свидетеля материал: сведения о фактах биографии, семейном положении, наличии судимости, наркотической или алкогольной зависимости, совершение лицом административных правонарушений, служба в органах внутренних дел или в других государственных органах, наличие наград, уровень доходов, наличие недвижимости, автомобиля, а также другие

¹ © Дрога А. А., 2023.

² © Душенко М. М., 2023.

сведения, позволяющие оценить социальный уровень, интеллектуальные способности, особенности личности, психологические установки и ценности, склонность к криминальному поведению и т. д. Владение такой информацией поможет следователю наладить психологический контакт с допрашиваемым, спрогнозировать возможные проблемные ситуации, заинтересовать лицо в продуктивном бесконфликтном взаимодействии и составить план допроса [2, с. 116]. Так, например, защитник подсудимого П. ходатайствовал в судебном заседании об исключении из доказательств показаний потерпевшего Н. В обоснование своих требований он привел следующие аргументы: судимость Н. за лжесвидетельство и за кражу, наличие личной неприязни к подсудимому П., что подтвердил протоколами допросов свидетелей [3]. Из приведенного примера становится очевидным, насколько важно следователю быть осведомленным и готовым к опровержению представленных доводов. Чтобы не лишиться важного обвинительного доказательства следует:

- установить круг общения свидетеля, допросить его знакомых о привычках, интересах, особенностях характера свидетеля, об отношениях свидетеля с подозреваемым (обвиняемым), о наличии между ними конфликта и вариантах его проявления. При этом, допрос некоторых лиц из окружения свидетеля должен касаться имущества свидетеля, информации о его доходах, транспортных средствах, дорогостоящем отдыхе или лечении, об обладании определенными навыками в какой-либо сфере искусства или ремесла;

- выяснить у знакомых со свидетелем лиц, служил ли он в армии, в правоохранительных органах, может делился информацией о совершенном преступлении (которую он мог продемонстрировать в близком кругу, но скрыть от следствия), какими средствами связи он пользуется и сколько у него абонентских номеров. Последнее позволит установить местонахождение свидетеля в интересующий следствие период;

- получить протоколы соединений средств связи свидетеля с указанием геолокации. Благодаря этому можно удостовериться в том, что свидетель не находился рядом с подозреваемым, не контактировал с ним по телефону либо в ходе личной встречи, что является весовым доказательством при опровержении алиби. Такие протоколы могут быть предъявлены свидетелю в ходе допроса, и часто свидетель приходит к выводу о необходимости дачи правдивых показаний;

- привлечь в случае необходимости специалистов в зависимости от складывающейся следственной ситуации;

- проанализировать показания других свидетелей, потерпевшего, подозреваемого с целью прогнозирования возникновения проблемных вопросов в ходе планируемого допроса свидетеля. Оценке подлежит возможность нахождения свидетеля на месте преступления, описание примет присутствовавших лиц, их примет, автомобилей, обстановки и т. д. [4, с. 39–44].

Проанализированный комплекс действий на подготовительном этапе раскрывает возможности субъекта расследования и позволяет в случае реализации всех превентивных действий собрать наибольшие данные о допрашиваемом лице.

В ходе подготовительного этапа следователь определяется с тактическими приемами, которые будут реализованы позже, исходя из технических условий и возможностей. Так, если кабинет следователя оснащен средствами видео фиксации, то очевидно, что в случае необходимости данный тактический прием будет эффективно реализован.

Полученные сведения крайне важны для рабочего этапа допроса, так как использование тактических приемов на данном этапе, образующих тактические комбинации, позволит получить правдивые показания от допрашиваемого лица. Существуют разнообразные тактические приемы (выслушивание легенды, пресечение лжи, детализация, сопротивление, контроль, напоминание, предъявление доказательств и т. д.), их выбор напрямую зависит от инициативы субъекта расследования, а также от ситуации, складывающейся между ним и допрашиваемым лицом; также выбор зависит и от процессуального статуса допрашиваемого. Сочетание между собой тактических приемов приводит к возникновению тактических комбинаций.

Однако в практической деятельности существуют такие ситуации, в которых допрашиваемое лицо пытается ввести следователя в заблуждение путем дачи лживых показаний. Для разоблачения лжи целесообразно применять следующие тактические приемы:

- создать у свидетеля уверенность в том, что у следствия имеются доказательства изобличения во лжи;
- представить в ходе допроса доказательства (от большего к меньшему или наоборот), заранее продумав последовательность такого представления, либо же предъявить их все сразу, создав эффект большого количества информации;
- предложить свидетелю или потерпевшему сделать видеозапись показаний, представив эту запись потом как вещественное доказательство в суде. Помимо этого, видеозапись дает возможность назначения и производства психологической экспертизы.

Так, П. совершил хищение ноутбука «ACER» стоимостью 20 000 руб. из домовладения, принадлежащего А. В ходе допроса П. первоначально отрицал свою причастность к случившемуся, пытаясь ввести следователя в заблуждение. После выслушанных показаний подозреваемого следователь стал предъявлять П. доказательства в виде свидетельских показаний приемщика-ломбарда М., заключения дактилоскопической экспертизы, согласно которой на ноутбуке имелись отпечатки пальцев П., протокол выемки ноутбука «ACER». Подозреваемый П. перестал отрицать свою причастность и сознался в содеянном [5]. В приведенном примере следователь использовал тактическую операцию, которая состояла из двух тактических приемов: «допущение легенды», предъявление доказательств от большего к меньшему. Очевидно, что субъект расследования готовился к допросу подозреваемого, при этом достоверно зная из собранного характеризующего материала, что последний неоднократно судим и склонен ко лжи.

Таким образом, тактические приемы и тактические комбинации, направленные на выяснение мотивов дачи ложных показаний, являются задачей стадии подготовки к допросу. В целом к началу производства допроса, следователь должен обладать таким объемом информации, чтобы не позволить допрашиваемому

лицу ввести себя в заблуждение относительно своей осведомленности, мотивов поведения, местонахождения, контактов с подозреваемым. Высокая осведомленность следователя и знание тактических приемов повышают авторитет следователя в глазах допрашиваемых лиц, создавая впечатления отсутствия перспектив для введения в заблуждение. Реализация на практике тактических комбинаций – первостепенная задача субъекта расследования в ходе производства допроса, однако она зависит от внутренних волевых качеств следователя, его профессионализма, высокой подготовленности и инициативы.

Список литературы

1. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / [Б. Я. Гаврилов и др.] ; под. общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.
2. Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / [А. Г. Бедризов и др.] ; отв. ред. Я. В. Комисарова. М. : Проспект, 2016.
3. Приговор от 23 июля 2020 г. № 1-11/2020 по делу № 1-11/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/UZ-cVhhSCfOUX/?regular-txt=лжесвидетельство&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from.
4. Бедризов А. Г., Перепелицын А. А. Криминалистические методы противодействия даче ложных свидетельских показаний (на основе анализа материалов уголовных дел о должностных преступлениях и преступлениях коррупционной направленности) // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 39–44.
5. Приговор от 17 ноября 2021 г. № 1-161/2021 по делу № 1-161/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1TSMxIoDhr5B/?page=8&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo.

Болдырева Е. А.¹,

*научный сотрудник отдела научных исследований
по криминалистическим видам экспертиз
управления научных исследований ЭКЦ МВД России*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Данная научная статья подготовлена в рамках проведения Всероссийской научно-практической конференции «Криминалистика: наука, практика, опыт», посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Владимира Петровича Лаврова, и предназначена для продолжения развития идей этого выдающегося ученого.

Научное наследие Владимира Петровича Лаврова имеет важное значение для современной теории и практики расследования преступлений. Профессором были рассмотрены различные аспекты науки криминалистики, среди которых и теория криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Он отмечал, что «использование научно-технических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений представляет собой одно из основных направлений деятельности правоохранительных органов (наряду с оперативно-разыскной деятельностью), способствующих формированию содержательной и устойчивой доказательственной базы по уголовным делам» [1, с. 17], акцентировал внимание на отдельных проблемах указанного направления и предлагал пути их решения [2, с. 331; 335], в том числе и в области учения о криминалистической регистрации.

Кроме профессора В. П. Лаврова вопросы организации криминалистических учетов и работой с содержащихся в них информацией рассматривались Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкиным, А. И. Винбергом, А. Ф. Волынским и другими отечественными учеными.

Использование информации, содержащейся в криминалистических учетах, является одним из направлений расследования преступлений и сопровождает его на каждом этапе, ведь в ряде случаев результативность проводимых мероприятий в большинстве случаев связана с обращением к имеющимся в органах внутренних дел Российской Федерации информационным системам. Сведенные в базу вспомогательно-справочные и ориентирующие данные позволяют правоохранительным органам выдвигать версии, планировать дальнейшие следственные ситуации и проведение оперативных мероприятий.

На основании положений законодательства Российской Федерации на ЭКЦ МВД России возложена обязанность разрабатывать и направлять в экспертно-криминалистические подразделения территориальных органов МВД России ме-

¹ © Болдырева Е. А., 2023.

тодические рекомендации по ведению отдельных видов экспертно-криминалистических учетов. На этом основании в настоящее время уже подготовлены и успешно внедрены в практическую деятельность различные информационные письма, электронные базы данных и методические рекомендации по формированию и использования учетов.

Однако несмотря на достаточную проработанность в теоретическом аспекте, на практике существуют проблемы при использовании следственными подразделениями информации, полученной при проверке по криминалистическому учету.

Далее в рамках данной статьи предлагается рассмотреть проблемы использования информации после проверки объектов по учету поддельных денежных билетов, бланков ценных бумаг и бланков документов (далее – учет).

Целью ведения данного вида учета является установление единого способа изготовления выявленных поддельных денежных билетов Банка России, иностранной валюты, бланков ценных бумаг и бланков документов. Информация об общем способе изготовления (по всем видам печати и отдельным имитациям специальных средств защиты) является важной для следственных подразделений и при использовании собранных данных по различным эпизодам преступной деятельности ведет к объединению уголовных дел и раскрытию преступлений.

Проблемой конкретного вида учета является то, что даже при получении информации о принадлежности к одной группе учета объектов, изъятых по разным уголовным делам, следователь не всегда имеет возможность проводить дальнейшие мероприятия, особенно если они выходят за рамки его должностных полномочий в плане межрегионального объединения в одном производстве дел по обвинению нескольких лиц или по обвинению одного лица в совершении нескольких преступлений. Иными словами, провести соединение по справке о проверке объекта по региональному учету в рамках одного региона представляется возможным, при этом для межрегионального присоединения одного дела к другому необходима информация, имеющаяся в базах учета федерального уровня. Это объясняется особенностью объектов учета – наличие комплекса признаков, выделенных в рамках учета в одну группу, не дает основания для объединения уголовных дел в одно производство. Эти данные носят лишь справочный характер, а не приобщается, как иногда это ошибочно случается, к материалам уголовного дела в качестве доказательства. Чтобы информация, полученная с помощью учета, приобрела определенное доказательственное значение, следователю необходимо подтвердить результаты проверки по учету с помощью судебной дополнительной экспертизы. Заключение эксперта уже будет являться основанием для проведения дальнейших мероприятий.

Однако здесь обозначаем следующую проблему – если в распоряжении субъекта использования учета нет предполагаемого оборудования, с помощью которого предположительно были изготовлены поддельные денежные билеты и документы, то все заканчивается на стадии оценки следователем справки по результатам проверки.

Решить обозначенную в рамках статьи задачу возможно совместными усилиями следственных органов и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, ведущих соответствующий вид учета. Предлагается вести усиленную работу по следующим направлениям:

- комплексный подход к обнаружению, фиксации и изъятию следов на месте происшествия, применяя при этом большой спектр существующих криминалистических методов и средств, обеспечивающих в дальнейшем поступление на исследование необходимого объема исследуемого материала;
- своевременность пополнения натурной коллекции учета, ее актуализация и ведение согласно действующему законодательству;
- постоянное взаимодействие правоохранительных органов при организации использования учета.

В качестве факультатива можно предложить поднимать указанную в статье проблему на совещаниях.

Подводя итоги, следует отметить, что В. П. Лавров в своих работах наметил пути дальнейших теоретических разработок для своих учеников и последователей. Среди прочих монументальных проблем он рассматривал криминалистическое обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Благодаря его идеям исследования по оптимизации процесса обмена и получения криминалистически значимой информации получили широкое распространение и продолжают совершенствоваться.

Список литературы

1. Лавров В. П. Проблемы использования технико-криминалистических методов и средств при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 17–19.
2. Лавров В. П. Некоторые современные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы : сборник статей. М. : Академия управления МВД России, 2017. С. 331–336.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/72222630/>.

Казакова А. Н.¹,

преподаватель кафедры криминалистики

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О СВОЕВРЕМЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ КАК СПОСОБЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В ходе расследования преступления следователю достаточно часто приходится сталкиваться с противодействием со стороны заинтересованных в этом лиц. Преступники, пытаясь избежать уголовного наказания за содеянное, принимают различные меры, направленные на сокрытие факта преступления, уничтожения его следов, оказывают давление на потерпевших и свидетелей с целью дачи ими ложных показаний, применяют угрозы, подкуп сотрудников правоохранительных органов и т. д. Противодействие расследованию и раскрытию преступлений существовало всегда.

Проблемам противодействия расследованию преступлений посвящал свои труды Р. С. Белкин, большой вклад в теорию преодоления противодействия расследованию внес В. П. Лавров, продолжили вносить большой вклад в изучение данной темы их многочисленные последователи, такие как В. Н. Карагодин, С. Ю. Журавлев и другие.

В. Н. Карагодин рассматривает противодействие как умышленную деятельность с целью создания препятствий решению задач расследования и установлению объективной истины [1, с. 18]. Подобным образом определял противодействие расследованию и Р. С. Белкин.

С точки зрения А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова, противодействие расследованию – это система умышленных, противоправных действий или бездействия, направленных на создание препятствий деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию доказательственной и иной значимой для дела информации [2, с. 47].

В современном мире в связи с цифровизацией почти всех сфер деятельности, данная тема набирает масштабы в таком направлении противодействия расследованию, как противодействие с использованием информационно-телекоммуникационных средств. В настоящее время сотрудники полиции стараются максимально выявлять цифровые следы при раскрытии и расследовании преступлений, так как они оказываются достаточно информативными. Преступный элемент об этом также хорошо осведомлен, в связи с чем лица, заинтересованные в оказании противодействия расследованию, используют различные способы по сокрытию, уничтожению, подмене цифровых следов.

Цифровой след – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т.е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (прим. 1 к ст. 272 УК РФ).

¹ © Казакова А. Н., 2023.

Выявленная цифровая информация помогает:

- напрямую изобличить лицо, совершившее преступление, это, к примеру, видео, фото самого совершения преступления либо подготовки к нему, сообщения-переписка соучастников либо сообщения преступников к потерпевшему и т. п.;
- косвенно указывать на возможную причастность лица к совершенному преступлению, например, закладки на сайтах, пометки в календарях, программы, установленные на электронных носителях, и т. п.;
- установлению иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, о которых следователю не было известно до начала работы с цифровыми следами.

Поэтому преступники используют различные способы противодействия расследованию, мешающие следователю получить криминалистически значимую информацию.

Цифровые следы могут быть локальными, доступ к ним осуществляется через устройство – электронный носитель информации, например, ЭВМ, мобильные телефоны, жесткие диски, CD, DVD, blu-ray диски, флеш-накопители, SSD и магнитные носители и прочие, и сетевыми (удаленными), доступ к ним возможен только при использовании подключения к телекоммуникационным сетям.

Соответственно и способы, выбираемые лицами, заинтересованными в оказании противодействия расследованию, зависят как правило, от того, локальные или сетевые цифровые следы преступники могут оставить в осуществлении своей преступной деятельности.

Так, заранее готовясь к совершению преступления, они могут создать скрытые цифровые следы методом-стенографии. Такой метод позволяет скрыть факт передачи информации. Либо осуществляют шифрование передаваемой или хранящейся на электронном носителе информации, после чего доступ к информации блокируется и может быть осуществлен только с помощью паролей или иных средств идентификации, или аутентификации ее создателя, или владельца либо электронных ключей доступа к информации. С помощью шифрования осуществляется задача соблюдения конфиденциальности передаваемой информации. Имеется такая разновидность, как сквозное шифрование, в котором доступ к сообщениям имеют только пользователи, между которыми происходит такое общение. При установке соответствующего таймера нужная информация может самопроизвольно уничтожаться за заданный промежуток времени. В настоящее время такой способ шифрования активно используется в различных мессенджерах.

Могут уничтожать цифровые следы удаленным способом, либо изначально запрограммировать на удаление при любом несанкционированном доступе к программе, файлу, неправильному введению пароля и прочее.

Еще один из способов противодействия расследованию преступлений, который использует преступный элемент, в целях совершения и сокрытия своего преступления является использование программ-ремейлеров. С помощью таких программ происходит подмена информации об электронном адресе отправителя письма, и одновременно происходит переадресация самого отправления с электронной почты. Преступники часто используют данную программу, отправляя

письмо от якобы государственных органов, банков и иных значимых организаций. В итоге у получившего такое электронное письмо нет информации об истинном отправителе.

Используя программы – анонимайзеры, преступники подменяют свой уникальный IP-адрес, используемый абонентом сети Интернет (провайдер предоставляет его каждому при подключении к сети), а также осуществляют подмену информации о самом используемом ими сетевом браузере, изменяя параметры его настройки, удаление запросов и ответов веб-сервера от служебных cookie-файлов, используемых для формирования истории посещения определенных интернет-ресурсов пользователем сети. Тем самым скрывая цифровые следы своей преступной деятельности.

Достаточно активно преступный элемент использует программы – TOR-браузеры, с помощью которых осуществляют выход в анонимную сеть TOR, не индексируемую традиционными поисковыми средствами (Яндекс, Google). Теневой интернет, который содержит специализированные сайты интернет-магазинов, реализующих криминальные товары и предлагающих незаконные услуги.

Перечислены не все способы цифрового противодействия расследованию преступлений, данный список намного обширнее и с развитием информационно-коммуникационных технологий постоянно расширяется заинтересованными в оказании противодействия расследованию лицами.

Очень важно следователю при выполнении действий, направленных на изъятие и фиксацию цифровых следов, извлечь из информационного-телекоммуникационного устройства и не утратить криминалистически значимую информацию, в связи с чем необходимо приглашать для участия в следственном действии специалиста в сфере информационно-коммуникационных технологий. Копирование информации проводится с обязательным участием специалиста, в связи с чем следователю необходимо заранее организовать участие специалиста в следственном действии.

В настоящее время в криминалистических подразделениях МВД имеются высокотехнологичное обеспечение и программы, способные выявлять и фиксировать цифровые следы, подбирать кодировки, пароли, восстанавливать уничтоженные файлы, находить скрытые файлы и прочее.

Используются, к примеру:

- специализированные переносные лаборатории «RM3». Они позволяют извлекать файлы из любой операционной системы и любые типы разделов с накопителя на жестких магнитных дисках;

- комплексы аппаратных блокираторов записи «ForensicPC Ultimate Write Block Kit». Они позволяют дублировать различные накопители, используемые в ноутбуках, картах памяти всех форматов и других накопителях.

Используются следующие программные обеспечения:

1. «Мобильный криминалист» – позволяет обнаружить и извлечь информацию с телефона/смартфона.

2. «Мобильный криминалист Десктоп» («МК Десктоп») – позволяет извлекать, расшифровывать и анализировать ключевые данные из персональных компьютеров, ноутбуков и серверов на операционных системах Windows, macOS, Linux или образов жестких дисков в формате e01 с файловой системой NTFS.

3. Belkasoft Evidence Center X. Она позволяет изучить файлы на электронных носителях, в том числе и облачных источниках. При использовании данной программы можно получить доступ к информации, содержащейся на жестких дисках, провести анализ и монтирование с жестких дисков, образов дисков, оперативной памяти; провести исследование мессенджеров, браузеров, почтовых ящиков, документов, изображений, видео, системных файлов, онлайн-игр и платежных приложений; выявить связи между устройствами; составить хронологическую последовательность полученных доказательств; осуществить поиск информации, которая была удалена, уничтожена (отформатирована) или никогда не хранилась на жестком диске.

Несмотря на все вышеуказанные средства (перечень их намного обширнее), позволяющие бороться с такого рода цифровым противодействием расследованию преступлений, работу по обнаружению, изъятию и фиксации цифровых следов следователю необходимо проводить своевременно, не затягивая. Необоснованное промедление может привести к неэффективности или невозможности обнаружить и провести копирование цифровых следов по причине того, что информация может быть специально уничтожена заинтересованными лицами, осуществляющими противодействие расследованию, посредством удаленного доступа либо может стоять таймер на ее удаление, о чем говорилось выше. И как показывает изучение практики, следователи достаточно часто сталкиваются с такой проблемой. Поэтому любое промедление следователя в работе с цифровыми следами по расследуемому уголовному делу, а также несвоевременный вызов специалиста для участия в следственном действии, могут привести к их безвозвратной утере.

В связи с этим требование своевременности следственного действия, проводимого в целях обнаружения, изъятия и фиксации цифровых следов, влияет на его результативность и повышает вероятность получить доступ к максимально сохраненной информации. Целеустремленность и активная позиция следователя в данной ситуации очень важны.

Список литературы

1. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск : Уральский университет, 1992.
2. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2013.

Максимова В. П.¹,

*научный сотрудник отдела научных исследований
по криминалистическим видам экспертиз
управления научных исследований ЭКЦ МВД России,
кандидат юридических наук*

ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Профессор В. П. Лавров, будучи одним из ведущих ученых Российской Федерации, одним из основателей криминалистической теории временных связей (отношений), а также исследователем проблем общей теории криминалистики, криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений, особое внимание уделял и применению специальных знаний по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет [5].

В деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет большое значение имеет использование экспертиз и исследований.

В трудах ученых-криминалистов, посвященных работе следователя, дознавателя по приостановленному делу, исследуются различные типичные следственные ситуации [1, с. 15–16; 3, с. 109]. Однако в них подробно не рассматриваются проблемы по использованию результатов предварительных исследований и экспертиз в работе по приостановленным и возобновленным делам, не определена организация деятельности органов расследования преступлений в указанных ситуациях.

Использование специальных знаний в процессе расследования нераскрытых преступлений прошлых лет имеет свои особенности, которые определяются влиянием фактора времени, противодействием расследованию со стороны преступников и лиц, связанных с ними, наличием результатов уже произведенных исследований и экспертиз, а также целого ряда других факторов как правового, так и психологического характера.

Характерным при возобновлении производства по делу является то, что следы и иные вещественные доказательства, изъятые до приостановления производства по делу, подвергались экспертному исследованию. В связи с этим для работы по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет производится сравнительное исследование уже имеющихся в деле следов и объектов в совокупности с новыми следами, обнаруженными после приостановления уголовного дела.

Формы использования экспертиз и исследований в большей степени зависят от конкретного этапа деятельности по делу. Достижение положительных результатов в раскрытии преступлений возможно только при использовании всех форм специальных знаний.

¹ © Максимова В. П., 2023.

По данной категории дел специальные знания применяются в следующих формах:

- использование средств и приемов криминалистической техники следователем или оперативным работником;
- консультационная помощь сведущих лиц по использованию средств и приемов криминалистической техники, в частности, новых или неиспользованных возможностей и направлений применения специальных знаний для разрешения возникающих задач с учетом возможностей криминалистических исследований в определенной следственной ситуации;
- назначение и производство предварительных исследований по приостановленному уголовному делу;
- назначение и производство повторных, дополнительных судебных экспертиз (после возобновления производства по делу) [6, с. 105].

Согласно данным А. В. Морозова, дополнительные и повторные экспертизы производились по 9,2 % изученных им приостановленных уголовных дел [7, с. 100]. Проведенное ВНИИ МВД СССР исследование показало, что по 32,8 % изученных по данной категории дел судебные экспертизы не производились [2, с. 33].

Результаты изученных нами материалов уголовных дел, в которых имелись сведения о противодействии расследованию и его преодолении с использованием результатов судебных экспертиз и исследований, свидетельствуют о том, что в настоящее время при расследовании преступлений применение специальных знаний встречается гораздо чаще. Однако отметим, что и сейчас не по всем делам были вовремя назначены и произведены все необходимые экспертизы и исследования по изъятым следам и объектам. В большинстве случаев поставленные перед экспертами вопросы и результаты исследований носили проверочный характер.

По мнению профессора В. П. Лаврова, к наиболее характерным типичным целям предварительных исследований по приостановленным делам и экспертиз после возобновления производства относятся:

- установление групповой принадлежности или идентификация лица по следам, обнаруженным и изъятым на месте происшествия или на других объектах;
- идентификация лиц по их костным останкам или фотоизображениям и др.;
- идентификация исполнителя рукописного текста и подписи в ходе сравнительного исследования по образцам почерка и подписи;
- установление групповой принадлежности или идентификация орудий совершения преступления по следам их применения;
- установление источника происхождения или идентификация предметов, обнаруженных на месте происшествия или изъятых в иных местах, имеющих непосредственное отношение к делу [4, с. 129].

В проверочной работе по приостановленному делу строго должны соблюдаться следующие условия:

- планомерное и систематическое использование экспертиз и исследований;
- оформление результатов исследований в соответствии с установленными требованиями ведомственных нормативных актов и их отражение в материалах приостановленного дела.

На практике не всегда выполняются указанные требования. Зачастую следователь, дознаватель, у которых находится приостановленное дело, и оперативный работник, возглавляющий оперативно-разыскную деятельность, не конкретизируют, не определяют либо определяют лишь приблизительно круг лиц, совершивших преступление. В некоторых случаях не проводится соответствующая работа, связанная с отбором лиц, у которых необходимо получить образцы в целях последующего сравнительного исследования. Так, в 24,4 % случаев не определен круг лиц на стадии предварительного расследования по обстоятельствам дел, не связанных с событием преступления. Из 75,6 % случаев, где лица были установлены, в 47,9 % не проводился отбор образцов для сравнительного исследования [7, с. 101].

Результаты нашего исследования показали, что не по всем приостановленным уголовным делам произведен весь комплекс необходимых и возможных предварительных исследований по изъятым следам и объектам. Зачастую соответствующие справки, поступившие из экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России (далее – ЭКП) уже после приостановления производства по делу, подшиваются к уголовным делам лишь формально, детально не изучаются и не проводится соответствующая оценка в общей совокупности с другими материалами, хотя они могут в дальнейшем указать на новые направления расследования преступления.

Оперативные сотрудники и следователи редко оформляют поручения (рапорта) для проверки по экспертно-криминалистическому учету соответствующими документами. Соответственно, приняв к исполнению вербальные поручения, сотрудники ЭКП проводят исследования и лишь устно сообщают о результате проверки. Таким образом, факты проведения тех или иных проверок не отражаются ни в следственном деле, ни в оперативных материалах.

Так, в подавляющем большинстве дел (99,5 %), изученных Н. М. Самиевым, предварительные исследования по приостановленным уголовным делам (после их приостановления) не производились [8, с. 129].

И лишь в 39,5 % изученных нами дел в поручениях (рапортах) для постановки и проверки объектов по соответствующим учетам находят отражение все необходимые сопроводительные документы в материалах дела.

Все это свидетельствует о том, что проверки по учетам проводятся не по всем следам и объектам, а в дальнейшем не осуществляется постановка объекта на соответствующий учет. Данные недостатки особенно проявляются в ходе расследования тяжких преступлений, в котором в течение длительного времени привлекается большое количество сотрудников нескольких органов внутренних дел либо подразделений Следственного комитета России.

Таким образом, активная работа по приостановленным и, особенно по возобновленным уголовным делам, приводит к тому, что появляются новые вопросы и новые возможности раскрытия и расследования преступлений и, соответственно, возможности назначения и производства предварительных исследований и дополнительных экспертиз.

Свою специфику имеет использование результатов предварительных исследований и экспертиз по приостановленным, а в последующем и возобновленным делам о нераскрытых преступлениях с учетом влияния фактора времени.

В работе по расследованию преступлений прошлых лет при производстве исследований намного чаще приходится встречаться с отождествлением изменяющегося объекта. Однако несмотря на изменения, которые происходят со временем, идентификация возможна ввиду того, что идентифицируемый объект сохраняет достаточные по содержанию и объему индивидуальные устойчивые признаки [6, с. 111]. Преодолению всех этих трудностей помогают новые возможности судебной экспертизы, которые в последние годы значительно улучшились. На данный момент методическая база производства различных видов экспертиз активно развивается.

Лица, совершившие преступления, которые остались в последующем нераскрытыми, как правило, продолжают совершать новые противоправные деяния, что обязательно приводит к образованию новых следов. Поэтому существует необходимость постоянной работы по приостановленным делам.

Приведем пример эффективного использования экспертно-криминалистических учетов при раскрытии нескольких преступлений. Так, удалось раскрыть два преступления, совершенные с большим временным интервалом в Самарской области и Республике Башкортостан в 1998 г. и в 2008 г. В первом случае в ходе осмотра места происшествия был обнаружен и изъят след руки, в другом – биологические следы преступника, в которых выделен ДНК-профиль. В результате проверок по учетам совпадения не были установлены. И лишь спустя двадцать лет в процессе деятельности по раскрытию преступлений прошлых лет в результате планомерной работы следователей были тщательно изучены материалы дел, назначены повторные предварительные исследования. В результате исследований, проверок по учетам следов рук установлено совпадение с отпечатком пальца уроженца Челябинской области. В ходе проверки его генетического профиля также получено совпадение с генотипом на вещественных доказательствах, изъятых в ходе осмотра места происшествия по преступлению, совершенному в 2008 г. [9].

Активная работа по приостановленным и, особенно по возобновленным уголовным делам, приводит к тому, что появляются новые вопросы и новые возможности раскрытия и расследования преступлений и, соответственно, возможности назначения и производства дополнительных экспертиз.

Есть необходимость отметить, что время оказывает влияние и на идентифицирующие, и на идентифицируемые объекты. В конкретном интервале времени анализ степени изменения свойств и признаков следов (объектов) имеет важное значение для определения различий, устанавливаемых осмотром и производством исследований либо экспертиз после возобновления производства по делу.

Особенно сложна ситуация, когда объекты, имеющие значение по приостановленному и возобновленному делу, утрачены либо уничтожены преступником или лицами, связанными с ним.

В практической деятельности в некоторых случаях, когда объект, важный для дела, не сохранен, но в процессе расследования выявлена достаточная информация о его идентификационных и диагностических признаках, производство исследований и экспертиз проводится и по рисункам, моделям, описаниям, фото- и видеоизображениям объекта.

Определение видоизменений объектов по истечении времени и принятие конкретных мер по их недопущению связаны с определенными элементами деятельности и взаимодействия специалиста и следователя по применению специальных знаний. В связи с этим рекомендуется привлекать сотрудников ЭКП к составлению совместных планов их дальнейшей работы как по приостановленному делу, так и после его возобновления, проверять полноту выдвинутых версий всеми доступными в настоящее время методиками, эффективность использования базы данных криминалистических учетов, а также полноту производства различных видов судебных экспертиз.

Внедрение в криминалистическую практику современных научных средств и методов и совершенствование мер в организации расследования в тесном взаимодействии оперативного работника, следователя и специалиста будут способствовать уменьшению количества нераскрытых преступлений.

Решение проблемы по расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет возможно в условиях улучшения организационной и управленческой работы в указанном направлении деятельности на всех уровнях, особенно при формировании специализированных штатных следственно-оперативных групп по расследованию данной категории дел.

Список литературы

1. Быков В. М., Ломовский В. Д. Приостановление производства по уголовному делу. М. : Юридическая литература, 1978.
2. Деятельность следователя органов внутренних дел по раскрытию преступлений. М., 1974.
3. Кулеева И. Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Омск : Южно-Уральский государственный университет, 2010.
4. Лавров В. П. Криминалистические основы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : монография. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
5. Лавров В. П. Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования прошлых лет. М. : Академия МВД СССР, 1979.
6. Лавров В. П., Максимова В. П. Судебные экспертизы и предварительные исследования как средства преодоления противодействия расследованию преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2020.
7. Морозов А. В. Использование экспертно-криминалистических учетов в расследовании преступлений прошлых лет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М. : Академия управления МВД России, 2016.
8. Самиев Н. М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) : монография / под ред. В. П. Лаврова. М. : Юрлитинформ, 2020.
9. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации информационному агентству «РИА Новости» // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/-interview/item/1732818>.